

Стилистика *РУССКОГО* *ЯЗЫКА*

Под редакцией
Н. М. Шанского

Допущено Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия для студентов
педагогических институтов по специальности № 2101
«Русский язык и литература в национальной школе»

Ленинград
«Просвещение»
Ленинградское отделение
1982

В. Д. БОНДАЛЕТОВ, С. С. ВАРТАПЕТОВА,
Э. Н. КУШЛИНА, Н. А. ЛЕОНОВА

Р е ц е н з е н т ы :

Кафедра русского языка и языкознания Туркменского государственного педагогического института имени В. И. Ленина; доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и общего языкознания Пермского государственного университета Кожина М. Н.

С80 Бондалетов В. Д. и др.

Стилистика русского языка: Учеб. пособие для студентов нац. отд. пед. ин-тов союзных республик / В. Д. Бондалетов, С. С. Вартапетова, Э. Н. Кушлина, Н. А. Леонова; Под ред. Н. М. Шанского. — Л.: Просвещение, 1982. — 286 с.

В пер.: 65 к. 16 000 экз.

Пособие знакомит студентов национальных отделений педагогических институтов с основными понятиями и категориями стилистики как науки, системой основных стилей русского литературного языка и дает характеристику стилистических ресурсов фонетики, лексики, фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса русского языка. Основные теоретические положения в пособии иллюстрируются большим количеством примеров из произведений различных жанров.

С 4309020100—038
103(03)—82 79—82

ББК 81.2Р-96
4Р(07)

§ 1. Предмет стилистики

Предмет стилистики —выразительные средства языка, принципы наиболее целесообразного их отбора, организации и использования в конкретных речевых ситуациях. Отбор языковых средств и их организация в речевое произведение (а им может быть как отдельное высказывание, так и более крупное словесно-грамматическое единство, например деловой документ, научная или публицистическая статья и др.) осуществляется с учетом содержания, цели, адресата и условий общения. Поскольку сфера общения, излагаемое содержание, его назначение, отношение автора к предмету речи и собеседнику и ряд других моментов варьируются, соответственно меняется и речевая форма. Какие различия возникают при этом, легко увидеть на примере данных ниже текстов, представляющих собой разные стили.

I. Подведены итоги Всесоюзной переписи населения. По состоянию на 17 января 1979 года численность населения нашей страны составила 262 миллиона 442 тысячи человек. Таким образом, по сравнению с дореволюционным периодом она возросла на 99,4 миллиона человек.

В период между двумя последними переписями — 1970 и 1979 годов — прирост происходил в стабильном темпе. В среднем за год население увеличивалось на 0,92 процента. Это выше, чем во многих капиталистических странах.

II. 1. Да здравствует 1 Мая — День международной солидарности трудящихся в борьбе против империализма, за мир, демократию и социализм!

2. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

3. Да здравствует марксизм-ленинизм — вечно живое революционное интернациональное учение!

4. Да здравствует ленинская Коммунистическая партия Советского Союза!

В единстве с народом — сила партии!

В единстве с партией, в ее руководстве — сила народа!

Б. Пусть живет в веках имя и дело Владимира Ильича Ленина!

III. Период X—XIV веков в истории народов Кавказа, Передней и Средней Азии все чаще и все с бóльшим основанием рассматривают как ренессансную эпоху в их культурном развитии. Действительно, общие экономические, мировоззренческие, художественные процессы у одних раньше, у других позже, с большей или меньшей степенью интенсивности коснулись стран Средиземноморья, Кавказа, Средней и Передней Азии.

IV. Чего гадать! Наш век, наверно,
Не та переживет строка,
Которую высокомерно
Поэты пишут на века.

Еще безлюдны там просторы,
А здесь — вся боль и радость вся.
Я верю в строки, без которых
Сегодня людям жить нельзя.

V. Ну что же будем очень рады только чтобы оно не случилось так что она приедет когда меня дома нет (в упрощенной транскрипции: [нуштóжъ бўдимóч'ин ráды тóл'къшъбанóн'и случ'йлъс' тák шоанá пр'иэит кам'н'я дóмън'эт]).

Первый текст составлен в официально-деловом стиле. Сообщаются предварительные итоги Всесоюзной переписи населения СССР. Стилъ изложения точен, документален: в тексте приводятся цифры, используется соответствующая лексика, устойчивые обороты деловой речи (*по состоянию на . . . численность населения составила. . .*), чтобы предельно ясно и точно передать информацию о демографическом состоянии страны.

Второй текст — публицистический. Это призывы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза к 1 Мая 1982 г. Призывы обращены ко всему советскому народу, к народам земного шара. Содержание призывов отражает важнейшие идейно-политические, социально-экономические проблемы современности. Назначение — вдохновить народы СССР и мира на борьбу за прогресс, социализм и коммунизм. Содержание отлито в чеканную форму, потребовавшую самых точных слов, грамматических форм и синтаксических конструкций (*трудящиеся, солидарность, идей-*

ное оружие, марксизм-ленинизм, социализм, интернациональное учение, пусть живет в веках, да здравствует... , соединяйтесь).

Третий текст — научный — отрывок из предисловия к книге «Поэзия народов СССР IV—XVIII веков» (серия «Библиотека всемирной литературы»). В соответствии с тематикой он включает в себя социальные, географические, культурные, литературоведческие понятия и их обозначения. Типичным для такого стиля является и синтаксис текста — значительные по размеру предложения, исчерпывающие, закрытые ряды однородных членов (...народов Кавказа, Передней и Средней Азии; ...стран Средиземноморья, Кавказа, Средней и Передней Азии).

Четвертый текст — лирико-публицистическое стихотворение С. Щипачева, в котором говорится о назначении поэта служить людям — своим современникам, откликаясь на их боли и радости.

Стихотворение строится на контрастах: противопоставляются разные поэты: «высокомерно» пишущие «на века» и те, которые, как автор, «верят в строки, без которых сегодня людям жить нельзя»; абстрактному будущему (*Еще безлюдны там просторы...*) противопоставляется полное жизни настоящее (*А здесь...*), удачны контекстные антонимы *боль* и *радость*, усиленные местоимением-обобщением *вся* (*А здесь — вся боль и радость вся*), а также контрастирующие *безлюдны* и *людям*.

Автор убеждает нас в правоте своего взгляда на роль поэзии, причем делает это в образной форме, доставляющей эстетическое наслаждение. Перед нами — образец языка художественной литературы.

Последний текст — реплика из разговорной речи. Она предельно ситуативна и потому не понятна нам. Только участники речевого акта знают, кто будет «очень рад» приезду, знают, кто приедет (*она* — мать? сестра? подруга?), но боятся, как бы ее приезд (в тексте он назван словом *оно*: приезд — это дело, это предмет обсуждения) не совпал с тем, когда его, говорящего, дома не окажется. В высказывании допущено смещение времени (вместо «когда меня дома не будет» сказано ... *дома нет*), не очень отчетлив характер связей между предложениями. Здесь естественна разговорная

интонация и небрежное произношение, частично оно отражено в транскрипции¹. Пониманию помогает непосредственный контакт разговаривающих, их мимика, жесты.

Каждый из стилей нужен и хорош своей незаменимостью, наилучшей пригодностью для выражения данного содержания в конкретных социальных условиях, с вполне определенной целевой установкой.

Стилистика изучает средства всех уровней языка, но со своей, стилистической точки зрения. Сравним слова: *глава, голова, башка, котелок, кумпол*. Все они называют один предмет (один денотат), но освещают его с разных сторон, выражая различное отношение к нему. *Глава* — поэтическое, ныне устаревшее слово: *Склонись ко мне главою нежной* (А. Пушкин). *Голова* — слово стилистически нейтральное, уместное во всех функциональных стилях. *Башка* — просторечное слово, оно уместно в сниженном контексте речи: *Вдруг как в голову ударит, или попросту — в башку* (А. Твардовский). *Котелок* — тоже просторечное слово, обозначает «голова», «умственные способности человека»: *У него хорошо котелок варит*. Как и предыдущее слово, оно недопустимо в книжных стилях речи. Слова *кумпол, тыква, арбуз* (о голове) и множество подобных входят уже за пределами литературной нормы, это жаргонизмы.

Для выражения понятия *хороший* в русском языке имеется 15 слов и выражений: *хороший, неплохой, недурной, недурственный, славный, добрый, ладный, стоящий, важный, важнецкий, мировой, хоть куда, на большой (палец), на ять*; для понятий *близко, есть* (кушать), *красный, совсем* — по 16 слов, для понятия *любимая* — 17, для *конечно* — 18, для *напиться* — 19, для *озябнуть* — 20. Есть понятия, которые обозначаются 25 и большим числом слов и выражений. Ясно, что такие слова существуют в языке (и хранятся в памяти говорящих) не для механической взаимозамены, а для более точной передачи разнообразных семантических и экспрессивно-стилистических оттенков. Стилистическая дифференциация, особенно широко пред-

¹ См.: Филин Ф. П. О просторечном и разговорном в русском литературном языке. — Филол. науки, 1979, № 2, с. 23.

ставленная в лексике, — один из предметов стилистики.

Будучи наукой о наиболее целесообразном применении языка, стилистика занимается анализом различных вариантов выражения в общих чертах сходного (хотя, разумеется, всегда неидентичного) содержания. Сравните предложения:

1. *Сергей Николаевич Бутузов, войдите в аудиторию.*

2. *Бутузов, войдите в аудиторию.*

3. (Взглянув на С. Н. Бутузова): *В аудиторию!*

Этот перечень можно увеличить (в частности, за счет варьирования обращения: *товарищ, гражданин, слушатель...*, глагола, дополнения). Здесь каждый последующий вариант отличается от первого (и предшествующего) нарастанием эмоций. Эмоционально-экспрессивные и модальные значения словосочетаний, предложений и более крупных синтаксических единиц — тоже предмет стилистики. В целом можно сказать, что стилистика одну из своих проблем видит в анализе лексических, грамматических и фонетических ресурсов языка с точки зрения их эмоционально-экспрессивной окрашенности и функционально-стилевой пригодности. Ее интересует строительный, и особенно «отделочный», материал, используемый в разных стилях и жанрах речи.

Использование языка в различных общественных сферах и речевых ситуациях с целью передачи разнообразной логической и эмоционально-оценочной информации привело к тому, что язык выработал богатый арсенал средств и типизированных приемов их наиболее целесообразного применения. Эти средства и приемы реализуются прежде всего в функциональных разновидностях языка-речи, называемых функциональными стилями, а также в эмоционально-экспрессивных, жанровых и других разновидностях.

§ 2. Функционально-стилевая дифференциация языка как один из видов его варьирования

Язык, существуя во времени и пространстве, дифференцируется в этих двух измерениях. На временной оси мы имеем дело с социально-историческими

типами языка (языком-диалектом племени, языком народности, языком нации, межнациональным языком и др.), на пространственно-географической оси — с территориальными разновидностями языка (его наречиями, диалектами, говорами).

С появлением социальной лингвистики в поле зрения попало третье измерение языка — социальное (разные формы существования языка, обслуживающие различные классовые, сословные, а также производственные и возрастные группы, — литературный язык, народные говоры, социальные диалекты разных видов и др.).

Функционально-стилевая дифференциация — четвертый вид неоднородности языка, особенно его наиболее развитой формы — литературного языка, призванного выполнять самые широкие социальные функции. Использование языка в разных общественных сферах с типичной для каждой из них формой сознания, а также наиболее типичным внеязыковым содержанием и способами его языково-речевого воплощения приводит к появлению в пределах одного языка различных функциональных стилей. Если социально-исторические типы языка изучаются в истории языка (а также в социолингвистике), территориальные разновидности — в диалектологии, социальные разновидности — в социальной лингвистике, то функциональные стили (научный, публицистический, официально-деловой, разговорный и язык художественной литературы) — в стилистике. Функциональные стили — один из главных объектов стилистики.

Интерес к функционированию языка в различных сферах человеческой жизни во многом сближает стилистику с социальной лингвистикой. Несмотря на известное совпадение аспектов и отчасти предмета этих наук, они не дублируют, а, скорее, дополняют друг друга.

Социальная лингвистика — наука об общественном характере возникновения, развития и функционирования языка. Основу ее проблематики составляет исследование влияния общества на язык и языка на общество. «...Ни мысли, ни язык, — подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, — не образуют сами по себе осо-

бого царства . . . они — только *проявления* действительной жизни»¹.

Действительная жизнь языка проявляется в том, что он выступает в качестве важнейшего средства человеческого общения. В социальной лингвистике изучаются дифференциация языка, вызванная социальной неоднородностью общества, формы существования языка, сферы и среды его использования, социально-исторические типы языков (язык-диалект племени, язык народности, национальный язык), языковая ситуация, разные виды двуязычия и диглоссии (использование двух форм существования одного и того же языка), социальный характер речевого акта, а также — и в этом социальная лингвистика смыкается со стилистикой — функционально-стилистическая дифференциация литературного языка. Функциональные разновидности языка, а также территориальных диалектов рассматриваются в социальной лингвистике в самом общем плане, в основном как отражение определенных общественных условий, как реализация социально-коммуникативного заказа, как показатель уровня лингвистического развития народа, в конечном счете — как воплощение двусторонней связи языка и общества.

§ 3. Основные направления и аспекты стилистики

В стилистике изучение функционально-стилевой дифференциации языка (речи) проводится многостороннее, глубже и детальнее, чем в социальной лингвистике. Многоаспектное изучение жизни языка в его коммуникативно-стилевой дифференциации породило внутри стилистики ряд все более обособляющихся направлений и областей. Главное внимание в современной стилистике обращается на изучение, во-первых, стилистических средств языка (фонетических, лексико-фразеологических, грамматических) и типизированных приемов их использования и, во-вторых, функциональных разновидностей, или стилей. Первое направление дает стилистику средств, или ресурсов, языка, второе направление — функциональную стили-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — Соч. 2-е изд., т. 3, с. 449.

стику, концентрирующую внимание на функционировании языка в различных сферах общения¹.

Этим двум направлениям стилистики посвящена основная масса современных стилистических исследований и у нас, и за рубежом, в частности в Чехословакии, Германской Демократической Республике, Румынии, Болгарии, Польше, Венгрии.

Хронологически первой была стилистика средств; из изучением занималась традиционная стилистика, видевшая свою главную задачу в инвентаризации стилистически окрашенных (значимых, выразительных, релевантных, отмеченных, маркированных) языковых единиц, а также в учете наиболее типичных средств достижения изобразительности речи (использование стилистических фигур: метафоры, метонимии, синекдохи, литоты, эллипсиса, повтора, фонетической инструментации и т. п.).

Гораздо позднее, по существу лишь в советское время, возникла функциональная стилистика. Она пробила себе дорогу, то идя рука об руку со стилистикой ресурсов, то конкурируя с ней. В 30-е годы, когда начался быстрый рост советской лингвостилистики, эти два направления были уже хорошо осознаны, но в центре внимания функциональная стилистика оказалась лишь в последние два десятилетия.

Кроме стилистики ресурсов и функциональной стилистики, по существу, уже выделилась в особую научную (и учебную) дисциплину стилистика художественной речи. В вузе ей посвящаются курсы «Лингвистический анализ художественного текста», спецкурсы типа «Язык художественных произведений» и т. д. Изучение стилистики языка художественной литературы противопоставляется изучению «нехудожественных», собственно-коммуникативных стилей: официально-делового, научного, публицистического, разговорного.

Но имеются деления современной стилистики, проводимые на иных основаниях. Так, все последовательнее различают стилистику отправителя речи (стилистику говорящего, автора) и стилистику получателя (слу-

¹ См.: Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1977, с. 9.

пателя, читателя). Первую из них называют стилистической кодирования, вторую — стилистикой декодирования (термины взяты из теории информации). В первом случае внимание исследователя концентрируется «на движущих силах творческого процесса писателя» (создателя текста), во втором — «на самом тексте, с которым имеет дело читатель» (получатель текста)¹.

Есть стремление, опираясь на изучение стилистик отдельных национальных языков, создать общую стилистическую теорию (наподобие общего языкознания), или общую стилистику.

Изложение элементарной теории общей стилистики дано в пособии Ю. М. Скребнева «Очерк теории стилистики» (Горький, 1975), а также А. В. Федсрова «Очерки общей и сопоставительной стилистики» (М., 1971). Немало и других работ, в которых обсуждаются общестилистические проблемы.

Однако подавляющее большинство исследований и учебных пособий посвящается стилистике отдельных языков, то есть частной стилистике².

Иногда изучение стилистики одного языка противопоставляется сопоставительной стилистике. При этом первая мыслится как внутренняя, «внутриязыковая» стилистика, а вторая — как внешняя.

Сопоставительная (ее иногда называют и контрастивной) стилистика помогает лучше увидеть национальные особенности стилистического строения языка, несовпадение границ между стилистически значимыми

¹ Один из вариантов стилистики декодирования см. в кн.: Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973. См. также разделы «Стилистика от автора», «Стилистика восприятия» в кн.: Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., 1965.

² Назовем в качестве примера учебники: Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., 1965; Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л., 1978; Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка. Л., 1973; Riesel E. Stilistik der deutschen Sprache. Moskau, 1963. Немало учебников и учебных пособий по стилистике русского языка (А. Н. Гвоздева, М. Н. Кожиной, А. К. Панфилова, А. Н. Васильевой, П. Г. Черемисина, А. И. Чижик-Полейко, Л. Г. Барласа и др.). Стали появляться исследования по стилистике языков народов Советского Союза, например: Курбатов Х. Р. Татарская лингвистическая стилистика и поэтика. М., 1978; Кумахова З. Ю., Кумахов М. А. Функциональная стилистика адыгейских языков. М., 1979.

структурными областями сравниваемых языков, несоответствия в степени их стилистической дифференцированности, расхождения в наборе функциональных стилей¹ и в границах между ними. Так, разговорно-обиходный стиль французского языка, по мнению специалистов француско-русской сопоставительной стилистики, выглядит несколько иначе, чем русского языка. Ю. С. Степанов, в частности, пишет: «Так как во французском языке фамильярная речь гораздо теснее связана с арго, чем в русском, то там она почти исключена из речи нейтральной, тогда как в русском, напротив, часто включается в нейтральную речь. Таким образом, одним этим отношением к фамильярному стилю, т. е. признаком чисто относительным, французский нейтральный стиль оказывается сдвинутым в сторону книжной речи, а русский нейтральный стиль отодвинут от нее в сторону фамильярной речи»².

Сопоставительная стилистика является как бы промежуточным звеном между стилистиками отдельных языков и общей стилистикой. Сопоставление позволяет обнаружить общие черты в стилистическом строении языков, общие стилистические категории. Однако сопоставительная стилистика имеет и прикладное, в частности лингводидактическое, значение. «Несмотря на совпадение или близость функций всех языков в современном обществе, их стилевые системы оказываются весьма различными. Язык может выполнять свое назначение лишь постольку, поскольку в нем есть стилевая дифференциация. Отсюда очевидно, что функциональные стили должны быть отправным пунктом рационального преподавания языка носителям других языков»³.

Близкородственные языки, такие, например, как русский, украинский, белорусский, имеют много общего

¹ В адыгейских языках основными функциональными стилями являются устно-поэтический, литературно-художественный и научно-публицистический. См.: *Кумахова З. Ю., Кумахов М. А. Функциональная стилистика адыгейских языков*. М., 1979, с. 8 и след.

² *Степанов Ю. С. Французская стилистика*. М., 1965, с. 234—235.

³ *Виноградов В. В., Костомаров В. Г. Теория советского языкознания и обучение русскому языку иностранцев*. — *Вопр. языкознания*, 1967, № 2, с. 8—9.

в стилистической структуре и даже в материальной (словарно-фразеологической, грамматической, образно-изобразительной) форме ее выражения¹. Исследования стилистики русского языка в сопоставлении со стилистикой тюркских, финно-угорских и других языков нашей страны будут служить фундаментом при разработке методики преподавания лингвостилистики как русского, так и родных национальных языков.

Возможны стилистика синхронная (определенного периода в жизни языка, например стилистика современного русского языка) и диахроническая (историческая стилистика).

Наконец, существует, хотя и не вполне оправданное, деление стилистики на теоретическую и практическую. В практической стилистике разрабатываются «рекомендации, которые должны обеспечить правильное употребление языка в соответствии со спецификой различных языковых ситуаций (различных областей или сфер применения речи)»².

Наличие разных направлений в стилистике — явление вполне закономерное. Оно — признак бурного роста этой науки, отражение специализации ее отдельных отраслей. Можно думать, что этот процесс будет продолжаться. И тем не менее всегда ощущается необходимость сведения всего, что добыто в стилистическом исследовании языка, воедино, в одну общую теорию стилистики, какой бы разветвленной она ни оказалась.

§ 4. Задачи стилистики как учебной дисциплины

Задачи преподавания стилистики в национальных отделениях педагогических институтов можно конкретизировать следующим образом:

¹ Об этом см. иллюстрации в книге профессора А. И. Ефимова «Стилистика русского языка», раздел «Задачи сравнительной стилистики восточнославянских языков» (М., 1969). Из новых публикаций этой теме посвящены работы М. Г. Булахова «Основные вопросы сопоставительной стилистики русского и белорусского языков» (Минск, 1979), Г. П. Ижакевича и др. «Сопоставительная стилистика русского и украинского языков» (Киев, 1980), а также книга «Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков» (Киев, 1977).

² Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966, с. 454.

1. Изучение теории стилистики как одного из направлений исследования языка в функциональном аспекте.

2. Показ места стилистики в кругу дисциплин, изучающих функционирование языка, в частности ее отношение к социальной лингвистике, а также в кругу дисциплин вузовского преподавания: «Современный русский литературный язык», «История русского литературного языка», «Лингвистический анализ художественного текста».

3. Определение предмета (предметной области) современной стилистики, характеристика ее основных направлений (стилистика ресурсов, функциональная стилистика), аспектов (стилистика отправителя и стилистика получателя речи и др.), областей (стилистика нехудожественных коммуникативных стилей и стилистика языка художественной литературы), а также основных понятий и категорий этой науки.

4. Ознакомление со стилистическими пластами лексики и фразеологии современного русского языка, а также стилистическими ресурсами синтаксиса, морфологии, словообразования и фонетики.

5. Описание основных функциональных стилей современного русского литературного языка, их внеязыковых и собственно языковых признаков, а также принципов организации стилистически нейтральных и стилистически окрашенных средств при создании функциональных стилей.

6. Детальное ознакомление с каждым из функциональных стилей, с его ведущими стилеобразующими чертами и языковыми средствами, а также с основными жанрово-ситуативными разновидностями каждого стиля.

7. Уяснение понятия стилистической нормы как особой разновидности общеязыковой нормы, как более высокого ее уровня, а также основных источников ее нарушения.

8. Ознакомление с методами и приемами анализа стилистических качеств языка (при подходе к нему «изнутри», т. е. с позиции носителей русского языка), а также с некоторыми аспектами сопоставительно-стилистического рассмотрения русского языка и других языков

народов Советского Союза, родственных и неродственных в структурном отношении.

Практические занятия, предусмотренные планом, должны углубить понимание задач стилистики, ознакомить со стилистической структурой современного русского литературного языка, с системой его стилей, развить чутье на осознание признаков основных функциональных стилей и наиболее распространенных и профессионально важных для учителя-словесника их разновидностей, научить студентов составлять тексты разной стилевой принадлежности.

§ 5. Основные понятия и категории стилистики

Стилистика как наука располагает своей системой понятий. Одни понятия и категории являются основными, ключевыми, другие — производными от них, третьи имеют частный характер.

Основными понятиями стилистики являются: 1) стилистическая структура языка, 2) стиль (функциональный стиль), 3) стилистическая окраска, 4) стилевая черта, 5) синонимия, соотносительность и вариантность языковых средств, 6) стилистическая норма и ее функционально-стилевые разновидности.

На первых трех понятиях коротко остановимся в данном параграфе, остальные будут освещены позднее, в процессе систематического изложения курса стилистики.

Стилистическая структура языка — это такая организация его средств, нейтральных и стилистически значимых, которая как бы накладывается на общую систему языка, имеющую уровневое строение, и помимо коммуникативной функции служит для выполнения языком разнообразных частных функций, сопровождающих его основную общественную функцию.

Частные функции языка: функции общения, сообщения, воздействия, экспрессивная, эмотивная (функция возбуждения), волюнтаривная (функция волеизъявления) и др.

Стилистическая организация языка позволяет ему выполнять и конкретно-речевые функции (через тот или иной функциональный стиль) — репрезентативную (ориентация на предмет мысли), контакто-

устанавливающую (ориентирование на участников речевого акта, на установление контакта между ними) и др., а также многообразные стилистические функции отдельных единиц языка. Подробная характеристика стилистической организации русского языка в целом и отдельных его уровней дается в разделе II данной книги.

С т и л ь — центральное понятие в любом направлении и в любой отрасли стилистики. Разумеется, в конкретном направлении стилистики это центральное понятие осмысливается по-своему, с учетом избранного аспекта анализа. Различному наполнению термина «стиль» способствовали разные концепции, имевшие место в истории стилистического исследования языка. Академик В. В. Виноградов был прав, говоря: «Трудно найти термин более многозначный и разноречивый — и соответствующее ему понятие — более зыбкое и субъективно-неопределенное, чем термин *стиль* и понятие *стиля*»¹. И тем не менее, отвлекшись от множества частных в определении стиля, можно выделить некий «инвариант», пригодный для учебно-познавательного характера нашей книги.

С т и л ь — это общественно осознаваемая разновидность языка-речи, которая характеризуется совокупностью средств, их отбором и системно-речевой организацией, используется в той или иной сфере общественной деятельности и соотносится с аналогичными разновидностями, применяемыми в других общественно-коммуникативных сферах.

Стили — явление историческое. В каждый период истории литературного языка один и тот же стиль, продолжая свое развитие, выступает в несколько измененном виде (ср., например, публицистический стиль XIX, XX веков и стиль советской публицистики). Нередко обогащение одного стиля идет за счет использования языкового материала других стилей; например, в современной публицистике широко используются средства разговорного стиля. Переходность, нечеткость границ между стилями как в диахроническом, так и в синхронном плане хорошо согласуется с общефилософским тезисом диалектики: «...абсолютно резкие разграни-

¹ Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М., 1961, с. 7.

чительные линии несовместимы с теорией развития... Диалектика признает в надлежащих случаях, наряду с «или-или», «как то, так и другое» и опосредствует противоположности... Разумеется, для повседневного обихода, для научной мелкой торговли метафизические категории сохраняют свое значение»¹.

С т и л и с т и ч е с к а я о к р а с к а — родовое понятие, охватывающее разнообразные виды окрашенности языковых единиц — слов, фразеологизмов, словосочетаний, синтаксических конструкций, отдельных морфологических категорий и форм, а также речевых произведений от отдельных высказываний до значительных по объему законченных текстов.

В качестве родовых нередко используются термины «стилистическое значение», «стилистическое качество», в суженном значении — термины «стилистический компонент», «коннотация» применительно к значению слова, реже — словосочетания или предложения.

Родовому понятию стилистической окраски следует противопоставить более частные категории и виды окрашенности, а именно: 1) собственно стилистическую окрашенность и 2) экспрессивную окрашенность.

С о б с т в е н н о с т и л и с т и ч е с к а я о к р а ш е н н о с т ь — это окрашенность отдельных единиц языка или его целых пластов, связанная с преимущественным использованием их в той или иной сфере, а также форме речевого общения. Стилистически окрашенными бывают слова, фразеологизмы, грамматические формы и конструкции. Их стилистическая окраска хорошо заметна на фоне соотносительных нейтральных средств. Так, в парах слов *непреложный* — *бесспорный*, *трепетать* — *бояться*, *восполнить* — *возместить* первые воспринимаются как книжные, вторые — как обычные, стилистически нейтральные, одинаково свойственные книжно-письменной и устно-разговорной речи. В парах слов *заболеть* — *захворать*, *жизнь* — *житье*, *снова* — *сызнова* вторые являются разговорными словами. Еще заметнее отличаются от нейтральных просторечные слова: *хворый* — *болезненный*, *собачиться* — *браниться*. Однако фоном, обнаруживающим окрашенность, бывают не только общеупотребительные, межстилевые сред-

¹ Энгельс Ф. Диалектика природы. М., 1947, с. 193.

ства, но и сами окрашенные единицы: книжность одних средств противопоставлена разговорности, просторечности других, ср.: *бичевать* (книжн.) и *пороть, полосовать, драть* (разг.), а также *лупить, лупцевать, колошматить* и др. (прост.); разговорно-просторечный стенок форм *в отпуску, в цеху, на холоду* особенно явствен на фоне нейтрально-литературных и даже несколько книжных *в отпуске, в цехе, на холоде*.

Собственно-стилистическая окрашенность в чистом виде встречается нечасто. Обычно ее сопровождает экспрессивность, эмоциональность, оценочность.

Экспрессивная окрашенность — это разновидность стилистической окраски, указывающая на характер и степень выраженности качественных или количественных признаков называемого явления (объекта, лица, действия, состояния и т. д.). Экспрессивность — своеобразная прибавка к простой номинативности слова. Ср.: нейтральное номинативное слово *гореть* и соединяющие номинативность и экспрессивность *пылать, полыхать* «гореть интенсивно»; *беспорядок* и экспрессивные его синонимы *безалаберщина, ералаш, кавардак*; слово *множество* и целую цепь синонимов, передающих то же понятие — «большое количество чего-либо», но с большей интенсивностью, с дополнительными качественно-количественными оттенками: *уйма, бездна, пропасть, куча, воз, вагон, прорва, гибель*. Обычно говорят об экспрессивности слов. Но она бывает и у фразеологизмов (*тьма тьмушая*), и у более крупных единиц языка — у предложения, сложного синтаксического целого и т. д.

Экспрессивность бывает двух видов: 1) не сопровождаемая эмоциональностью и 2) сопровождаемая эмоциональностью. Наложение этих двух окрасок видим, например, у таких экспрессивно-эмоциональных слов, как *шпарить* (*шпарь отсюда* — быстро уходи, беги), *жарить* (*жарь на гармошке*) и подобных.

К экспрессии и эмоциональности может прибавляться оценочный момент — положительный: *кушать* (есть) — или отрицательный: *жрать, лопать, трескать, наворачивать*. Так получают экспрессивно-эмоционально-оценочные слова, в которых три названных компонента, или значения, коннотации, как бы сливаются в одну сложную окраску.

Нередко оценочные, а также экспрессивно-эмоциональные характеристики, как уже говорилось, накладываются на стилистические. Например, положительную окраску чаще имеют книжные слова: *ратовать, лента, пламенеть*, а отрицательную — разговорно-просторечные: *сборище, мерзляк* и др. Эмоционально-экспрессивные слова могут иметь окраску шутливую, шутливо-ироническую, неодобрительную, ласкательную, приподнятую и др. Эти же оттенки, нередко еще более дифференцированные, выражаются в произношении, через интонирование высказывания. Причем разнообразную окраску могут получить предложения, состоящие из нейтральных в экспрессивно-стилистическом отношении слов. Хорошо сказал об этом А. П. Чехов в рассказе «Сильные ощущения»: «Приятель говорил не новсе, давно всем известное, и весь яд был не в том, что он говорил, а в анафемской форме... Слушая его тогда, я убедился, что одно и то же слово имеет тысячу значений и оттенков, смотря по тому, как оно произносится, по форме, какая придается фразе».

Среди стилистически окрашенных средств можно выделить такие, которые довольно регулярно используются в определенных функциональных стилях, например слова официально-делового стиля: *надлежит, доложить, довести до сведения, затребовать, уведомить*; слова и обороты газетно-публицистического стиля: *отечество, патриотизм, форум, трудовая вахта, разрядка напряженности*. Это функционально-стилевые средства. Их соотношенность со стилями нередко подчеркивается термином «стилевая окрашенность». Основная масса функционально-стилевых средств имеет самую общую ориентированность на два типа стилей — книжный и разговорный. И это противопоставление довольно ощутимо. Например: *Женщина уже в немалых годах, и девственно-небесная лента не гармонирует, книжно говоря, с ее обличьем...* (В. П. Астафьев). Именно такая маркировка дается в толковых и синонимических словарях, а также при описании стилистических средств синтаксиса, морфологии, словообразования. Например, в книге «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» (М., 1976) о варианте *около миллиона человек бастует* — *около миллиона человек бастуют* сказано: «...предложения

с множественным числом сказуемого ближе к разговорной речи, предложения с единственным числом сказуемого отражают более строгую, книжную норму» — или о варианте *искали выхода из положения* — *искали выход из положения*: «...в строгой письменной речи предпочитается форма родительного падежа».

Но немало и таких средств, особенно лексико-фразеологических и словообразовательных, которые являются специфическими признаками отдельных функциональных стилей — либо как единственная сфера употребления этих средств, либо как наиболее полное (частотное) их использование в конкретном стиле. Так, формы на *-ейший*: *важнейший, крупнейший* — встречаются преимущественно в публицистическом стиле. А из вариантов типа *скорее — скорей* в этом стиле преобладают формы на *-ее*: *Жизнь свидетельствует: коммунистические и рабочие партии срывают преступные замыслы противников социализма тем успешнее, чем последовательнее они хранят верность принципам марксизма-ленинизма, социалистического интернационализма* («Правда», 5 ноября 1981 г.).

Стилистическая окраска бывает языковая, свойственная единицам языка, и речевая, возникающая в речи, в контексте. Речевую окраску могут получить нейтральные средства, употребленные в необычном значении в новой функции (переносное значение слов, употребление одного наклонения вместо другого и т. п.).

Известным стилистическим эффектом обладают также архаизмы (устаревшие слова, фразеологизмы, а также формы слов, синтаксические конструкции: *окоем* — кругозор, *наветчик* — клеветник, *пастырь* — пастух, *сестра милосердия* — медицинская сестра, *несть числа* — много) и отдельные неслогизмы (преимущественно новые слова и новые значения слов: *бетонка* — дорога, покрытая бетоном, *гравийка* — дорога с гравийным покрытием, *дикарь* (об отдыхающем без путевки), *баскет* — баскетбол, *главреж* — главный режиссер).

Стилистически значимыми в литературной речи оказываются нейтральные в своей среде диалектизмы: *векша* — белка, *гулливый* — разгульный; жаргонизмы: *шкет* — мальчик, а также термины и профессионализмы: *рекогносцировка, тренинг, стартер*.

Стилевая черта — это характерный специфический признак того или иного функционального стиля, одна из его опознавательных примет. Характерную примету стиля называют по-разному: стилевая черта, стилистическое качество, признак стиля речи и др. Чаще всего при описании стилей, особенно при их сравнении, пользуются противопоставлениями таких стилевых черт: безобразность (она характерна, например, для официально-делового стиля) — образность (одна из отличительнейших черт языка художественной литературы, отмеченная еще В. Г. Белинским: «Искусство — есть мышление образами»); эмоциональность (например, публицистического стиля) — неэмоциональность, или рациональность (например, научного стиля, в особенности стиля математических наук); точность — неточность, логичность — нелогичность, стандартизированность — уникальность и т. д.

Многие из стилевых черт характерны не для одного, а для двух-трех стилей, но в каждом из них одни и те же черты имеют свою специфику, свое функционально-стилевое качество. Например, точность как стилевая черта присуща всем стилям, кроме, разве, разговорного. Но точность официально-делового документа, точность математического изложения, точность художественного изображения различны.

Учение о стилевых чертах разработано недостаточно полно. Из последних работ, посвященных этому вопросу, можно указать статью Э. Г. Ризель «К определению понятия и термина «стилевая черта»¹, где дается обзор зарубежных и советских публикаций (в основном на материале германских и русского языков).

§ 6. Понятие о функциональных стилях, их виды

Понятие функционального о стиля является центральным в современной функциональной стилистике. Более того, своим рождением функциональная стилистика во многом обязана именно этой категории, противопостав-

¹ Филол. науки, 1978, № 4. См. также: Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968; Она же. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972; Иконников С. Н. Стилистическая работа в процессе изучения русского языка. М., 1977.

ленной выделению стилей на эмоционально-экспрессивном, жанровом и других основаниях.

Функциональный стиль — явление двустороннего порядка. Он порожден общественной практикой, особыми задачами и целями коммуникации в той или иной сфере человеческой деятельности. Но сущность его лингвистическая. Он представляет собой специализированную подсистему литературного языка, использующую те языковые средства и в таких сочетаниях, которые наилучшим образом соответствуют данному содержанию и назначению речи.

Классификация функциональных стилей в силу двойственной их природы обычно строится на двух основаниях — экстралингвистическом и собственно лингвистическом. Одни лингвисты исходным, определяющим считают экстралингвистический принцип, учитывая при этом большой комплекс внеязыковых факторов: сферу общения, типовые особенности содержания коммуникации, цель и назначение общения, форму общественного сознания, тип мышления, характерный для данной сферы и вида общественной деятельности. Другие, не отрицая важной роли экстралингвистических оснований, стараются исходить из собственно лингвистических показателей: набор стилистически окрашенных средств, их соотношение с нейтральными, особые функции языковых единиц и стиля в целом, типичные стилевые черты и др. Академик В. В. Виноградов, учитывая реализацию основных функций языка (общение, сообщение, воздействие), называет шесть функциональных стилей. «При выделении таких важнейших общественных функций языка, как общение, сообщение и воздействие могли бы быть... разграничены такие стили: обиходно-бытовой стиль (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия)»¹.

Нетрудно заметить, что учета одних важнейших функций языка без более частных функций, а также без других собственно лингвистических признаков и эк-

¹ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 6.

стралингвистических показателей недостаточно для выделения стилей: функций оказывается меньше, чем стилей; кроме того, вряд ли в том или ином стиле (стилях) представлена лишь одна из указанных «важнейших общественных функций». Обычно все они, хотя и в разной мере, выступают одновременно. Текст любого стиля и что-то сообщает, и как-то воздействует на читателя и слушателя.

В соответствии с двойственной природой функциональных стилей, опираясь на собственно лингвистические и экстралингвистические их признаки, можно выделить четыре главных стиля в составе современного русского литературного языка: три книжных (официально-деловой, научный, публицистический) и наиболее четко и полно противопоставленный им разговорный стиль. В принципе все стили, и книжные и разговорный, имеют две формы их реализации в речи — письменную и устную. Формы речи оказывают воздействие на стили, но не меняют их сущности. Так, научный стиль остается научным и в устной форме — в лекции, в научном докладе, в беседе, хотя эта форма и вносит в него свои коррективы. Разговорный стиль существует, как правило, в устной форме, реализуя известные ее достоинства и недостатки, однако он может быть зафиксирован на письме (бытовая, неофициальная переписка), на магнитофонной ленте или в грамзаписи.

Следует сказать об особом статусе литературно-художественного языка. Одни исследователи, например Л. Ю. Максимов, Н. А. Мещерский, Н. М. Шанский, Д. Н. Шмелев, подчеркивая «многостильный» характер художественного языка (в нем представлены, правда в преобразованном виде, элементы всех стилей), не считают возможным относить его к категории функциональных стилей. Ему отводится особое место в составе литературного языка. Художественную речь они называют не стилем, а языком художественной литературы. Другие (В. В. Виноградов, А. И. Ефимов, Р. А. Будагов), не приравнивая язык художественной литературы ни к одному из «нехудожественных» стилей, все же признают его стилем, но не обычным, не рядовым, а более высоким, эстетико-коммуникативным¹.

¹ См. об этом «Курс лекций по стилистике русского языка» А. Н. Васильевой (М., 1976), а также аргументы за признание язы-

Б. Н. Головин, как и другие ученые, рассматривая стили по их отношению к типам социальной деятельности, к типам работы сознания (мышления), к функциональным аспектам действительности (в плане взаимодействия языка и действительности), к ситуации общения, а также речевые структуры и типовые организации стилей, считает, что язык художественной литературы «рядоположен другим стилям», а не вбирает их в себя и, подобно им, не выходит за пределы литературного языка¹.

Авторы настоящего пособия придерживаются мнения о значительном своеобразии языка художественной литературы по сравнению с другими стилями. Однако эта специфика не достаточна для того, чтобы признавать его «языком в языке». Поэтому язык художественной литературы рассматривается в курсе стилистики на правах особой разновидности литературного языка.

Стили соотносительны между собой, они как бы дополняют один другой и противопоставлены друг другу. «Стили противопоставлены не только и не столько по отдельным составляющим, сколько как одно целостное единство другому»².

Более обстоятельная характеристика стилей современного русского литературного языка, а также языка художественной литературы дается в разделе III данной книги.

§ 7. Вопрос о стилях языка и стилях речи

Вопрос о лингвистической природе стилей — один из сложнейших вопросов стилистической теории. К языку (в узком смысле) или к речи, если признавать эту дихотомию³, относятся стили? Если к языку, то тогда

ка художественной литературы особым функциональным стилем в «Стилистике русского языка» М. Н. Кожиной (М., 1977, с. 196—207).

¹ Головин Б. Н. Язык художественной литературы в системе языковых стилей современного русского литературного языка. — В кн.: Вопросы стилистики, вып. 14. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978, с. 113—121.

² Васильева А. Н. Курс лекций ..., с. 57.

³ Анализ этой проблемы в общелингвистическом плане посвящена книга «Язык и речь» (Тбилиси, 1977); см., в частности, статьи Т. С. Шарадзендзе «Проблема взаимоотношения языка и речи» и Б. А. Серебренникова «Еще раз о дихотомии «язык» и «речь».

надо говорить о стилях языка, или языковых стилях, если к речи, то — о стилях речи, или речевых стилях. А может быть, реально существуют и стили языка, и стили речи? Если так, то в чем разница между ними? И как они соотносятся между собой?

Эти вопросы стоят перед каждым исследователем стилистических свойств языка и его функционирования. Прежде всего надо подчеркнуть, что ответы на поставленные вопросы окажутся разными уже потому, что можно говорить о разных типах стилей — функциональных, жанровых, экспрессивных, а доля «языкового» и «речевого» в каждом из этих типов, конечно, неодинакова. Если исследователя интересуют такие качества стиля, как характер воздействия на слушателя, например сдержанность (холодность, сухость) или эмоциональность стиля, а также интимность, юмористичность, сатиричность и т. д., то ясно, что речь идет об экспрессивных стилях, и вопрос об их языковой сущности будет решаться иначе, чем для жанровых и тем более функциональных стилей.

В науке и учебной литературе есть попытка рассмотреть и расчленить в аспекте дихотомии «язык — речь» и функциональные стили. Так, А. К. Панфилов вслед за В. В. Виноградовым различает «функциональные стили языка и стили речи», называя последние жанрово-ситуативными стилями¹.

При таком понимании стилей языка и стилей речи первые признаются исходными, базовыми, а вторые — их продолжением, конкретизацией. «Языковые стили, — указывал В. В. Виноградов, — становятся базой для дифференциации многочисленных и многообразных форм речевого общения»².

Другие авторы видят в функциональных стилях собственно речевую природу. Так, К. А. Долинин полагает, что «функциональные стили отражают речь, речевой узус (традицию), нормы речевого поведения в опреде-

¹ Панфилов А. К. Лекции по стилистике русского языка. М., 1972, с. 30—31.

² Виноградов В. В. Русская речь, ее изучение и вопросы культуры речи. — *Вопр. языкознания*, 1961, № 4, с. 13. Ср.: Березин Ф. М., Головин Б. Н. *Общее языкознание*. М., 1979, с. 220—239.

ленных социальных ситуациях; следовательно, функциональная стилистика есть стилистика речи»¹.

Очевидно, правильнее будет признание функциональных стилей и не только языковыми, и не только речевыми категориями, а одновременно и теми и другими, т. е. языково-речевыми. О сложном, диалектически двуедином характере языка и речи, а также природы стилей писал и В. В. Виноградов: «Стилистика речи базируется на стилистике языка. Языковая система не только «порождает» речь, но и питается ею, применяется под ее сильным воздействием»².

В языке «заданы» многие стилистические качества, характерные для речи. «Речевая функционально-стилистическая окраска возникает в результате как привлечения элементов с языковой функционально-стилистической окраской, так и специфической сочетаемости нейтральных элементов в контексте, их частотности»³.

Итак, функциональные стили имеют языково-речевую природу: в них используются не только готовые стилистически ориентированные средства языка, но и создается своя речевая системность и стилевая окрашенность. Однако ввиду того что в научной и методической литературе широко распространены термины «стили языка» и «стили речи», мы также будем употреблять их: первый — при необходимости подчеркнуть собственно структурно-языковую природу исходных средств функционального стиля, второй — когда надо выделить его специфически речевые закономерности и особенности.

§ 8. Синонимия, соотносительность и вариативность как база стилистики

Слово «синоним» в переводе с греческого означает «одноименный», то есть именуемый одно и то же. За многовековую историю изучения синонимии, прежде

¹ Долинин К. А. Стилистика французского языка. Л., 1978, с. 63.

² Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 14.

³ Виноградов В. В., Костомаров В. Г. Теория советского языкознания и обучение русскому языку иностранцев. — Вопр. языкознания, 1967, № 2, с. 8.

всего лексической, возникли разные толкования этого явления. Их можно свести к двум основным: предельно узкое и предельно широкое понимание синонимически соотносительных средств языка.

При узком, почти этимологическом, наполнении под термином «синоним» понимают языковые единицы, обладающие тождественным, одинаковым значением. Синонимы — это «тождесловы», или «сословы», как их именовали в прошлом.

В плане характеристики средств для передачи сходного, но далеко не тождественного в смысловом и стилистическом отношении содержания оправдано, особенно в стилистике, расширенное толкование синонимии как соотносительности и вариативности. «Одним из важнейших свойств любого языка, определяющих возможности выразить одну и ту же мысль различными способами и при этом передать разнообразные индивидуальные оттенки, является его вариативность, понимаемая широко, т. е. а) возможность выбора слова, или формы, или конструкции, которая обусловлена наличием в языке нескольких параллельных форм, как в области синтаксиса, так и морфологии... б) возможность использовать для выражения эти параллельные формы, беря их одновременно из различных областей языка»¹.

Для стилистики чрезвычайно важно разграничение синонимии языка (в словарях синонимов приводятся только языковые синонимы) и синонимии речи. Речь не только реализует синонимию языковых средств, но и может порождать свою, контекстную синонимию. Контекст способен открыть близость отдаленных слов, сделав их синонимами для данного случая, для данной ситуации.

Общее понимание синонимии для всех уровней языка, а также для всех случаев её функционирования в речи оказывается намного шире, чем представление, сложившееся на основе наблюдений над «тождесловами». По существу, под синонимией при таком подходе понимаются все соотносительные в функциональном плане языковые явления.

¹ Словарь синонимов русского языка / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. Л., 1970, с. 11.

Соотносительность языковых средств как раз и интересует говорящих, поскольку именно она позволяет осуществлять выбор.

Соотносительность «более или менее синонимических средств выражения» оказывается принципом стилистической организации не только синонимических рядов (парадигм) в лексике и в синтаксисе. Соотносительность выступает как принцип, как схема стилистической организации языка в целом. Академик Л. В. Щерба, говоря о структуре стилистики русского языка, представлял ее в виде соотносительных кругов: «В этой стилистике русский литературный язык должен быть представлен в виде концентрических кругов — основного и целого ряда дополнительных, каждый из которых должен заключать в себе обозначения (поскольку они имеются) тех же понятий, что в основном круге, но с тем или с другим дополнительным оттенком... Развитой литературный язык представляет собой весьма сложную систему более или менее синонимичных средств выражения, так или иначе соотнесенных друг с другом»¹.

Вместе с тем следует предостеречь от слишком широкого понимания синонимии, когда под нее подводятся не только языковые средства, но чуть ли не стили, якобы выражающие «различные стилистические воплощения приблизительно общего («одного и того же») смысла»².

С понятиями синонимии и соотносительности, как уже указывалось, тесно связано понятие вариативности. Между вариантом (дублетом) и синонимом есть различие и сходство. Синонимы — разные слова или другие единицы языка (словосочетания, предложения) со сходным значением. Варианты — разновидности одной и той же языковой единицы, обладающие одинаковым значением, но различающиеся по форме. Варианты и синонимы объединяются как носители тождественного или сходного значения. Многие варианты не диф-

¹ Щерба Л. В. Современный русский литературный язык. — В кн.: Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 121.

² Такой недостаток был свойствен традиционной стилистике. См. об этом: Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976, с. 26.

ференцируются не только семантически, но и стилистически, например произносительные варианты [с'т']енá и [ст']енá, ко[н'с']ёрвы и кон[с']ёрвы, дрó[ж'ж']и и дрó[ж-жы] — с мягким и твердым произношением звуков. Однако немало и таких вариантов, которые имеют стилистические различия и, следовательно, могут быть использованы с выбором, в функционально-стилистических целях. Стилистически значимыми, подобно синонимам, могут быть варианты: произносительные: *молочный* — *молошный*; акцентологические: *кóмпас* — *компáс*, *до-бы́ча* — *до́быча*, *áтомный* — *ато́мный* (вес); морфологические: *в цехе* — *в цеху*, *тракторы* — *трактора*, *кусок сыра* — *кусок сыру*, *машу* — *махаю*, *каплет* — *капает* (первые варианты имеют по сравнению со вторыми книжный оттенок); словообразовательные: *больше* — *побольше*, *шторм* — *штормяга* (вторые варианты имеют разговорный характер); синтаксические: *Около миллиона человек посещает театры.* — *Около миллиона человек посещают театры* (предложения с единственным числом сказуемого свойственны более строгой, книжной речи, с множественным числом — ближе к разговорной речи).

Стилистическая дифференцированность вариантов делает их важным стилистическим средством. Подобно синонимам, они — ресурсы стилистики.

Итак, синонимия, соотносительность и вариативность, свойственные лексике, морфологии, синтаксису и другим уровням языка, являются базой для использования языка в функционально-стилистических целях.

§ 9. Методы и приемы стилистического анализа

Анализ стилистически скращенных и нейтральных единиц языка, а также их функционирования в речи, где экспрессивно-стилистическая окраска либо усиливается, либо ослабляется, а нередко и видоизменяется, в принципе может быть осуществлен описательным, сравнительным и другими универсальными методами языкознания. К анализу языка в стилистическом аспекте приложимы как качественные, так и количественные методики и приемы этих общелингвистических методов. Разумеется, предметом рассмотрения в данном случае окажутся собственно стилистические катего-

рии — как самые крупные (функциональные стили), так и тончайшие семантико-стилистические нюансы и окраски. При стилистическом анализе учитывается не только качественная сторона тех или иных языковых средств, но и их количественная представленность. В статистической характеристике нуждается и такая, обычно улавливаемая читателем и слушателем, категория, как функциональный стиль, поскольку «его слагаемые интуицией обычно не вычленяются»¹. Статистика — один из распространенных и эффективных инструментов лингвостилистики.

Однако своеобразие анализируемого в стилистике материала и особый аспект его рассмотрения приводят к тому, что происходит известная специализация общелингвистических методов, их приспособление к обработке особо тонкой и изменчивой стилистической материи. Это обстоятельство привело к выработке своих, собственно стилистических методов, приемов и процедур исследования. Ознакомимся с основными из них, чаще всего используемыми в современных стилистических исследованиях, а также в работе по стилистике в вузе и в школе.

1) Анализ по стилистическим пометам в словарях и справочной литературе.

Его сущность заключается в наблюдении над стилистическими категориями в фонетике, лексике, фразеологии, словообразовании, морфологии, синтаксисе, которые имеют стабильный характер и потому фиксируются нормативными пособиями — орфоэпическими, лексикографическими, грамматическими. Допустим, нас интересует характер стилистической окраски слов и ее отражение в толковых словарях. Прочитав вводную статью о построении словаря и о принятых в нем стилистических пометах, мы избираем отрезок, например на буквы Д — Е, и выписываем слова, пропуская нейтральные, с собственно стилистическими и эмоционально-экспрессивными пометами. Выборка покажет, что есть слова «книжные», «разговорные», «просторечные», «народно-поэтические», а также с другими, более частными оттенками. Сгруппировав слова со сходными характеристиками, мы полнее и лучше почувствуем

¹ Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971, с. 131—132.

своеобразие каждой стилистической категории — разговорности, просторечности и т. д. (особенно при сравнении их друг с другом, а также с нейтральной лексикой).

Еще более тонкой будет работа по выявлению черт сходства и различия в стилистической окраске в пределах того или иного пласта слов. Например, сопоставляются в стилистическом плане, с одной стороны, слова с пометой «разговорное» (без дополнительных помет): *переиначить, перловка, псбрякушка, ребятня, рядышком* — и, с другой стороны, слова: а) «разговорно-неодобрительное»: *паникер, плакса, подвох, разнежиться, слушок*; б) «разговорно-пренебрежительное»: *пигалица, подлиза, пустослов, разиня*; в) «разговорно-презрительное»: *писака, подпевала, рвач, слюнтяй*. Можно сравнить между собой и слова с экспрессивно-оценочными пометами (группы а, б, в).

Полезны, особенно в учебных целях, наблюдения над стилистическими пометами в словарях синонимов. Например, в синонимическом ряду *хорошо, неплохо, недурно, недурственно* (разг., шутл.), *славно* (разг.), *ладно* (разг.), *здорово* (разг.), *важно* (разг.), *важнецки* (прост.), *мирово* (прост.), *хоть куда* (прост., усилит.), *что надо* (прост., усилит.), *на большой* (палец) (прост., усилит.), *на ять* (прост., усилит.) находим слова нейтральные, разговорные, просторечные, нередко с дополнительными оттенками усилительности, шутливости¹.

Примером применения статистики может служить стилистический анализ лексики словаря «Новые слова и значения» под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина (М., 1971). В нем помещено 350 слов. Из них помету «в разговорной речи» имеют около 250 слов, что составляет 7 процентов от общего фонда словаря, помету «в просторечии» — 40 слов (1,1 процента) и т. д. Полученные данные можно сопоставить, например, с результатами статистического анализа «Словаря русского языка» С. И. Ожегова² и интерпретировать расхождения между стабильной и новой лексикой в дозе стилистически окрашенных слов.

¹ См.: Словарь синонимов. Справочное пособие. Л., 1976.

² См.: Вопросы учебной лексикографии. М., 1969, с. 112 и след.

Большие возможности для наблюдений над стилистической дифференциацией (и ее отсутствием) в области синтаксиса, морфологии, словообразования содержит книга Л. К. Граудиной, В. А. Ицковича, Л. П. Катлинской «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов» (М., 1976). Здесь в абсолютных числах и процентах приводятся данные о количественном соотношении вариантов синтаксических, например: *после окончания* — 142 случая (в выборе из 100 тысяч употреблений), или 57,0%, *по окончании* — 101 случай (40,56%), *по окончанию* — 6 случаев (2,44%); словоизменительных: *сто граммов* — 907 (79,70%), *сто грамм* — 231 (20,30%); словообразовательных: *туристский* — 314 (64,76%), *туристический* — 171 (35,26%); нередко анализ материала завершается указанием на различие в стилистической окраске вариантов, на преимущественное использование одного из них в книжных стилях: официально-деловом, научно-техническом, публицистическом, а другого — в разговорно-обиходной речи.

2) Наблюдения над нейтральными и стилистически окрашенными средствами в речи.

Этот вид анализа сложнее. Важно не просто отыскать в тексте слова, формы слов, конструкции, которые в справочной литературе даны как нейтральные или окрашенные, а определить их стилистический оттенок в данном контексте. Например, слово *мужик* в толковых словарях квалифицируется как просторечное в значении «мужчина». В посме Е. Исаева «Даль памяти», где, в частности, говорится о посвящении в мужики, это слово звучит как торжественное, высокое, горделивое:

Не будь ее, косы такой,
Пожалуй,
Ты б не прошел тем летом в мужики.
А ты прошел. Да как еще —
Осилил!
И сразу помнишь? — тридцать девять,
Все:
— Муж-ж-жик!
— Муж-ж-жик!
Раздельно возгласили
Хвалу тебе и звончатой косе.

Б. Кежун в поэме «Памяти брата», посвященной бойцу Особого отряда Московского района города Ленинграда Л. А. Кежуну, называя своего брата, использует несколько слов и словосочетаний (в зависимости от контекста): *братишка, братец, младший брат, братик родной, брат, мой брат, он, красноармеец Кежун, лежит он, жертва февраля* — и строго официальное:

Здесь, на проспектах Ленинграда,
Ты навсегда остался юн,
Боец Особого отряда —
Красноармеец Л. Кежун.

Официальная лексика в особом контексте, подготовленном всем содержанием поэмы, воспринимается как торжественная, как скромный, но поэтически-высокийobelisk, воздвигнутый в память погибшего воина.

3) Стилистическая интерпретация текста.

Это более сложный вид анализа. Опираясь на знание разнообразия стилистических качеств слов, словосочетаний и других единиц языка, исследователь стремится перейти к рассмотрению стилистических категорий, возникающих или полнее проявляющихся на уровне сочетания, комбинирования языковых средств в более крупных речевых единствах. Этими новыми, собственно стилистическими категориями являются стилистическая тональность (окраска) отдельного высказывания, стрывка или целого текста, стилевая черта (или ряд стиливых черт), нормы данного стиля, наконец, сам функциональный стиль, представленный в анализируемом тексте.

Хотя речевой стиль, как уже отмечалось выше, в целом «улавливается, замечается читателем и слушателем»¹ на интуитивном уровне, бывает непросто определить, какие элементы оказывают решающее влияние на стилистический облик текста, на его стилевую принадлежность. Еще сложнее дается анализ текстов, которые как бы совмещают в себе признаки разных стилей или, говоря точнее, демонстрируют собой взаимосвязанность стилей, их переходность, недискретность. А такие тексты встречаются чаще, чем «чистые», имеющие отчетливую стилевую «привязку».

¹ Головин Б. Н. Язык и статистика. М., 1971.

При стилистической характеристике текста учитываются и содержание, и средства его выражения. Последние оцениваются с позиции их наибольшего соответствия содержанию и назначению сообщения.

Вот первый абзац текста, посвященного характеристике народонаселения нашей страны:

В Киевской Руси было около пяти миллионов жителей, в России Петра Великого — около 12 миллионов. В 1882 году население страны (в современных границах) достигло ста миллионов. В 1941 году оно должно было бы превысить двести миллионов, но начавшаяся война перенесла дату этого рубежа на 1956 год...

К какому стилю относится отрывок? Официально-деловому? Научному? В тексте есть недостаточно строгие для этих стилей выражения: «в России Петра Великого», население «должно было бы превысить», «война перенесла дату», а также многоточие в конце фразы. Может быть, научно-популярный? Возможно. Читаем второй абзац:

262 442 000. Такова численность населения Советского Союза на 17 января нынешнего года. Предварительные итоги проведенной в этот день переписи дают возможность нарисовать «демографический портрет» советского народа, хотя пока еще неполный, «штриховой» — данные о возрастной структуре, уровне образования, национальном составе еще обрабатываются.

Признаки популярного изложения итогов переписи налицо: нарисовать «штриховой демографический портрет». Так в официально-деловых документах не пишут. Не о деловом, а ином характере стиля свидетельствует и обозначение численности населения: 262 442 000. Этот лаконизм (без упоминания «миллионов», «тысяч» и «человек») — примета публицистической манеры изложения.

Читаем дальше, пропустив 3 абзаца:

Коэффициент рождаемости зависит не только от социально-экономических, но и от этнических факторов. Например, Грузия и Армения находятся рядом и в примерно равных природных условиях, однако за 9 лет между переписями население Гру-

зии увеличилось на 7 процентов, а Армении — на 22 процента...

Этот отрезок дан в форме, которая могла бы быть уместной в ряде стилей: официально-деловом (перед этим речь шла о «репродуктивных установках»; правда, автор, употребив этот термин, тут же добавляет — «как выражаются демографы»), научном, публицистическом. Однако предложение: «Но большинство медалей и орденов материнства отправляется в среднеазиатские республики», содержащее перифрастическое обозначение более высокой рождаемости в республиках Средней Азии, заставляет отказаться от предположения об официально-деловом или научном характере стиля и склониться к мысли о его принадлежности к публицистике. Такое мнение поддерживается встречающимися в тексте выражениями: «опаленные войной» (поколения), «растут города и их число, растут под аккомпанемент споров градостроителей и плановиков», «9 лет назад «приморцев» было на четверть миллиона меньше», «нужны новые руки и головы», «в нашей стране «лишних» людей нет». И, наконец, предпоследний абзац:

В ближайшие годы на трудовой путь вступит поколение, родившееся в 60-х годах. Это было сравнительно малочисленное поколение по причине малочисленности своих родителей, появившихся на свет в суровую военную пору. Так каждые 20—25 лет нас догоняет демографическое «эхо войны», дает о себе знать старая солдатская рана на теле нации —

окончательно укрепляет нас в этом мнении. На такую характеристику и квалификацию стиля статьи наталкивает и ее заголовок — «Штрихи к нашему демографическому портрету (К предварительным итогам переписи населения страны)», а также факт публикации статьи в газете (автор материала Г. Герасимов, политический обозреватель АПН).

В заключение следует подчеркнуть, что известная «разностильность» — одна из черт не только публицистического стиля, но и других стилей нашего времени.

4) Стилистический эксперимент.

Каждый из нас, желая точнее передать свою мысль, нередко меняет один вариант фразы на другой, оценивая при этом, какой из них лучше. Обычно это бывает

при пользовании письменной формой речи. Перед нами стилистический эксперимент в его простейшем виде. Так, прежде чем написать фразу: «Каждый из нас, желая точнее передать свою мысль...», мы выбирали для нее наиболее подходящие слова. Мысленно, почти автоматически, перебрав слова: *каждый, любой, всякий... из нас*, отвергаем слово *всякий*, как менее подходящее здесь. Из двух почти равноценных синонимов *каждый* и *любой* оставляем первый, поскольку в слове *любой* содержится некоторый оттенок оценки — «какой угодно из ряда подобных», а в слове *каждый* такой оценки нет — *каждый* — «один из ряда подобных», поэтому оно лучше. Вместо «желая точнее передать свою мысль» можно бы употребить: *стремясь (намереваясь, пытаясь, стараясь, мечтая...) лучше (удачнее, наилучшим образом...) изложить (сообщить, сформулировать...) свою мысль*. Однако каждый из приведенных вариантов чем-то хуже первого: *стремясь* содержит оттенок интенсивности желания, *намереваясь* — оттенок попытки, пробы, обдуманного намерения, чего нет в слове *желая*.

Стилистический эксперимент, взятый из языковой практики, особенно из литературной практики мастеров слова, был глубоко осмыслен и развит как прием научного исследования такими выдающимися стилистами, как А. М. Пешковский, Л. В. Щерба, А. Н. Гвоздев.

А. М. Пешковский в статье «Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы», касаясь стилистических возможностей свободного порядка слов в русском языке, писал: «Благодаря ему, сочетание, состоящее, например, из пяти полных слов (*посложим, я завтра пойду гулять*), допускает 120 перестановок. А так как каждая перестановка слегка изменяет значение всей фразы, то получается 120 синонимов!... В прямом порядке сказуемое следует за подлежащим (*дождь идет, он ленив*), дополнение за дополняемым (*он берет книгу, дом отца красив*), определяемое за определяющим (*хорошая погода установилась*), глагол за грамматическим наречием (*он красиво пишет*), неграмматическое наречие за глаголом (*он пишет наугад*). В обратном, как показывает сам термин, члены меняются местами: *идет дождь, ленив он, он книгу берет, отца дом красив, погода хорошая установилась*,

он пишет красиво, он наугад пишет... Всякий обратный порядок в тексте должен быть эстетически оправдан»¹.

В статье «Как вести занятия по синтаксису и стилистике в школе взрослых» уже содержится формулировка метода: «Относительно самого метода «наблюдений над языком» я должен отметить неточность названия этого метода. Эти «наблюдения» никогда не бывают, не могут быть и не должны быть чистыми наблюдениями: на $\frac{3}{4}$ это всегда эксперимент»². О работе по стилистике этот замечательный методист говорил следующее: «Стилевые навыки еще более, чем общеречевые, должны покоиться на наблюдении и эксперименте (стилевых, конечно)»³. Под стилистическим экспериментом он подразумевает «искусственное придумывание стилистических вариантов к тексту», а также оценку их стилистических достоинств.

Иногда высказываются опасения: не вредит ли экспериментирование над классическими текстами, не прививает ли оно дурного вкуса (ведь лучше автора не скажешь)? Опасения напрасны. Автора не искажают: его текст остается эталоном. Но эксперимент избавляет от необходимости искать или ждать нужного для анализа слова, оборота. Л. В. Щерба подчеркивал: «Особенно плодотворен метод экспериментирования в синтаксисе и лексикографии и, конечно, в стилистике. Не ожидая того, что какой-либо писатель употребит тот или иной оборот, то или иное сочетание, можно произвольно сочетать слова и, систематически заменяя одно другим, меняя их порядок, интонацию и т. п., наблюдать получившиеся при этом смысловые различия, что мы постоянно и делаем, когда что-либо пишем. Я бы сказал, что без эксперимента почти невозможно заниматься этими отраслями языкознания»⁴.

Дальнейшую разработку метода стилистического эксперимента находим в «Очерках по стилистике русского языка» А. Н. Гвоздева (М., 1965): «Для экспери-

¹ *Пешковский А. М.* Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы. — В сб.: *Ars poetika*. М., 1927, с. 61—62.

² *Пешковский А. М.* Избранные труды. М., 1959, с. 172.

³ Там же.

⁴ *Щерба Л. В.* О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании. — Изв. АН СССР, 1931, с. 122.

мента характерно: 1) намеренное привлечение материала при всех нужных для изучения условиях и во всех вариантах; 2) регистрация всех случаев положительного характера, когда данное явление оказывается употребительным; . . . 3) регистрация всех отрицательных случаев. . .» Примером отрицательного характера может служить экспериментальная фраза А. Н. Гвоздева, сконструированная им для определения заменяемости-незаменяемости синонимов: «На грядущей неделе мы будем разглядывать вопрос об утилизации архаизмов да неологизмсов» — в параллель к основной: «На будущей неделе мы будем рассматривать вопрос об использовании архаизмов и неологизмов».

Еще Л. Н. Толстой указывал, что особенно поучительны поиски «единственно нужного размещения единственно нужных слов» писателями и поэтами. Множество вариантов, с их недостатками и достоинствами, приведено, в частности, в статье В. В. Маяковского «Как делать стихи?», где поэт рассказывает о создании стихотворения «Сергей Есенин».

Стилистический эксперимент — это целая система приемов, включающая оценку языковых средств при устранении отдельных слов, словосочетаний, частей предложений, при замене одних элементов функционально сходными, при разворачивании отдельных компонентов текста в более обширные и т. п. Он применим также при стилистическом анализе фонетико-интонационных вариантов предложения, а также более крупных речевых произведений. Сфера применения стилистического эксперимента — все без исключения функциональные стили, а также язык художественной литературы.

§ 10. Понятие о стилевых и стилистических нормах, их отношение к нормам лексическим, грамматическим, орфоэпическим и орфографическим

Л и т е р а т у р н ы й язык — главная форма существования национального языка. Будучи «обработанным», он отличается от других коммуникативных систем (просторечия, диалектсв) и превосходит их богатством, полифункциональностью, общенародностью

распространения, а также своей нормативностью. Нормы касаются всех сторон литературного языка, в обеих — устной и письменной — формах его реализации. Существуют нормы произношения (орфоэпические), правописания (орфографические и пунктуационные), нормы словоупотребления (морфологические), нормы образования и употребления словосочетаний и предложений (синтаксические нормы). Этим нормам учат в школе. Они являются обязательными. Нормы регламентируются общепринятой практикой пользования языком (узусом), а также авторитетными научными учреждениями. Академия наук и институты, изучающие язык, составляют и издают филологические словари-лексиконы (толковые словари слов и фразеологизмов того или иного языка, словари синонимов) и другие пособия справочного характера (по орфографии, орфоэпии, грамматике). Нормализаторская работа, и в частности кодификация норм, опирается на глубокое изучение современного состояния и функционирования языка. Поэтому встает вопрос не только о нормах общеязыковых, но и нормах отдельных разновидностей языка, т. е. о стилистических и функционально-стилевых нормах.

Стилистическая норма относится к общеязыковой как частное к общему. Их нельзя противопоставлять, но нельзя и отождествлять. Поскольку в любом функциональном стиле удельный вес межстилевых средств значительно превосходит долю собственно стилиевых средств, то каждый стиль реализует прежде всего общеязыковые, или межстилевые («внестилевые»), нормы: орфоэпические (аканье, редукция гласных в безударных слогах, законы оглушения и озвончения согласных и т. д.), орфографические (написание слов, за редким исключением, едино для всех функциональных стилей), лексико-фразеологические (межстилевая лексика составляет большинство в любом стиле), грамматические (морфологические и синтаксические). Именно поэтому существующие пособия-справочники обычно содержат материал по всему языку, а не по его отдельным функциональным стилям. Стилистическая норма связана со всеми стилями, поскольку включает сложившиеся в языковой практике закономерности отбора и организации стилистических средств во всех функциональных стилях.

Но каждый стиль своеобразен и неповторим. В нем свое сочетание межстилевых и ограниченно-стилевых, в том числе и оригинально-стилевых средств. Поэтому каждому стилю присущи свои функционально-стилевые нормы, которые, с одной стороны, конкретизируют общезыковые нормы, а с другой, — расширяют и обогащают их. Более того, каждый из стилей имеет свои критерии правильности, точности и эстетичности (красоты) — основных качеств хорошей речи. Норма стиля — это средоточие всех функционально-стилистических требований к речи. В задачу нашего курса входит не только ознакомление с функциональными стилями, но и с характером их норм, а также с лучшими образцами их воплощения.

Из сказанного уже ясно, что стилевые нормы детальнее, чем общезыковые, строже, тоньше их. Но они и свободнее, чем первые, и в большей мере дают простор для индивидуального творчества; нормы орфографии, например, такого простора не дают. Функционально-стилевые нормы — это нормы реального использования языка в данной сфере общественной жизни и одновременно правила, а также приемы речевого творчества в соответствии с конкретными задачами коммуникативного характера.

Стилевые нормы касаются трех основных параметров стиля: 1) отбора языковых средств (какие слова, конструкции и т. д. подходят для данного стиля, а какие — нет), 2) правил их сочетаемости между собой (обычно допускается соединение средств одной стилевой тональности, реже — разностильных, если их совместное употребление оправдано и не нарушает общего единства стиля), 3) соотношения, или пропорции, включая и частотность, межстилевых и собственно стилевых языковых явлений. Это основные «участки», где действуют стилевые нормы. Встречаются также отступления от них, то есть разного рода стилистические ошибки и недочеты.

Нормы стиля выводятся из практики его функционирования в соответствующих речевых произведениях. Сформировавшись на базе существующих образцов как некое отвлечение от них, стилевые нормы вместе с тем открывают возможности для создания новых текстов, типологически подобных прежним. В качественном от-

ношении они могут даже превосходить их. Стилиевые нормы имеют конкретно-исторический характер. Их изменение происходит под влиянием как экстралингвистических, так и внутриязыковых факторов.

Ко всем стилям предъявляется общее требование — наилучшим образом обслуживать соответствующие им сферы человеческой деятельности. И в этом смысле стили равны. Стилль должен быть таким, чтобы использованные в нем средства и их организация давали коммуникативный эффект.

Известно, что речь признается хорошей, если она удовлетворяет трем наиболее общим критериям: правильности, точности, эстетичности. «Высокая культура речи — это умение правильно, точно и разумительно передать свои мысли средствами языка. Правильной речью называется та, в которой соблюдаются нормы современного литературного языка... Но высокая культура речи заключается не только в следовании нормам русского языка. Она заключается еще и в умении найти не только точное средство для выражения своей мысли, но и наиболее доходчивое (т. е. наиболее выразительное) и наиболее уместное (т. е. подходящее для данного случая и, следовательно, стилистически оправданное)», — писал С. И. Ожегов¹.

В пределах каждого стиля своя система норм, своя степень их строгости и свободы, а также свои критерии правильности, точности и эстетичности². Эти критерии отражают функциональную специфику стиля, его традиции, а также типичные формы его речевой реализации.

Так, правильность официально-делового стиля — это следование лучшим образцам, соблюдение стандарта; точность — использование принятой в нем лексики и фразеологии в прямом, собственно номинативном значении; эстетика (красота) — в его строгости, оптимальной достаточности, подчеркнутой объективности. Правильность научного стиля — последовательность и логичность изложения, его точность — предельное соот-

¹ Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974, с. 287—288.

² См.: Пленкин Н. А. Критерии хорошей речи. — Рус. яз. в школе, 1978, № 6, с. 60—67.

ветствие формы выражения (языковой, символической, графической и т. д.) содержанию научного сочинения (достижению точности в значительной мере способствует использование терминологии, а также системы понятий данной отрасли знаний), эстетические достоинства этого стиля — в его ясности, простоте (неметафоричности) при глубине и исчерпанности содержания. Не случайно математики — представители наиболее точной науки, иногда называемой «сухой», — ценят красоту доказательства или изложения идеи, концепции, теории. Публицистический стиль, призванный привлечь на сторону пишущего (говорящего) массового собеседника, отчасти сродни языку художественной литературы: правильность в этом стиле — в подборе самых нужных, доходчивых и выразительных средств; точность — в создании доступных для быстрого восприятия образов и формулировок, нередко становящихся крылатыми, общеупотребительными; его эстетичность — в свежести, взволнованности выражения, в умении автора минимумом языковых (в устной речи и кинетических, жестикуляционных) средств передать максимум эмоционального заряда и ведущую мысль своего выступления. Шедеврами публицистического (ораторского) стиля являются речи В. И. Ленина. «Слитность, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре — точно произведение классического искусства: все есть, и ничего лишнего, никаких украшений, а если они были — их не видно, они так же естественно необходимы, как два глаза на лице, пять пальцев на руке», — писал А. М. Горький¹.

Свои критерии правильности, точности и красоты и у обиходно-разговорного стиля. Его правильность — соответствие не письменным, а устным, то есть с поправкой на разговорность, нормам языка. Здесь допускаются некоторые вольности: «Литературная монологическая речь не дает отступлений от нормы или дает их крайне мало. Диалогическая же разговорная речь, наоборот, соткана из всяких изменений нормы»², вроде

¹ Горький А. М. В. И. Ленин. — Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 17, с. 13.

² Щерба Л. В. Современный русский литературный язык. — В кн.: Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 116.

неотчетливого, небрежного произношения («здрaсте» вместо *здрaвствуйте*, «сорковой» вместо *сороковой*), употребления приблизительных, не самых точных по значению и окраске слов, грамматической недооформленности некоторых элементов высказывания, пропусков отдельных слов, оговорок. Но все это восполняется непосредственным контактом участников речи, живостью интонации, жестом, мимикой. Точность разговорного стиля может колебаться в определенных пределах — от точности, близкой к точности, например, научного стиля, до приближенного обозначения предмета мысли первым попавшимся словом (в случае неясности речи собеседник всегда может переспросить и получить разъяснение). Красота разговорного стиля — в непосредственности и богатстве интонаций, в «творимости» речи на глазах слушателя, в эмоциональности, в мотивированности отступлений от книжного стандарта. Владеть хорошим разговорным стилем не менее трудно и важно, чем книжными стилями.

§ 11. Стилистические ошибки, их виды

Соблюдение орфографических, грамматических и других языковых норм еще не гарантирует говорящего (пишущего) от нарушения стилистических норм. Стилистическая грамотность дается труднее, чем «нормативная». Это связано с более тонкой дифференциацией стилевых норм и во многом с творческим характером следования им. Овладеть стилистически грамотной и образцовой речью — значит, во-первых, не допускать стилистических ошибок, во-вторых, добиться такого уровня речевой культуры, которая предполагает пользование всеми профессионально необходимыми функциональными стилями.

Существуют различные классификации и группировки стилистических ошибок. Одна из них, а именно группировка по степени сложности при овладении учащимися богатствами и стилистическими нормами, дана М. Н. Кожиной. Автор выделяет следующие ступени стилистической грамотности и группы ошибок: 1) стилистические недочеты, связанные со слабым владением ресурсами русского языка; 2) ошибки, обнаруживающие недостаточно развитое языково-стилистическое

чутье; 3) ошибки, нарушающие норму функциональных стилей; 4) ошибки, заключающиеся в нарушении стилистических требований, связанных с широким контекстом, в отличие от узкоконтекстных¹.

Для учащихся национальных школ, а также для студентов национальных отделений характерны и типичны, во-первых, ошибки, связанные с невладением функциональным стилем: а) с нарушением его элементарных норм (перенос разговорных слов и фразеологизмов, форм слова, конструкций в книжные стили и книжных, в частности лексики официально-делового характера, в разговорный стиль — так называемый «канцелярит»); б) с нехваткой средств для создания текста того или иного стиля из-за малого запаса общей и функционально закрепленной лексики; во-вторых, связанные с недостаточно тонким владением стилями (чрезмерное употребление терминологической лексики, увлечение ложной красотой); в-третьих, ошибки, вызываемые расхождениями в границах стилей («регистров») между русским и родным языками, а также в их лексико-стилистических и других стилистических парадигмах (несовпадение стилистической окраски слов внутри соотносительных русско-национальных синонимических рядов, отсутствие сходства — грамматического и стилистического — в тех или иных синтаксических конструкциях, например при передаче безличного действия в русском и тюркских языках и т. п.).

Борьба за стилистическую грамотность связана с повышением общего уровня культуры речи, с овладением лексико-фразеологическими и грамматическими богатствами русского языка и их наиболее целесообразным применением в конкретной сфере и ситуации общения.

§ 12. Отличие лингвистической стилистики от литературоведческой

Академик В. В. Виноградов представлял себе три разных круга стилистических исследований, «тесно соприкасающихся ... однако наделенных своей проблематикой, своими задачами, своими критериями и ка-

¹ См.: Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1977, с. 85 и след.

тегориями. Это, во-первых, стилистика языка как «система систем»... ; во-вторых, стилистика речи, т. е. разных видов и актов общественного употребления языка; в-третьих, стилистика художественной литературы»¹. Строго говоря, стилистика художественной литературы — одна из разновидностей, или частей, стилистики речи. Выделение ее в особую область обусловлено значительной спецификой языка художественных произведений по сравнению с функциональными стилями.

Сложность языка художественной литературы и самих художественных произведений позволяет проводить многоаспектное их изучение. Различают стилистику лингвистическую (выше речь шла именно о ней) и стилистику литературоведческую. Лингвистическая стилистика занимается функционально-стилевой стороной всех проявлений языка — как собственно коммуникативных, так и коммуникативно-эстетических его разновидностей. Литературоведческая стилистика в этом отношении уже, поскольку оставляет в стороне стили официально-деловой, научный, публицистический, разговорный, а если обращается к ним, то лишь в связи с выяснением роли их элементов в художественном произведении. Стилистику художественной литературы интересует другой круг проблем: система образов, включая и образ автора, сюжет, фабула, композиция и др., их взаимодействие между собой, их связь с идеей произведения, художественно-эстетическими взглядами писателя, а также идейно-эстетическими принципами литературного направления. «Проблемы замысла автора, идейных тенденций, заложенных в литературном произведении, его тематики, связи сюжета и образов персонажей с действительностью и мировоззрением писателя, вопрос о месте данного литературного произведения в общем контексте современной ему литературы, об отношении самого автора к воспроизводимой и художественно преобразованной действительности и многие другие подобные вопросы связаны с искусствоведческим (в том числе и литературоведческим) понятием стиля и составляют предмет изучения стилистики литературоведче-

¹ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 5.

ской, а тем самым и поэтики»¹. «Лингвистически обоснованная стилистика художественной литературы, — подчеркивал В. В. Виноградов, — изучает стиль как внутренне цельную и единую систему взаимосвязанных структурных элементов»². Одним из них, причем исключительно существенным, по определению М. Горького, «первоэлементом», является язык.

Крупнейшие наши филологи: В. В. Виноградов, В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад, Б. А. Ларин и др. — объединяли в своих исследованиях оба подхода к изучению стиля художественных произведений — лингвистический и литературоведческий. В этом отношении особенно показательны труды В. В. Виноградова «Проблемы авторства и теория стилей» (1961), «Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика» (1963), «О теории художественной речи» (с послесловием академика Д. С. Лихачева — 1971).

Не отрицая плодотворности синтеза собственно лингвистического и литературоведческого аспектов в изучении языка художественной литературы, необходимо подчеркнуть целесообразность, а в учебных целях и необходимость разграничения этих двух подходов. Получив результаты и лингвистического, и литературоведческого исследования языка художественной литературы, творчески объединив их, можно будет достичь более высокого — филологического уровня в анализе произведений словесно-художественного творчества.

§ 13. Связь «Стилистики русского языка» с курсами «Современный русский литературный язык», «История русского литературного языка», «Лингвистический анализ художественного текста»

Курс «Современный русский литературный язык» изучает язык в одной плоскости — в основном как знаковую, семиотическую систему.

С помощью стилистики язык получает более объемное освещение не только в его современном состоянии,

¹ Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963, с. 79.

² Там же.

но и как бы в будущем, в тех текстах, которых еще нет, но принцип создания которых уже существует в нормах функциональных стилей.

Стилистика сосредоточивает внимание на выразительных и изобразительных средствах и приемах языка, которые, как правило, недостаточно освещаются при строго нормативном изучении языка. «Занимаясь выразительными качествами (экспрессией) речевых средств, устанавливая синонимические эквиваленты и варианты, бытующие в области лексики, фразеологии, частей речи и синтаксических конструкций, стилистика должна быть своего рода вершиной исследования языка, теоретической основой национальной речевой культуры», — писал А. И. Ефимов¹.

Историю русского литературного языка иногда называют исторической стилистикой² или историей стилей. Если задачу истории русского литературного языка видеть не только в изучении языка художественных произведений, но и в изучении истории всех его разновидностей и стилей, то тогда «Стилистика русского языка» как научная и учебная дисциплина должна характеризоваться синхронным, а «История русского литературного языка» — диахроническим (историческим) аспектом изучения стилистических явлений того же, русского языка.

В последние годы, как известно, пересматривается мнение о предмете «История русского литературного языка». Им должны быть не столько стили литературного языка в их историческом развитии, сколько становление и история норм русского литературного языка — фонетических, грамматических, лексических и стилистических³.

Сложнее взаимоотношения между стилистикой и практикумом «Лингвистический анализ художественного текста».

Если даже включать стилистику художественной речи в содержание курса «Стилистика русского языка»

¹ Ефимов А. И. Стилистика русского языка. М., 1969, с. 25.

² Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 233.

³ См.: Ковалевская Е. Г. История русского литературного языка. М., 1978; Горшков А. И. О предмете истории русского литературного языка. — Вопр. языкознания, 1978, № 6.

(а это делать необходимо, поскольку язык художественной литературы — подсистема литературного языка), то все равно между «Стилистикой...» и «Лингвистическим анализом...» есть принципиальные различия. Лингвистический анализ художественного текста имеет целью рассмотрение лучших произведений, представляющих эстетическую ценность, как уникальных явлений литературы. И задача анализа сводится не к определению стилевой принадлежности текста, а к тому, чтобы выявить, каким образом с помощью именно такого отбора и использования языковых средств автору удалось создать произведение словесного искусства. П. Г. Черемисин в статье «О соотношении курсов «Стилистика» и «Лингвистический анализ текста» справедливо выделял эстетическую направленность работы по анализу текста и считал более правильным называть такой анализ «не лингвистическим, а лингвоэстетическим, подчеркивая основную цель его применения — раскрывать эстетические свойства и функции различных по лингвистической характеристике явлений, имеющих в художественном тексте»¹.

Различия между этими двумя дисциплинами касаются также методов и приемов работы, их содержания и последовательности (этапности).

«В ходе лингвоэстетического анализа выделяются несколько этапов:

1) общая характеристика текста (историко-культурный комментарий, тема, идея, жанр, композиция, образ автора и т. д.);

2) лингвистическая характеристика... Ее назначение... — подготовить третий этап — эстетическую характеристику»². Назначение третьего этапа — «определить эстетическую значимость и конкретные эстетические функции изучаемых средств языка в тексте... Таким образом, «Стилистика» и новый практикум («Лингвистический анализ текста». — *авт.*) располагают самостоятельными типами анализа, характеризующимися принципиальными различиями»³.

Ясно, что анализ эстетических качеств и достоинств текста сложнее, чем анализ его собственно коммуника-

¹ Рус. яз. в школе, 1974, № 2, с. 115.

² Там же.

³ Там же.

тивно-стилевых особенностей. Поэтому изучение «Стилистики», в которой значительное место отводится функциональным стилям, а также стилистическим ресурсам языка, должно предшествовать занятиям по лингвоэстетическому анализу текста. Без общей лингвостилистической подготовки лингвоэстетический анализ художественного текста немыслим.

§ 14. Роль стилистики в воспитании речевой культуры, в достижении ее высшего уровня

Речевая культура — один из компонентов духовной культуры человека и общества. Как и другие слагаемые культуры, она прививается, воспитывается и требует постоянного совершенствования. Пожалуй, из всех проявлений культуры человека речевая культура наиболее заметна для окружающих. Воспитание высокой культуры «речевого поведения» — процесс длительный, трудоемкий, требующий совместных усилий со стороны учащихся и воспитателей (педагогов, родителей, общественности).

В последние десятилетия в науке о языке в качестве самостоятельной отрасли знаний выделилась «Культура речи». Она уже располагает своей теорией и практикой. Поскольку многие понятия культуры речи выводятся из теоретических категорий и постулатов общезыковедческого характера, степень ее разработанности во многом зависит от состояния и уровня общелингвистической теории.

Теория культуры речи неотделима от практики культурно-языкового строительства. Основным приложением теории является деятельность по нормализации (кодификации) языка в целом и его отдельных стилей — книжных и разговорного. Эта задача, поставленная перед русской филологией еще М. В. Ломоносовым, не сходит с повестки дня в течение двух с лишним столетий.

Особую остроту она приняла в первые десятилетия Советской власти — в связи с созданием и развитием литературных языков народов СССР¹. Не ослабевает

¹ Аврорин В. А. Вопросы изучения функциональной стороны языка: (К вопросу о предмете социалингвистики). Л., 1975, с. 175—192.

внимание к ней и теперь, в эпоху научно-технической революции¹, когда решаются новые задачи, связанные с совершенствованием функциональных стилей литературных языков нашей страны² и, в частности, с развитием научного стиля и ростом общего понятийно-терминологического фонда языков Советского Союза и стран социалистического содружества. «Культура русского языка в настоящее время все более осознается как существенный элемент советской социалистической культуры, а языковое строительство — как важнейшая часть культурного социалистического строительства»³.

Культура речи — это знание языка и его функциональных стилей. Особенно необходим функционально-стилевой уровень владения языком тем, кто в дальнейшем будет пользоваться словом как основным инструментом своей профессиональной деятельности — учителю, писателю, пропагандисту, артисту. Но учителю-словеснику мало только самому владеть речью. Он должен уметь научить этому и своих учащихся. Поэтому уже в вузе ему предстоит приобрести навыки работы по воспитанию культуры речи, по привитию не только собственно нормативной, но и высокой стилистической грамотности. Современный учитель в известной мере обязан владеть всеми без исключения функциональными стилями русского языка, а также иметь навыки анализа языка художественной литературы, чтобы квалифицированно организовать обучение учащихся связной речи, сочинениям и другим видам литературно-творческой работы. Эти требования к профессиональной подготовке учителя-словесника выдвигают стилистику на одно из центральных мест в системе профилирующих дисциплин лингвистического цикла. Без такой подготовки учитель не будет способен вести преподавание русского языка в национальной школе.

¹ Бондалетов В. Д. Научно-техническая революция и язык. — Рус. речь, 1978, № 3; Науково-технічний прогрес і мова. Київ, 1978; НТР и функционирование языков мира. М., 1977.

² См.: Русский язык как средство межнационального общения. М., 1977; Дешериев Ю. Д. Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху: (Развитие общественных функций литературных языков). М., 1976.

³ Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. М., 1980, с. 14.

II. Стилистические средства фонетики, лексики, фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса русского языка

§ 15. Стилистическая структура языка

Язык — сложнейшая система. Он организован не только в собственно структурном плане, представленном фонетическим, лексико-фразеологическим, словообразовательным и грамматическим уровнями, но и в стилистическом отношении. Стилистическую организацию языка, включающую стилистически окрашенные и нейтральные средства, а также разные типы стилей и их состав, назовем стилистической структурой. Стилистическая структура, или «*стилистический уровень*», языка проходит «по всему срезу его структуры сразу»¹, как бы перекрывая его собственно структурные ярусы — фонетический, лексико-фразеологический, словообразовательный, грамматический, выступающие по отношению к стилистике как одно целое. Так, слова *очи* — *глаза* — *глядделки* стилисту интересны не с фонетической или грамматической стороны, а в семантико-стилистическом отношении, как одно из проявлений стилистической структуры языка. Обладая общим значением «*орган зрения*», эти слова различаются стилистическими оттенками. Отношения между этими словами могут быть выражены формулой «плюс», «ноль», «минус», где «плюс» означает оттенок стилистической приподнятости, «ноль» — отсутствие окраски («*стилистический ноль*»), а «минус» — оттенок сниженности. Такая модель получила наименование *стилистической парадигмы* по аналогии, например, с парадигмой склонения, спряжения и т. д., в которых также происходит изменение, варьирование слова при сохранении его общей основы².

¹ Винокур Г. О. О задачах истории языка. — В кн.: Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 224.

² В современном языкознании термин «*парадигматика*», как и термин «*синтагматика*», имеет как узкое, так и широкое значение.

Стилистическая парадигма, наиболее четко представленная в лексике, была перенесена и на другие уровни языка. Оказалось, что и в них отношения между стилистически релевантными единицами (формами слов, конструкциями и т. д.) могут иметь такое же проявление. Правда, не всегда удается найти все три члена стилистической парадигмы, иногда их бывает лишь два, но это не мешает признать парадигматику в качестве общей модели организации стилистических средств в той или иной структурной области языка.

Понятие стилистической парадигмы оказалось столь существенным, что была высказана гипотеза об организации по этой схеме-модели стилистических средств языка в целом. Парадигматическая структура стилистической организации языка была замечена давно. Так, Л. В. Щерба в статье «Современный русский литературный язык» (1939), еще не употребляя термина «парадигма», по существу, представлял себе именно такую организацию стилистики языка, когда говорил о «соотносительных слоях слов» типа *лик, лицо, морда, рожа; екушать, есть, уплетать, лопать, жрать*, и развивал идею о концентрических кругах — основном (нейтральном) и дополнительных (торжественном, фамильярном, вульгарном) ¹.

Гипотеза о парадигматическом строении стилистического уровня языка нашла много приверженцев, ибо, будучи простой и очень емкой, такая схема позволяет как-то упорядочить чрезвычайно разнообразный и «непослушный» материал стилистики.

Особенно активно и последовательно идея парадигматической организации стилистических ресурсов языка проводится М. В. Пановым. «Стилистические парадигмы, — считает он, — прснизывают все ярусы: лексику, словообразование, словоизменение, синтаксис, фонетику. В лексике — это соотношения типа *очи — глаза — гляделки...* В словообразовании — это соотнесенность морфемных моделей: *формализм, утопизм — формалистика, утопистика...*, *забрасывание, отбеливание...* — *заброска, отбелка...* В синтаксисе — это соотношение конструкций таких, например, типов: *Если бы*

¹ Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 121.

я пришел раньше... — Приди я раньше... ; или Автор, переведший... — Автор, который перевел...»¹

Каждый уровень языка в силу своей специфики посвоему и в своей мере выявляет стилистическую парадигматику.

Больше таких возможностей в лексике. Все три члена стилистической парадигмы видим в синонимических рядах: *мистификация* (книжн.) — *обман* (нейтр.) — *надувательство* (разг.); *синхронно* (книжн.) — *одновременно* (нейтр.) — *разом* (разг.); *поразить* (книжн.) — *победить* (нейтр.) — *ссилить* (разг.). Еще больше рядов, в которых налицо лишь две окраски — нейтральная и книжная: *братъ* — *взыскивать*, *желание* — *жажда*, *живучий* — *жизнестойкий*, *метро* — *метрополитен* — или нейтральная и сниженная: *невежда* — *неуч*, *вслед* — *едогонку*, *короткий* — *кургузый*, *обещать* — *сулить*, *перенести* — *перетащить*.

Иногда та или иная позиция (клетка) парадигмы представлена не одним, а двумя-тремя и большим количеством слов и фразеологизмов: *в сообществе*, *совокупно* — *вместе* — *скопом*, *гуртом*, *артелью*; *бряцать оружием* — *запугивать* — *нагонять страху*, *стращать*. Это уже обогащение схемы. Такие случаи — столь же частое явление, как и дефектность парадигмы, т. е. отсутствие одного из ее членов.

Посвоему выглядит парадигма стилистических градаций в фонетике. Специфика фонетической стилистики в отличие от лексической в том, что иной стилистический оттенок выражен не новым словом, а тем же самым, но особым его произношением: незначительным изменением его фонемного состава: *тысяча* — *тыща*, *цвести* — *цвесть*, *вслед* — *вослед*, *булочная* — *булошная*; изменение ударения: *ворóта* — *воротá*, *завýтый* — *завитóй*, *мéлочный* — *мелочнóй*, *стáрший* — *старшóй*; а также изменением интонации, что уже связано с синтаксическим уровнем языка.

Стилистическая парадигма в морфологии от лексической отличается тем, что здесь «чередующимися» бывают не самостоятельные слова, а их формы: *инструкторы* — *инструктора*, *волной* — *волною*, *свечей* —

¹ Паноз М. В. О развитии русского языка в советском обществе. — Вспр. языкознания, 1962, № 3, с. 9.

свеч, отцов — отцовский, мамина — мамино, два друга — двое друзей, по десять (книг) — по десяти (книг). Такие члены парадигмы являются не словами-синонимами, а вариантами слова (словоформы). Если к морфологической стилистике отнести употребление одного числа вместо другого, например: *шумит камыш — шумят камыши*, одного наклонения вместо другого: *купи лучше книгу — купил бы лучше книгу*, а также замену лиц глагола: *велю, бывало — велишь, бывало; вам говорю — вам говорят*, то количество морфологических парадигм возрастает. Однако в целом парадигматические градации в морфологии не только не регулярны, но и редки. Трехчленную стилистическую парадигму найти, пожалуй, трудно. Немного и двучленных парадигм с одним — книжным или разговорным — соответствием нейтральной форме. Конечно, запас морфолого-стилистических вариантов, как видим, шире, чем первоначально представлялось профессору А. М. Пешковскому, который называл лишь четыре типа: 1) *сыра — сыру*, 2) *в лесе — в лесу*, 3) *аптекари — аптекаря*, 4) *добрый — добр*, а также профессору А. Н. Гвоздеву, приводившему в дополнение к «явно не полному» списку А. М. Пешковского примеры: *песок — пески, сыплются листья — сыплется лист, не закрыл трубу — не закрыл трубы, ехать полем — ехать по полю, легче — более легко* и др. Но все равно морфология в этом отношении явно уступает лексике, фонетике и синтаксису.

Синтаксис, пожалуй, наиболее богатая область для выражения смысловых и стилистических оттенков. Профессор А. Н. Гвоздев «исключительное значение синтаксиса для стилистики» объяснял тем, что, «во-первых, предложения являются основной единицей речи, обслуживающей мышление и общение; во-вторых, тем, что предложения в русском языке отличаются необычайным разнообразием построения»¹.

Оставляя в стороне вопрос об объеме синтаксической синонимии и о том, что здесь следует считать синонимом, а что — вариантом, заметим, что стилистически соотносительные единицы (конструкции) здесь могут иметь различное выражение: 1) разноструктур-

¹ Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965, с. 215.

ное: *шапка отца — отцова шапка; дом, который стоит у дороги — дом, стоящий у дороги — дом у дороги*; 2) с сохранением структуры, но другим порядком слов: *Мне нравится этот фильм. Этот фильм мне нравится. Этот фильм нравится мне*; 3) «внутреннее», то есть в виде изменения интонационного рисунка в пределах одной и той же структуры:

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... Как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось! (А. Пушкин).

Логически выделенными здесь могут оказаться поочередно слова *сердца, русского, слилось*.

Понятие стилистической парадигмы используется и для обозначения набора стилей (пластов) языка. В этом смысле ей противопоставляют стилистическую синтагматику, которую связывают со стилями речи¹.

Из сказанного ясно, что учение о стилистической парадигматике образует сердцевину концепции стилистической структуры русского языка. Однако стилистическая структура языка сложнее, шире, богаче, неизмеримо тоньше, чем можно подумать, приняв эту схему в качестве общей и единственной модели стилистической организации языка.

Стилистические парадигмы хотя и пронизывают весь язык, тем не менее составляют ничтожную долю в общей массе стилистически маркированных элементов. Парадигмы, содержащие все три члена (высокое — нейтральное — сниженное), исключительно редки. В лексике, судя по словарям синонимов русского языка, их не более сотни: *плутократ* (книжн.) — *богач* (нейтр.) — *богачей*, *толстосум* (разг.-просторечн.); *низвергнуть* — *бросить* — *отшвырнуть*; *поистине* — *действительно* — *вправду* и т. д. Еще труднее подобрать трехчленные парадигмы, четко дифференцированные в стилистическом отношении, в синтаксисе. О неполноте морфологических парадигм и их редкости мы уже упоминали.

¹ Об этом см.: *Панов М. В.* О развитии русского языка в советском обществе. — *Вопр. языкознания*, 1962, № 3, с. 9.

Однако сам факт наличия в языке стилистически соотносимых единиц имеет принципиальное значение. Такие парадигмы, подобно очень редким случаям противопоставленности двух или трех слов по одной фонеме: *дом — дам — дым*; *горка — корка — норка*; *шар — жар — дар*; *угол — уголь*; *жар — жарь*, служат наиболее ярким показателем категориальной противопоставленности основных стилистических окрасок языка (высокое — нейтральное — сниженное).

Но слова, формы слов, синтаксические конструкции могут стать окрашенными и без наличия «персонально» противопоставленного элемента. Можно привести множество разговорных или разговорно-просторечных слов, которые не имеют соотносительного не только высокого, но и нейтрального слова. Это слова: а) вообще не имеющие синонимов: *авоська*, *аврал*, *агитка*, *аграрник*, *ай* (междометие), *барахтаться*, *беготня*; б) имеющие синонимы, но той же самой стилистической окраски: *разбросать*, *раскидать*, *расшвырять*; *расписать*, *разрисовать*, *разукрасить*; *умник*, *умница*, *разумник*.

«Разговорность» этих слов воспринимается, во-первых, через их соотношенность с другими разговорными словами, входящими в стилистические парадигмы: *рубль* (нейтр.) — *рублевка* (разг.) — *целковый* (просторечн.); *сегодня* (нейтр.) — *нынче* (разг.); *смерть* (нейтр.) — *кончина* (приподн.) — *конец* (обих.-разг.); *щенок* (нейтр.) — *кутенок* (разг.) — *собачонка* (просторечн.); во-вторых, через принадлежность этих и им подобных слов к общему разряду разговорной лексики, которая в языке противопоставлена своими отдельными словами и целиком другим разрядам слов — нейтральным и высоким (книжным). То же можно сказать о книжных словах и еще в большей мере об огромной массе «непротивопоставленных» нейтральных слов.

Следовательно, разряды слов, а также синтаксических конструкций в языке противопоставляются не только через конкретные соотносительные (синонимические) единицы, а и в целом, как стилистические категории разной окраски (стилистическая нейтральность в данном случае тоже окрашенность, только особая, нулевая).

Думается, что именно такие разряды (пласты, слои) языка имел в виду В. В. Виноградов, называя их термином «стили языка» или «языковые стили». «С натяжкой и с известным схематизмом стилевые градации в языке действительно можно представить в виде парадигм и обозначить их термином «стили языка»¹.

Обращает на себя внимание сходство (изоморфизм) в стилистической организации отдельных уровней языка — лексики, морфологии, синтаксиса, фонетики. Во всех них имеются «ядерные» структуры в виде стилистических парадигм и большие периферийные зоны, которые тоже окрашены, но не прямым противопоставлением отдельных единиц, а общим «стилистическим светом» (тоном) категориальных противопоставлений. Изоморфизм стилистической организации разных структурных областей языка придает всей стилистической структуре конструктивное единство, а также емкость, гибкость и мобильность. При таком, несколько усложненном представлении о стилистической структуре языка найдется место и тем дефектам и избыточности парадигм, всевозможным исключениям, а главное, множеству тонкостей, которые не охватывались и с натяжкой объяснялись весьма схематичной парадигматической моделью.

1. ФОНЕТИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА

§ 16. Из истории изучения фонетической стилистики. Основная проблематика современной фоностилистики

Истоки фонетической стилистики русского языка, а в ряде случаев и функциональной фоностилистики находим в трудах М. В. Ломоносова. В «Кратком руководстве к риторике, на пользу любителей сладкоречия сочиненном» (1743), в частности, говорится о том, что ритор (оратор) должен управлять своим голосом «по состоянию и свойствам предлагаемой материи»: «радостную материю веселым, печальную плачевным, про-

¹ Виноградов В. В., Костомаров В. Г. Теория советского языкознания и обучение русскому языку иностранцев, — *Вопр. языковедения*, 1967, № 2, с. 6.

сительную умильным, высокую великолепным и гордым, сердитую произносить гневным тоном»¹. «Слово произносить должно голосом чистым, непрерывным, не грубым, средним, ... не надлежит вскрикивать вдруг весьма громко и книзу опускаться, и, напротив того, неприлично произносить одним тоном, ...но... умеренно повышать и понижать должно и голос»².

Несколько позднее в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) Ломоносов говорит не только об интонационно-мелодической стороне речи, но и о ее благозвучии: «обегать непристойного и слуху противного стечения согласных», избегать «подобное произношение имеющих гласных», а также «остерегаться от частого повторения одного письмени»³ (буквы, звука. — авт.).

В этом же труде высказана идея, до сих пор, к сожалению, слабо разработанная, о связи звучания речи с ее смыслом (звуковой символизм). «В русском языке, как кажется, частое повторение письмени *а* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, а также и внезапного страха; учащения писмен *е, и, ю* — к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей; через *я* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность; через *о, у, ы* — страшные и сильные вещи: гнев, зависть, боязнь и печаль»⁴.

В материалах к «Российской грамматике» находим уже целую программу исследования по стилистике литературного и разговорного языка: «Штиль разделить на риторический, на пиитический, гисторический, дидакалический, простой». «Русское произношение должно рассматриваться двоякое — простое и ораторское: 1. ишчезаетъ, 2. ишчезаетъ».

Часть из этих планов получила реализацию в «Российской грамматике» (1755), где:

- 1) дано разъяснение о произношении *г* и *h*;
- 2) показано различие между книжным (при чтении книг) и разговорно-просторечным произношением;

¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 7, с. 78.

² Там же, с. 77—78.

³ Там же, с. 76.

⁴ Там же, с. 141.

3) обращено внимание на разное произношение звуков в отдельных группах слов, например в словах *бог, глас* и «иностранных, кончающихся на *урзз: Санкт-петербургз, Марбургз*»;

4) сформулированы нормы произношения отдельных словоформ (*моево, сильново*) и др.

Приведенные наблюдения дают представление о стилизованных различиях в фонетике середины XVIII в. Они свидетельствуют о большом внимании М. В. Ломоносова к нормативно-эстетическим проблемам речи.

В течение второй половины XVIII и всего XIX в. исследование русской фонетики было сосредоточено в основном на указанных Ломоносовым участках и направлениях произносительной стилистики. Эти аспекты продолжают быть главными и в настоящее время.

Новый этап в изучении фонетики и ее стилистического аспекта в XX в., особенно в последние годы, характеризуется разработкой теоретических проблем, более широкими и тонкими наблюдениями над современным произношением и его историей, рассмотрением звукового оформления речи в аспекте коммуникативной фонетики, массовым социалингвистическим исследованием и т. д.¹ В круг фонетической стилистики включена сценическая речь, соотношение произношения при говорении и пении. Большое внимание уделяется фонетической стороне художественных произведений (поэтическая фонетика)².

Фоностилистика русского языка нашла освещение в трудах Л. В. Щербы, Р. И. Аванесова, М. В. Панова, К. С. Горбачевича, а также в работах сотрудников ленинградской фонетической лаборатории Л. Р. Зиндера, Л. В. Бондарко и др.

¹ См.: Развитие фонетики современного русского языка. М., 1971; Русский язык по данным массового обследования: (Опыт социалингвистического изучения). М., 1974; Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры. М., 1968; Горбачевич К. С. Вариантность слова и языковая норма. Л., 1978; Он же. Изменение норм русского литературного языка. Л., 1971.

² О фонетике поэтической речи см.: Панов М. В. Современный русский язык. Фонетика. М., 1979, с. 227—243.

Профессор Р. И. Аванесов в книге «Русское литературное произношение» предложил различать в литературном языке три основных стиля произношения: «основной, нейтральный стиль и ответвляющиеся от него в разные стороны высокий и разговорный стили».

Стилистическая окрашенность соотнесена с нейтральным произношением. Высокий стиль произношения слов [сонэт], [но]ктюрн, [фонэ]тический воспринимается на фоне нейтрального: [сѣ]нэт, [нѣ]ктюрн, [фѣниѣ]тический. Точно так же на фоне нейтрального, или обычного, нормального, [п'д'д'и'с'ат] (*пятьдесят*), [шѣз'д'и'с'ат] (*шестьдесят*) воспринимается как разговорное, несколько сниженное произношение этих слов с более значительной редукцией — [п'иис'ат], [шыис'ат].

«Ответвления» в разные стороны, то есть трехчленную фонетико-стилистическую парадигму, дают очень немногие слова. Типичным, хотя тоже не частым, является наличие лишь двух стилистических вариантов — нейтрального и разговорного: [у т'и'б'а] и [у т'еа], [к ^ гда] и [к ^ да], [тол']ко и [то]ко; нейтрального и высокого: фо[н'э]тика и фо[нэ]тика, з[и'э]мля и з[е"]мля, з[и'э]рнó и з[е"]рнó и др.

В ряде слов окрашенное произношение не соотнесено с нейтральным. Так, слово *тысчонка* функционирует только в разговорном варианте — ты[ш'ш']онка, что связывает его с разговорным ты[ш'ш']а (а не с нейтральным ты[с'ъч']а). Только высокий вариант свойствен, например, книжным словам иноязычного происхождения: б[о]рдó, д[о]сьé, [о]тэль. Такое «одностилезное» окрашенное произношение демонстрирует более общую закономерность — зависимый характер произносительной фонетики от лексики или, еще шире, — единиц низшего уровня (фонем) от единиц более высокого уровня (слов). Напомним, что фонемы, как единицы фонетического уровня языка, не обладают значением, слова — единицы лексико-семантического уровня — обладают самостоятельным значением.

Известную производность фонетической стилистики от лексической можно видеть и в случаях предпочтительного произношения одного из двух допустимых вариантов. Так, разговорные слова типа *зятёк*, *взбеленить*

ся, *втемяшиться* обычно произносятся с гласным *и* в первом предударном слоге: з[и]тэк, взбел[и]ниться, вт[и]мяться. И наоборот, «слова высокого стиля в своем звучании оформляются по нормам высокого стиля произношения, если они имеют соотносительные особенности в нейтральном и высоком стилях. Например, слова *дерзать*, *мерцательный*, относящиеся к высокому стилю, едва ли следует произносить в «икающем» оформлении: [д'ирзат'], [м'ир]цательный. Здесь в первом предударном слоге более уместно будет произношение гласного, близкого к [е]: [д'е"рзат'], [м'е"р]цательный»¹.

Такое размежевание фонетических стилей, связанное и даже частично соотнесенное с лексико-тематической и стилистической неоднородностью словарного состава, можно принять за свидетельство того, что стилистические закономерности, как бы преодолевая структурно-уровневые перегородки языка, образуют особую систему со своими, стилистическими разрядами единиц. Например, разговорный стилистический разряд составляют: 1) разговорные варианты произношения, 2) разговорные (разговорно-обиходные), а также просторечные слова и фразеологизмы, 3) разговорные формы слов, 4) разговорные словосочетания, а также более крупные синтаксические конструкции. Их объединяет общая стилистическая функция. «Одни определенные произносительные особенности могут выполнять ту же функцию, что и слова разговорного стиля; другие же особенности функционально сопоставимы со словами торжественной окраски. Например, произношение [шыис'ат] «шестьдесят» функционально является однозначным с употреблением слов *сотенка*, *голубчик* и т. п. (Дай-ка, голубчик, [шыис'ат] вот этих, а еще лучше сотенку); [шъз'д'э"с'ат] придает речи ту же окраску, что использование книжных и вообще слабо окрашенных слов «высокого» стиля. Произношение же [шъз'д'и"с'ат] стилистически нейтрально»². Столь же разноуровневый набор единиц имеет высокий стиль, а также нейтральный стиль. Причем, в фонетике, как и в других ярусах

¹ Афанесов Р. И. Русское литературное произношение. 5-е изд. М., 1972, с. 19.

² Панов М. В. О стилях произношения: (В связи с общими проблемами стилистики). — В кн.: Развитие современного русского языка / Под ред. С. И. Ожегова и М. В. Панова. М., 1963, с. 15—16.

языка, полоса нейтрального стиля самая широкая: подавляющая масса слов имеет одно, нейтральное произношение, а к окрашенному (в высокие или разговорные оттенки) почти всегда имеется нейтральный произносительный вариант.

Стилистическая отмеченность слова может быть выражена произношением отдельных звуков (фоном и их вариантов), звукосочетаний и грамматических форм: н[а]вёлла — н[о]вёлла, т́х[ий] — т́х[ый], грóмк[ий] — грóмк[ый] и др.

Стилистический эффект может вызывать также устаревшее, или старое (старомосковское), произношение по сравнению с современным, стилистически нейтральным, например: ж[ы³]ра́, ш[ы³]га́ть, ш[ы³]лу́н, ш[ы³]мпáнское в сравнении с произношением ж[а]ра́, ш[а]га́ть и т. д.¹

«Такое произношение, — пишет исследователь современных норм русского языка К. С. Горбачевич, — сейчас уже окончательно устарело, орфоэпической нормой стало произношение, совпадающее с написанием: *жара́, шагу́, шалу́н*. Только в отдельных словах сохраняется еще старое произношение: ж[ы³]ле́ть, ж[ы³]сми́н, ж[ы³]ке́т, рж[ы³]но́й, лош[ы³]де́й»². Орфоэпические архаизмы функционально подобны архаизмам лексическим: *хлябь* «бездна», *наитие* «вдохновение» — и грамматическим: *Для старика была закон ее младенческая воля* (А. Пушкин) — вместо «была законом».

Довольно часты случаи колебания ударений: *договóр* и *до́говор*, *приговóр* и *при́говор*, *квартáл* и *квáртиал*, *плáнер* и *планёр*, *каталóг* и *катáлог*, *пéтля* и *петл́я*, *индúстрия* и *индустри́я*, *ке́дровый* и *кедрóвый*. Большинство их не имеет четко выраженной стилистической дифференциации. Но немало и стилистически значимых. Например, варианты *ба́ловать* (при *балова́ть*), *вида́ться* (при *ви́деться*), *за́витый* (при *зави́тый*), *звóнишь*, *и́наче*, *ка́мфара*, *ло́моть*, *мелочно́й*, *че́рпать* употребляются в непринужденной речи и противопоставлены *балова́ть*, *ви́деться* и т. д., свойственным нейтральной и

¹ См.: Азанесов Р. И. Русское литературное произношение. 5-е изд. М., 1972, с. 63.

² См.: Горбачевич К. С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1978, с. 137.

книжной речи¹. Просторечными являются формы: *воротá* (ворот, воротáм), *госпиталя́* (госпиталéй), *диспетчерá*, *лекторá*, *колерá*, *взводá*, *коллекторá*, *компрессорá*, *блюсть* (при блюстí), *везть* (при везтí), *вплесть* (при вплестí), *впередо́нку* (при впередонкú); нелитературными являются акцентологические варианты *квáртил*, *кило́метр* и др.²

Наконец, имеются варианты произношения, в том числе и акцентологические, употребление которых ограничено определенной, часто узкой, профессиональной сферой. Так, шахтеры и нефтяники говорят не *добы́ча*, а «дóбыча», моряки — не *ко́мпас*, а «компа́с». В профессиональном просторечии встречаются: «гра́вер» (при общелитературном *гравё́р*), «кре́мень» (при *креме́нь*) и др.

Стилистический оттенок может придавать слову также устарелое для нашего времени или устаревающее ударение (*жаворо́нок*, *музы́ка*, *танго́*, *Укра́йна*, *коко́н* и др.). Ср. устаревшее и воспринимаемое как просторечное произношение в словах *поцелуй*, *целую*: поц[Λ]лúй, ц[Λ]лúю. Нетрудно заметить, что фонетическое оформление слов как бы выходит за пределы указанных выше трех стилей произношения и имеет много других оттенков, например оттенки просторечного, устаревшего произношения. Еще богаче эмоционально-экспрессивные и стилистические возможности такого явления, как интонация.

§ 18. Стилистические возможности интонации и ее компонентов

И н т о н а ц и я — одно из средств организации звучащей речи и выражения в ней тончайших смысловых, эмоционально-экспрессивных и стилистических оттенков. Интонация свойственна не только устной, но и письменной речи, однако в письменном тексте она служит в основном собственно языковым целям и способна лишь частично, как бы приглушенно передать звуча-

¹ Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник. Л., 1973.

² Там же, с. 83.

щую или мысленно проговоренную при письме речь. Нередко воспроизведение интонации бывает неоднозначным. Поэтому так часты сетования авторов на письменную форму речи, обедняющую живую речь. «Есть пятьдесят способов сказать «да» и пятьсот способов сказать «нет», и только один способ это написать», — отмечал драматург Бернард Шоу¹. Кстати, писатели, и особенно поэты, обращаются к дополнительным графическим средствам, чтобы хоть как-то преодолеть «беззвучность» письменной речи: вводятся «психологическое» тире, показывающее паузы, курсив, петит, выделения слов, разбиение стихотворного текста на строки и т. п.

Например:

**Медведь
Попался в сеть.**

Над смертью издали шути как хочешь смело;
Но смерть вблизи — совсем другое дело.

(И. Крылов)

Аудитория
 сыплет
 вопросы колючие.
Старается озадачить
 в записочном рвении.
Товарищ Маяковский,
 прочтите
 лучшее
Ваше
 стихотворение.

(В. Маяковский)

Нередко кавычками «отчуждения» выделяют в авторском тексте отрезки, принадлежащие персонажу: *Она сама поминутно честила себя «глупою, неприличною чудачкой» и мучилась от мнительности...* (Ф. Достоевский).

Под интонацией понимают сложное языково-речевое явление, которое находит свое воплощение в мело-

¹ Шоу В. Полн. собр. пьес: В 6-ти т. Т. 1, с. 66.

дике (движении основного тона), паузах (перерывах в звучании), силе звучания отдельных слов (в частности, слов с фразовым, а также логическим ударением), темпе и тембре речи. Динамический характер каждого из названных компонентов и всей их совокупности делает интонацию богатым грамматическим и особенно экспрессивно-стилистическим средством. В эксперименте профессора В. А. Артемова однословное предложение *Осторожно* было произнесено с 22 интонациями: вежливой просьбы, утверждения, предупреждения, приглашения, обиды, перечисления, просьбы, повествования, сопоставления, различения, удивления, увещевания, настойчивого повеления, поучения, повеления, убеждения, эмоциональной просьбы, изумления, угрозы, сильной угрозы, вопроса, восклицания¹.

Еще большими возможностями варьирования обладают многословные предложения. Профессор В. А. Богородицкий так определяет роль интонации и ее компонентов: «Предложение при том же сочетании слов может путем изменения интонации получать разнообразные оттенки, например восклицания, удивления, угрозы, сожаления и т. д. Под влиянием эмоций изменяется темп речи. Таким образом, живая речь используется для передачи оттенков настроения говорящего не только определенными сочетаниями слов, но также соответствующим изменением тембра и тона голоса, усилением или ослаблением его, а также замедлением или ускорением темпа речи и, наконец, удлинением ударяемого гласного в подчеркиваемом слове; сюда же относятся и паузы... Что касается вариаций в темпе речи, то в качестве примера можно указать на быстро-энергичную гневную речь и на торопливую, радостную; при решительных требованиях или выговорах речь может принимать медленный, размеренный характер. Иллюстрацией удлинения в словах могут служить следующие примеры, представляющие вариации одного и того же предложения: *А на горах — туман! А туман како-ой, тума-ан, просто дышать нельзя*. При переспрашивании же слово *туман* было произнесено уже совершенно иначе: ударный слог, кроме значительного

¹ Артемов В. А. К вопросу об интонации русского языка. — Учен. зап. / 1-й МГПИИЯ, 1953, т. VI, с. 13.

повышения тона, был выговорен энергично и кратко: именно такое энергичное *staccato* и придало характер вопроса нашему слову, хотя при нем не было употреблено никаких вопросительных слов. В заключение добавим, что общеупотребительное письмо лишь в слабой степени (например, при помощи знаков препинания) может намекать на особенности живой речи в ее разнообразных нюансах и модуляциях; этот недостаток письменной передачи заставляет писателей прибегать при воспроизведении разговоров к указаниям характера произнесения и эмоционального состояния говорящих»¹.

И хотя интонация не является привилегией только устно-речевого общения, тем не менее ее возможности полнее всего выступают в нем. Обиходно-разговорный стиль, реализуемый преимущественно в устной речи, отличается от книжных функциональных стилей не только лексикой и синтаксисом, но и фонетикой, причем в такой степени, что бывает достаточно одного «разговорного» звучания (при обычных словах и конструкциях), чтобы безошибочно опознать этот стиль. Нередко только по интонации можно определить основное содержание речи, плохо слышимой или не понятной нам, произносимой на другом языке, если, конечно, в этом языке используются общие, универсальные интонации, а не специфически национальные.

«Книжно-письменная речь (прежде всего научная и в значительной степени газетно-публицистическая) в неактуальной для нее устной форме существования естественно не обладает большим интонационным разнообразием. Ритм ее преимущественно ровный, темп замедленный, тон волнообразный, с равномерными подъемами и опущениями голоса, спектр тембровых окрасок довольно беден»².

В основе интонационно-мелодического богатства живой речи лежит три разных типа интонаций и фразовых ударений: грамматическая, логическая и эмоционально-экспрессивная. Каждый из этих типов представлен во всех стилях, то есть все они являются общеязы-

¹ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. 5-е изд. М., Л., 1935, с. 216—217.

² Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976, с. 94.

ковыми, или «межстилевыми». Однако поведение этих типов разное. Интонационный тип в каждом из стилей «в различной степени проявляет свою активность и в различной степени трансформируется под влиянием тех или иных комбинаторных наращений»¹.

Особенно вариативны по стилям логическая (логико-экспрессивная) и эмоционально-экспрессивная интонации, которые накладываются на грамматическую (синтаксико-синтагматическую) интонацию. Причем самым богатым и разнообразным по передаваемым смысловым и эмоционально-оценочным оттенкам (положительным: восторг, восхищение, умиление, нежность и т. д. — и отрицательным: угроза, гнев и т. д.²) оказывается обиходно-разговорный стиль. В нем так много интонационных вариантов и вариаций, что, как показали эксперименты, их легче воспринять и даже создать, чем охарактеризовать³.

Смысловая и эмоционально-экспрессивная емкость звучащей речи поддерживается и раскрывается конституацией и, в частности, несловесными (невербальными) ее компонентами: жестом, мимикой, позой и общей моторикой человеческого тела.

Исследователи русской интонации довольно хорошо изучили ее общеязыковое проявление⁴. Однако интонация служит и функционально-стилистическим целям, что видно хотя бы по расхождениям в фонетико-интонационном строе разговорного и книжных стилей. В лингвистической литературе имеются высказывания о том, что «дифференциация типов и видов устной речи происходит в основном путем оценки воспринимаемых просодических (просодия — общее название сверхсегментных элементов речи: высоты тона, фразового ударения, темпа, длительности, громкости. — *авт.*) и сегментных синонимических вариантов»⁵. Выказано

¹ Там же, с. 97.

² Златоустова Л. В. Типы эмпатического ударения в литературном русском языке. — Учен. зап. / Казан. ун-т, 1957, т. 117, кн. 2, с. 107—112.

³ Артемов В. А. Психология обучения иностранным языкам. М., 1966, с. 189—190.

⁴ Об этом см.: Брызгунова Е. А. Звуки и интонация русской речи. М., 1977.

⁵ Интонация. Киев, 1978, с. 39.

предположение о наличии «пяти фонетических стилей в монологической речи: торжественного, научно-делового, официально-делового, бытового и непринужденного»¹, связанных со сферами и ситуациями использования языка. Эта гипотеза нуждается в серьезной экспериментальной проверке.

§ 19. Типы произнесения и функциональные стили

В последние годы наряду с понятием «стили произношения», относящимся к общей фонетической характеристике высказывания, используется более узкое понятие — «типы произнесения». Эти два взаимосвязанных понятия (и явления) неравнозначны. Тщательный, ясный тип произнесения называют **полным**, небрежный (разговорный) — **неполным**.

Главным критерием различения типов произнесения служит «возможность фонемной интерпретации соответствующего отрезка речи»: при полном типе произнесения интерпретация однозначна, при неполном — неоднозначна². Например, в слове *часы* при тщательном произнесении гласный первого предударного слога ясен, определен, и слово имеет, по терминологии Л. В. Щербы, «идеальный фонетический состав»; при небрежном, «скороговорочном» произнесении он может быть отнесен к трем разным фонемам [и], [е], [а]. При полном типе всегда имеется возможность повторить услышанное, при неполном повторение осуществимо лишь при наличии соответствующего контекста или ситуации.

В пределах одного высказывания может быть:

1) один полный тип (он встречается при сознательной установке на предельно ясное произнесение). «Это бывает, когда мы хотим что-либо подчеркнуть, на что-либо обратить внимание, когда нас кто-либо плохо слышит или не понимает и т. п. Например, на вопрос «И как же вы на это реагировали?» ответ может быть:

¹ Интонация. Киев, 1978, с. 39.

² Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. и др. Стили произношения и типы произнесения. — *Вопр. языкознания*, 1974, с. 65.

«Пол-ней-шим равнодушием» (что в печати может быть иногда выражено разрядкой)»¹;

2) сочетание полного и неполного типов. В неполном типе, ввиду его отдаленности от «идеального фонетического состава», целиком не может быть произнесено ни одно высказывание, кроме некоторых реплик, «предсказываемых контекстуально и ситуативно»².

И полный, и неполный типы произнесения, естественно, имеют градации, особенно много их в неполном типе. Так, в этом типе безударные гласные, подвергаясь сильной количественной и качественной редукции, «представляют очень пеструю картину»³.

Речевая цепь, как правило, являет собой чередование обоих типов произнесения. Характер «варьирования доли и качества сегментов полного и неполного типа»⁴ во многом обусловлен экстралингвистическими факторами (содержанием, целью, назначением и условиями общения) и отражает общий функционально-стилевой облик высказывания.

А. М. Горький отмечал: «Не всегда важно, что говорят, но всегда важно, как говорят»⁵. Это относится в первую очередь к устной форме речи. Изучение функционально-стилевой дифференциации звучащей речи продолжает оставаться актуальной задачей коммуникативной фонетики и фоностилистики.

2. ЛЕКСИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА

§ 20. Стилистическое богатство лексики

Лексика современного русского языка располагает огромными возможностями для передачи информации в ее тончайших смысловых и стилистических оттенках.

«Подлинная красота языка, действующая как сила, создается точностью, ясностью, звучностью слов, кото-

¹ Щерба Л. В. Теория русского письма. — В кн.: Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 154.

² Бондарко Л. В., Вербицкая Л. А., Гордина М. В. и др. Стили произношения и типы произнесения. — *Вопр. языкознания*, 1974, с. 65.

³ Там же.

⁴ Там же, с. 69.

⁵ Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 17, с. 11.

рые сформляют картины, характеры, идеи книг. Для писателя необходимо широкое знакомство со всем запасом слов богатейшего нашего словаря и необходимо умение выбирать из него наиболее точные, ясные, сильные слова. Только сочетание таких слов и правильная — по смыслу их — расстановка этих слов между точками может образцово оформить мысль автора, создать яркие картины, вылепить живые фигуры людей настолько убедительно, что читатель увидит изображенное автором», — писал А. М. Горький в статье «О социалистическом реализме»¹.

Эти слова, обращенные к писателям, имеют отношение к человеку любой профессии. Но особенно важно не забывать о них учителю-словеснику. По роду своей общественной деятельности ему необходимо не только знакомство с богатейшим словарем русского языка, но и научное знание этого словаря, в частности понимание законов стилистической организации лексики, соотношение в языке слов общеупотребительных и ограниченного употребления, знание основных видов их экспрессивно-стилистической окрашенности и законов сочетания стилистически нейтральных и окрашенных слов в различных функциональных стилях, а также овладение типичными приемами повышения информационного и стилистического потенциала речи. Как видим, это не простое обогащение своего лексикона, а качественно новое знание языка. Польза от глубокого функционально-стилистического уровня постижения языка (речи) несомненна. В. Г. Белинский, оценивая роль природного (по инстинкту) и теоретического знания языка, заявлял: «И нет никакого сомнения, что, когда к инстинктивной способности хорошо говорить или писать присоединяется теоретическое знание языка, сила способности удваивается, утраивается. Грамматика не дает таланта, но дает таланту большую силу. . .»²

В числе средств, улучшающих знание языка, В. Г. Белинский называл «строгое исследование» его законов, изучение речей «известных ораторов всех народов и всех веков», составление научных грамматик и сло-

¹ Горький М. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 27, с. 5.

² Белинский В. Г. Грамматические разыскания В. А. Васильева. — Соч., т. IX, с. 232.

варей. «Хороший филологический словарь синонимов был бы драгоценным подарком нашей литературе. Он умножил бы собою число необходимых учебных книг для изучения русского языка»¹.

В распоряжении изучающих лексику современного русского языка немало научных исследований и словарей. Для ознакомления с семантикой слов и их стилистическими оттенками особенно полезны толковые словари, словари синонимов, антонимов, а также словари фразеологизмов, омонимов, паронимов, народно-поэтической символики, словари-справочники типа «Правильность русской речи» (1965). Лексику и терминологию специальных отраслей знаний обычно усваивают вместе с соответствующей теорией и практикой. Большую помощь оказывают при этом словари отраслевой лексики. Конечно, никто не помнит и сотой доли всей научной и производственно-технической терминологии современного языка. Нельзя требовать этого и от языковедов. Однако лингвист должен представлять место этой лексики в словарном составе языка, ее роль в формировании научного стиля и его производственно-технических разновидностей, степень использования профессиональных слов в различных функциональных стилях, включая и обиходно-разговорную речь.

Стилистическое богатство лексико-семантического уровня обусловлено не только колоссальным числом входящих в него единиц (общие словари включают до 100 тысяч и более слов, отраслевые могут содержать десятки тысяч слов-терминов), но и чрезвычайным разнообразием их качества, а также сложной, многоярусной системой их стилистической организации. В пределах лексико-семантической области языка имеем, с одной стороны, единицы, обладающие единственным в своем роде значением и столь же конкретно-неповторимым стилистическим оттенком (каждое слово — уникальное явление!), с другой стороны, — отвлеченные, охватывающие многие сотни и тысячи слов стилистические категории (окраски), не уступающие по своей абстракции многим морфологическим и синтаксическим категориям. Речь идет о таких видах стилистиче-

¹ Белинский В. Г. Словарь русских синонимов. — Соч., т. V, с. 230.

ской и экспрессивно-эмоциональной окрашенности, как «книжное», «обиходно-разговорное», «высокое», «приподнятое», «шутливое», «шутливо-ироническое». К сожалению, пока слабо исследованы сочетательные (валентные) возможности подобных категорий и те новые качества, которые проявляются у слов при совмещении различных стилистических окрасок. Особенно актуальна эта проблема при рассмотрении текстов разных функциональных стилей.

А. М. Горький заметил одному из поэтов: «Когда в одном и том же стихотворении встречаются два столь далекие друг от друга слова, как — не русское — «блик» и — очень русское — «клоп», я говорю, что здесь нет стиля, нет и единства. На мой взгляд только ирония позволяет сближать столь далекое...»¹ А между тем в словарях оба эти слова даны как нейтральные, стилистически равноценные. Оказывается, одного «словарного» знания языка недостаточно. По-настоящему знать слово — это чувствовать сферу его использования, его оттенки, а также возможность или невозможность соединения этих оттенков. «Язык наш достаточно гибок и богат — следует глубже всмотреться в него...» — призывал А. М. Горький².

§ 21. Стилистическая окрашенность слов в языке и речи (к стилистической парадигматике и синтагматике)

«Всматриваться» в язык, в лексику означает изучать словари, а также живую жизнь слов. Стилистическое лицо слова в словаре (в языке) и в речи может не совпадать. Например, слово *мужчина* в словаре стилистически нейтральное: «взрослый человек, лицо, противоположное женскому полу». Но во всех ли текстах оно такое? Сравним следующие тексты:

1. Новая перепись порадовала нас и сообщением о дальнейшем выравнивании соотношения мужского и женского населения страны. Сейчас это

¹ Горький А. М. Из письма к В. Гаккель-Аренс. — Материалы и исследования. Т. 1. Л., 1934, с. 265.

² Горький А. М. Из письма к М. Слонимскому. — Цит. по кн.: Русские писатели о языке. Хрестоматия / Под общей ред. А. М. Доксова. Л., 1954, с. 325.

соотношение, столь много значащее для личных судеб, выглядит 46,7:53,3. В 1970 году соотношение было 46,1:53,9, перед войной, в 1940 году, 47,9:52,1, а в 1913 году число мужчин почти равнялось числу женщин. (Из газет.)

2. Верстах в шести от села, на Фокинском улусе, страдовала и моя старшая тетка Апроня, оставив дома ребятишек: Саньку, Ванюху и Петеньку. Саньке весной пошел седьмой год, у Ванюхи на исходе шестой. Петеньке еще и трех не минуло.

Вот эта-то компания, задичавшая без взрослого присмотра, стосковавшаяся по родителям, решила податься на пашню, к матери. У мужчин такого возраста колебаний, как известно, не бывает, и коли они что замыслили, то непременно и осуществят. (В. Астафьев.)

В первом тексте интересующее нас слово употреблено в прямом значении и эмоционально-стилистической окраски не содержит. Во втором, художественном тексте применительно к малолетним детям оно имеет трогательно-шутливый оттенок, так же как и другие слова: *колебаний, замыслили, непременно, осуществят*.

Ценный материал для наблюдения над тем, как преобразуются в тексте, особенно художественном, слова языка, обнаруживая контекстуальные «приращения смысла» и экспрессивно-стилистических моментов, дает, например, «Словарь автобиографической трилогии М. Горького». Его составителям пришлось в дополнение к обычным стилистическим пометам типа «неодобрительное», «шутливое», «бранное», «вульгарное» и т. п. ввести: «интимно», «лирически», «порицательно», «эвфемистически», «экспрессивно», а также большое количество знаков, показывающих тончайшие образно-метафорические оттенки слов, фразеологических и специфических контекстных словосочетаний. «Сотношение стилистических пластов в художественном произведении, в том числе и в автобиографической трилогии М. Горького, иное, чем в языке в целом, поэтому в стилистической характеристике слова словарь отличается от общих словарей», — пишут его составители¹.

¹ См.: Словарь автобиографической трилогии М. Горького. Изд-во ЛГУ, 1974.

Исследовать стилистические качества слов в языке и их отражение в толковых словарях, в словарях синонимов означает изучать лексико-стилистическую парадигматику; замечать и анализировать стилистические оттенки и их приращения в связной речи (в тексте, представляющем тот или иной стиль) значит заниматься стилистической синтагматикой. Однако было бы ошибочным полагать, что все без исключения слова, будучи употребленными в тексте, непременно и неизменно меняют свои семантические и стилистические признаки. Подавляющее большинство слов, как нейтральных, так и окрашенных, в принципе сохраняет свое «доконтекстное» качество, что как раз и обеспечивает понимание высказываний, какими бы новыми по содержанию они ни были. Это видно, например, из следующего примера (обратите внимание на семантику и стилистику «высоких» слов, в частности на слово *верую*, которое, хотя и сходно по смыслу с *верю*, но отличается от него книжностью, торжественностью и потому здесь незаменимо):

Неведомая страна с детства обворожила меня, вечный ее зов бродит в моей крови, тревожит сердце, и пока я жив, пока работает память, тоска по этой, не достигнутой мною стране — каждодневно, каждоминутно со мной. И когда придет мой последний час и последний свет станет уходить из моих глаз, верую: и тогда томящим и зовущим видением будет она, так и не открытая мною страна, и не умрет, а замрет ее образ во мне, остановится, закаменеет, чтоб через годы, может быть, через столетья, ожить в другом человеке, и увидит он ее моими глазами, полюбит моей любовью и заплачет, как я плачу сейчас, сидя в поднебесье на скале, моими слезами, не сознавая, что плачет он от какого-то озарения, встревожен чьей-то воскресшей в нем любовью, пронзившей толщу времен и доставшей ту плоть, ту душу, в которой суждено повториться и моей печали, и моей радости — всем, что заказано будет мне пережить, запомнить и унести с собою... (В. Астафьев.)

Занимаясь жизнью слов в тексте, наблюдая за их стилистическим поведением в привычных или непривычных для них ситуациях, мы всякий раз соотносим их семантику и стилистику с языковой, парадигмати-

ческой. Только на таком фоне и может обнаружиться обычность или необычность их употребления. Следовательно, стилистический анализ слов в тексте сопрягает воедино два плана рассмотрения слов — синтагматический и парадигматический, или — что не совсем одно и то же в операционном смысле — парадигматический и синтагматический.

§ 22. Стилистически нейтральная, повышенная и сниженная лексика. Синонимические ряды, их виды. «Парадигма в парадигме»

Сколько слов в современном русском языке? Ответить нелегко. Еще труднее определить количественное соотношение нейтральной и стилистически окрашенной лексики. Чтоб получить такие данные, лингвисты подвергают статистической обработке словари. По семнадцатитомному «Словарю современного русского литературного языка» такое исследование провел член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин. Ученый проанализировал все стилистические позиции VII тома (буква Н) словаря. «Из 15 530 таких позиций (под стилистической позицией понимается любой элемент словаря — слово, значение слова и его оттенки, оборот, фразеологизм, форма слова, ударение, — кторый имеет стилистическую помету или не имеет ее, когда отсутствует стилистическая окраска) нейтральных оказалось 11 606 (75%), стилистически отмеченных 3925 (25%)¹.

Итак, в письменной разновидности современного русского литературного языка нейтральная основа составляет три четверти, а стилистически маркированная — одну четверть. И хотя анализировались не только слова, но также их формы и произношение, можно думать, что эти показатели в основном верно отражают стилистическую стратификацию лексико-фразеологического уровня языка.

Н е й т р а л ь н а я основа — господствующая. Она поставляет свой «скромный» материал во все функциональные стили. Без него не может состояться ни один стиль. Собственно стилевые добавки в количественном

¹ Филин Ф. П. О просторечном и разговорном в русском литературном языке. — Филол. науки, 1979, № 2, с. 21.

отношении всегда уступают нейтральной основе, являющейся главным строительным материалом любого текста. Кстати говоря, бывает, что весь текст состоит из одних нейтральных слов и синтаксических конструкций. Еще чаще доля стилистически маркированных элементов настолько мала, что если учитывать только их, то бывает трудно определить, к какому функциональному стилю относится текст. Имея в виду подобные случаи, некоторые авторы вообще склонны признавать наличие в языке (речи) самостоятельного нейтрального стиля, который, по их мнению, «располагается между книжным и разговорным стилями, захватывая частично и тот и другой»¹.

Нейтральная лексика не только основа словаря и любого конкретного текста, но и фон, оттеняющий стилистически окрашенные пласты языка — повышенные и сниженные.

Каких слов в языке больше — стилистически повышенных или сниженных? Или поровну? Судя по словарям, больше сниженных. Так, в проанализированном Ф. П. Филиным томе на долю сниженных пришлось 16,87% (встретилось 9,71% разговорных позиций, 6,22% просторечных, 0,94% областных, т. е. диалектных элементов). На книжные слова приходится, по подсчетам Ф. П. Филина, вдвое меньше — 8,13%.

Приведенные данные относятся к языку в целом, в основном — к его книжным стилям. «Как выглядело бы соотношение нейтральных и стилистически окрашенных элементов в разговорной литературной речи, нам неизвестно, — констатирует Ф. П. Филин, — но можно полагать, что оно было бы другим. Иным оно должно быть и в разных жанрах (в научном языке удельный вес просторечной и диалектной стихий, несомненно, резко уменьшается, но зато значительно возрастает удельный вес специальных элементов, не считая формул и иных графических изображений). Иным оно, несомненно, было и в прошлые времена»².

Как бы ни выглядело соотношение окрашенных и нейтральных элементов, оно в принципе всякий раз де-

¹ Степанов Ю. С. Французская стилистика. М., 1965, с. 223.

² Филин Ф. П. О просторечном и разговорном в русском литературном языке. — Филол. науки, 1979, № 2, с. 21.

монстрирует, хотя и с поправками на стиль (текст), общезыковую картину. Общезыковая ситуация отражается также в характере и состоянии лексико-стилистической парадигматики языка и, в частности, в ее центральных звеньях — синонимических рядах.

Давно замечено, что длина синонимического ряда бывает различной: «с одной стороны, наблюдаются небольшие и простые двучленные объединения (ср. *конь* — *лошадь*, *спелый* — *зрелый*, *бездомный* — *бесприютный*, *выздоровливать* — *поправляться* и т. п.), с другой стороны, существуют многочленные синонимические ряды (ср. *лицо* — *лик* — *морда* — *рожа* — *физиономия* — *физия* — *харя* — *мурло*... и др.)»¹.

Неплохо изучена семантическая структура синонимического ряда (гнезда): «как в двучленных, так и в многочленных выделяется основное слово (или доминанта), определяющее характер всего синонимического ряда»².

Начато исследование функций синонимов, семантико-стилистической структуры, а также своеобразия синонимов в различных стилях и жанрах речи.

Синонимический ряд состоит минимально из двух слов. Максимальный предел назвать трудно: ряды бывают обычно открытыми. Их открытость в том, что к имеющимся членам может прибавиться новый (новые), если в этом появляется потребность. Открытость синонимического ряда — один из показателей открытости языковой, особенно лексической, системы в целом и одно из условий ее совершенствования. Синонимический ряд открыт во времени (каждый период в развитии языка может обогатить ряд своими словами), в пространстве³ (ряд может быть пополнен иноязычными заимствованиями, словами территориальных и социальных диалектов своего языка и т. п.), а также в функционально-речевом плане (к имеющимся словам-синонимам нередко создаются весьма точные и выразительные контекстные синонимы).

¹ Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1972, с. 54—55.

² Там же, с. 55.

³ Ср.: Брагина А. А. Синонимы и их истолкование. — Вопр. языкознания, 1978, № 6, с. 70.

И тем не менее можно говорить о рядах как об устойчивых семантико-стилистических системах (микросистемах) и анализировать их организацию.

Больше всего в современном русском литературном языке двусловных, трехсловных, четырехсловных, пятисловных синонимических рядов. Но есть и ряды, включающие по 20, 25, 30, 40 и более слов, например ряды с доминантами *ударить*, *обмануть*, *много*, *озябнуть*, *наверное*. Средняя длина синонимического ряда в двухтомном «Словаре синонимов русского языка» (АН СССР, 1970—1971) — 4,35 слова, в «Словаре синонимов. Справочное пособие» (АН СССР, 1976) — 3,84 слова. Можно принять, что длина синонимического ряда в русском литературном языке в среднем равна четырем словам (при обработке словарей, включающих наиболее употребительные синонимы, средняя длина обычно достигает пяти слов).

Обратим внимание на характер лексико-стилистической парадигмы и ее типичные проявления.

Основную массу слов, занятых в парадигмах, как и следовало ожидать, исходя из общей стилистической структуры языка, составляют нейтральные слова. Нейтральными в стилистическом отношении являются не только доминанты — семантические центры рядов, хотя ряд могут открывать и окрашенные слова — книжные, разговорные и даже просторечные, но и рядовые члены ряда. Сотни двусловных, трехсловных, четырехсловных и т. д. рядов состоят из одних нейтральных слов: *ценить* — *дорожить*, *развлечение* — *забава* — *потеха*, *бледный* — *неяркий* — *блеклый* — *тусклый*, *безлюдный* — *пустынный* — *пустой* — *глухой* — *нелюдимый*.

В чем различие между синонимами в таких рядах? Очевидно, не в собственно стилистических и эмоционально-экспрессивных моментах, а в семантических оттенках, в частоте употребления, в тончайших нюансах функционирования, что не менее важно для говорящих, чем различия экспрессивно-стилистические. Так, частотность слова *ценить* выше, чем слова *дорожить*.

Одним из видов синонимических рядов будет ряд семантический, или «семантических оттенков»; он представлен такими примерами, как: *атака* — *штурм*, *канав* — *ров* — *кювет*, *опыт* — *эксперимент*, *повод* — *предлог*, *поражение* — *разгром*, *порядок* — *распорядок*. В та-

ком ряду представлена не стилистическая, а, скорее, семантическая парадигма.

Если взять ряд *Иван, Ваня, Ванюша, Ванятка, Ванюшка* (имеется более ста вариантов-синонимов этого имени) или *Мария, Маша, Машенька, Маруся, Марусенька, Маня, Муля...* (известно свыше двухсот образований от этого давнего и широко распространенного имени), то здесь расхождеия между однокоренными формами имен сводятся к эмоционально-экспрессивному началу. Это уже другой, противоположный первому вид синонимического ряда. Он касается не только имен собственных, но и многих нарицательных, в частности слов, разница между которыми падает преимущественно на экспрессивно-стилистическую часть их значения, а не на номинативную основу. Например: *бесплатно* (нейтр.) — *даром* (разг.) — *задаром* (прост., усилит.) — *дарма* (грубо-фам.); *великан* (нейтр.) — *исполн* (книжн.); *высокий* (нейтр.) — *высоченный* (усилит.) — *длинный* (обих.-разг.) — *долговязый* (просторечн., усилит.) — о человеке.

Основную же долю составляют, как верно заметила А. П. Евгеньева, ряды семантико-стилистические: «В литературе неоднократно делались попытки разделить синонимы на стилистические и идеографические. Однако материал показывает, что невозможно провести границу между теми и другими, зачислив одни в стилистические, другие — только в идеографические. Основная, подавляющая масса синонимов служит и стилистическим и смысловым (оттеночным, уточнительным) целям, часто выполняя и ту и другую функцию одновременно»¹. Это третий, наиболее типичный вид синонимического ряда.

Отношения между членами синонимического ряда могут быть разные: между одними из них — семантико-оттеночные: *идти* («делать шаги, передвигаться»), *шагать* («идти широким, обычно размеренным шагом»), *вышагивать* («идти важно, с достоинством»); между другими — экспрессивно-стилистические: *идти* и *шестьствовать* («идти с достоинством, не спеша», слово имеет книжный оттенок); у третьих — семантико-стилистиче-

¹ Словарь синонимов русского языка: В 2-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л., 1970, т. 1, с. 11.

ские: *идти — ступать, идти — топать* (просторечн.) и т. д. Синонимический ряд имеет не просто сложную, но и динамическую структуру. Особенно подвижны и тонки его связи в живой речи.

Трехчленную парадигму синонимического ряда, как уже говорилось, можно принять как идеальную схему. В действительности она бывает либо недостаточна, когда не хватает, например, только «книжно-повышенного», или «разговорно-сниженного», или стилистически нейтрального члена, или одновременно двух членов, либо избыточна за счет просторечного или грубо-просторечного варианта. Чаше же встречаются стилистически недостаточные парадигмы-ряды. Однако как в достаточных, так и в дефектных (неполных) парадигмах имеющиеся позиции могут быть заполнены не одним, а двумя, тремя, четырьмя и бóльшим количеством слов и фразеологических сочетаний. Такую картину, например, видим в ряду с доминантой *быстро*. В нейтральную клетку этой парадигмы входят: *быстро, скоро, стремительно, живо, проворно* («быстро и легко»), в разговорно-сниженную — *одним духом, живой рукой, живым манером*.

Обычно связи между словами одной стилистической позиции (клетки) теснее, чем между единицами разных позиций. Это малые парадигмы внутри большой парадигмы. Различия в семантических и стилистических оттенках здесь тоньше, детализированнее.

Малая парадигма, или «парадигма в парадигме», может быть достаточно богатой и стилистически дифференцированной. Так, несколько микропарадигм со своими тонкими, но существенными для стилиста различиями содержит ряд с доминантой *сказать*: *сказать, произнести, проговорить, выговорить, промолвить, вымолвить, молвить* (устар. и нар.-поэт.), *изречь* (высок., устар. или ирон.), *провещать* (высок., устар. или ирон.), *взговорить* (нар.-поэт.) и др. Микропарадигмы, не отменяя больших стилистических парадигм, увеличивают их емкость, разнообразие, функциональную точность и мобильность. Они — богатство языка и показатель иерархической организации его стилистической структуры.

С проблемой стилистического ряда, его структуры и семантико-стилистического содержания связан вопрос

о функциях синонимов. Нередко называются три основные функции синонимов: «а) функция замещения, связанная прежде всего со стремлением избежать нежелательных повторений одних и тех же лексических единиц... ; б) функция уточнения, связанная с желанием говорящего или пишущего более четко передать мысль, например: *Полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света* (И. Тургенев); в) функция экспрессивно-стилистическая, связанная с выражением многообразных оценок, например: *«Старая хозяйка... говорит мне: «Погоди, книгожора, лопнут зенки-то»* (М. Горький)»¹. Думается, что самой главной функцией синонимов в речи является функция уточнения. Ради нее язык накопил синонимы, разработал тончайшие отношения между ними в синонимических рядах и парадигмах. Целесообразно различать точность смысловой и точность экспрессивно-стилистической стороны речи. В этом случае «две функции — «уточнительная» (акцентирование того или иного оттенка понятия) и стилистическая — и являются основными, характеризующими и обуславливающими лексическую синонимику языка. Именно они определяют специфические связи и отношения между тождественными и близкими по значению словами в лексической системе языка (распределение употребления слов). Все другие функции синонимов, которые часто указываются в качестве их характерных признаков (например, взаимозаменяемость, противопоставленность и т. д.), являются производными от этих двух, развились на их основе и представляют собой различные виды осуществления, реализации «уточнительной», т. е. оттеночной, смысловой, и стилистической функции»².

Функция синонимов проявляется в речи, в ее устной и письменной форме, в ее стилях. Каждый стиль характеризуется своим набором наиболее типичных для него разновидностей синонимов, а также своими реализациями функций синонимов. Единство стилевой системы языка при наличии разных стилей и множества

¹ Александрова З. В. Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л. А. Чешко. М., 1968, с. 6.

² Словарь синонимов русского языка: В 2-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Л., 1970, т. 1, с. 11.

подстилей и разновидностей в немалой степени обеспечивается подвижной и гибкой структурой синонимических рядов и общностью функций входящих в них элементов.

§ 23. Соотносительные и несоотносительные пласты лексики

Малочисленность лексико-стилистических парадигм с тремя позициями: + (*очи*), 0 (*глаза*), — (*гляделки*) — свидетельствует о том, что противопоставленность крайних членов стилистической парадигмы — слов повышенной-книжной и разговорно-сниженной окраски — явление нечастое. Эти случаи известны наперечет: *сонм* — *множество* — *бездна*, *пасынок судьбы* — *неудачник* — *горемыка*, *мистификация* — *обман* — *надувательство*. Тем не менее нет никакого сомнения в наличии трех стилистически различных пластов лексики: нейтрального и двух «расходящихся» от него пластов — повышенного (книжно-письменная лексика) и сниженного (устно-разговорная лексика).

В пособиях по стилистике обычно мало говорят об общеупотребительной (стилистически нейтральной) лексике, гораздо меньше, чем о лексике специфического употребления. В известной мере это оправдано. Слова *вода, соль, хлеб, дерево, растение, береза, человек, дуб, голова, рот, рука* и другие названия предметов и понятий; *большой, синий, близкий, горячий, медный, много, мало, близко, холодно, здесь, там* и подобные обозначения признаков и обстоятельств, а также такие названия действий, как *работать, читать, стучать, петь* и им подобные, не ограничены по сфере употребления и уместны в любом стиле. Ошибок в их стилевом употреблении, как правило, не бывает.

Между тем эта лексика заслуживает внимания стилиста как самый богатый пласт словаря, как неременный и основной компонент любого стиля, как незаменимое средство точной и выразительной речи. «Этим словам свойственна естественность, простота, общепонятность, отсутствие искусственности, вычурности. Этим и объясняется то, что самые яркие, глубокие и задушевные мысли и образы художниками слова создаются с широчайшим использованием этих простых и обыч-

ных слов. Вспомним лирику Пушкина, рассказы Толстого или Чехова», — писал профессор А. Н. Гвоздев¹. Об этом же говорят и сами мастера слова, такие, как А. Чехов, М. Горький и другие.

Общеупотребительная лексика неоднородна в плане ее конкретной соотнесенности со стилистически окрашенными словами. Одни из общеупотребительных слов имеют стилистически окрашенные синонимы, другие не имеют их.

Нейтральные слова, соотносительные со стилистически окрашенными, распадаются на два разряда: а) соотносительные с книжно-письменными словами, т. е. образующие нейтрально-книжные стилистические парадигмы: *бесспорный* (нейтр.) — *непреложный* (книжн.), *бесформенный* — *аморфный*, *вечный* — *непреходящий*, *видоизменять* — *модифицировать*, *все-таки* — *тем не менее*, *лежать* — *покоиться*, *месть* — *отмщение*; б) соотносительные с устно-разговорными словами, т. е. образующие нейтрально-разговорные парадигмы: *багаж* (нейтр.) — *вещи* (разг.), *бесплатно* — *даром*, *бесчинство* — *озорство*, *бить* — *колотить*, *бывало* — *случалось*; обычно устно-разговорных синонимов бывает несколько, и нейтральная доминанта соотносится с каждым из них и со всей их совокупностью: *вдоволь* — *вволю*, *всласть*, *досыта*; *вплотную* — *вплоть*, *впритык*; *дешевый* — *грошовый*, *копеечный*; *кричать* — *орать*, *вопить*, *реветь*, *надрываться*; *малютка* — *малыш*, *малышка*, *кроха*, *крошка*, *карапуз*.

Не следует думать, что сопоставление приведенных нейтральных и стилистически окрашенных слов есть результат лишь исследовательского сближения их с целью сравнения и выделения сходства и различия между ними. Такие связи существуют в языке, они объективны. Более того, именно через эти связи уточняются, кристаллизуются значения слов и их стилистические оттенки. При этом наблюдается воздействие нейтральных слов на стилистически окрашенные и наоборот. Но особенно велика роль нейтральных, опорных слов. «Такие слова, как *трапеза*, *вежды*, *свершить*, *зело*, *пособить*, *огорошить*, *физиономия* и т. п., не могут быть

¹ Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965, с. 64.

истолкованы без ссылок на их «нейтральные синонимы», так как их собственно лексическое значение состоит в своеобразном преломлении этих, действительно опорных для них слов. Слово *трапеза* сразу стало бы «лишним» в языке, как только оно лишилось бы своей стилистической значимости и попросту дублировало бы слова *стол* или *еда*. Его «смысл» как раз в том, что оно (в своем реальном значении) может быть воспринято на фоне данных синонимов», — пишет профессор Д. Н. Шмелев¹. Роль спорных слов (доминант) еще важнее, когда возглавляемый ими синонимический ряд включает несвободное номинативное значение. «У многих слов, принадлежащих как к основному словарному фонду, так и к прочей части словарного состава языка, — писал академик В. В. Виноградов, — есть стилистические синонимы в разных пластах или слоях лексики. Значительная часть этих синонимов лишена прямого, свободного номинативного значения. Подобные синонимы выражают свое основное значение не непосредственно, а через то семантически основное или опорное слово, которое является базой соответствующего синонимического ряда... Например, глагол *облечь* является книжно-торжественным синонимом слова *одеть* в соответствующем стилистическом контексте. Его основное значение не свободно-номинативное и не производно-номинативное, а экспрессивно-синонимическое, опосредованное его отношением к глаголу *одеть*»². Высказанное положение В. В. Виноградов проиллюстрировал отрывком из «Писем столичного друга к провинциальному жениху» И. А. Гончарова: «Да неужели ты никогда не испытывал роскоши прикосновения к телу батиста, голландского или ирландского полотна? Неужели, несчастный, ты не облакался в такое белье... извини, не могу сказать одевался: так хорошо ощущение от такого белья на теле; ведь ты говоришь же облакаться в греческую мантию...»³

¹ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973, с. 139.

² Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова. — Вopr. языкознания, 1953, № 5, с. 13—14.

³ Там же, с. 14.

Подавляющая масса стилистически несопоставимых слов находится в нейтральном пласте (это слова, вообще не имеющие синонимов, и слова, синонимы которых тоже нейтральны: *безветренный — тихий, бледный — тусклый, акцент — ударение*). Но есть они и среди книжных (несинонимичных и синонимичных), а также среди разговорных слов. Нет соотносительных лексических единиц у огромного числа слов-терминов, например, в лингвистике: *антропонимика, топонимика, теонимика, аорист, арготизм, артикль, атематический, аффикс* и др. По существу, вся или почти вся научно-техническая и производственно-отраслевая лексика (математическая, химическая, медицинская, автомобильная, авиационная и т. д.) является несопоставимой. Обильно представлена в языке и несопоставимая разговорная и разговорно-просторечная лексика. Многие из разговорных слов не имеют синонимов, другие имеют их, но лишь в разговорно-просторечном ярусе языка. Так, слова *бутуз, задабривать, здоровяк, зевака, зябкий, каморка, канитель, ксвырять* открывают собой разговорные синонимические ряды на правах опорных слов-доминант.

Несоотносительные нейтральные слова могут быть употреблены во всех функциональных стилях, несоотносительные книжные — исключительно или преимущественно в книжных стилях, несоотносительные разговорные — преимущественно в разговорном стиле.

§ 24. Лексика книжных стилей

Профессор А. Н. Гвоздев слова со специфическим употреблением, ограниченные тем или иным стилем, разделил на два «наиболее широких разряда»: а) литературно-книжные слова, б) слова устной речи. В настоящее время первый разряд чаще называют термином «книжная лексика», или «книжно-письменная», а второй — «разговорная лексика» (показывая тем самым ориентированность первой на книжные стили, а второй — на разговорный стиль).

Книжно-письменная лексика «характеризуется, с одной стороны, общей связью с книжной речью, с другой — полной неупотребительностью или большей

или меньшей неуместностью в бытовой, обиходной речи»¹.

Пласт книжной лексики обширен и разнообразен. Правда, удельный вес книжной лексики, включаемой в словари, может быть и небольшим. Например, в новом издании «Словаря русского языка» С. И. Ожегова помету «книжное» имеют лишь около 1300 слов, что составляет 2,27% от всего корпуса словаря (57 тысяч слов), например: *аббревиатура, абориген, абстрагировать, альтернатива, альтруизм, антитеза, антология, атрибут, безмерный, безотносительный, бесконфликтность, бичевать, бравада, вибрировать, вредоносный, гомогенный, доктрина, иерархия, ингредиент* и т. д. Однако преимущественно в книжных стилях можно встретить слова, получившие в Словаре С. И. Ожегова помету «высокое»: *безвременный, бездыханный, беззаветный, беспримерный, бессмертие, бестрепетный* и т. п. — они составляют здесь около 1%. Кстати, экспрессивно-стилистический оттенок высокости чаще всего наблюдается у книжных слов. Поэтому слова типа *безвременный* должны бы получить по две пометы — «книжн.», показывающую сферу употребления, и «высок.», показывающую экспрессивно-стилистическое качество таких слов.

Книжная лексика располагает несколькими разновидностями, выделяемыми: а) по сфере применения, б) по характеру эмоционально-экспрессивной окраски.

Первая группировка в основном соотносится с функциональными стилями. Различают лексику официально-деловую, научную, публицистическую (газетно-публицистическую). К этим пластам примыкают разряды книжных слов, используемые наряду с другими пластами лексики в языке художественной литературы: а) традиционно-поэтические (или книжно-поэтические): *ратный* (боевой), *брань* (война), *кубок* (бокал), *вежды* (веки), *зреть* (видеть), *полонить* (покорить), *отчий* (родной), *жребий* (участь), а также *лик, чело, уста, перст* и др.; б) народно-поэтические: *родимый* (дорогой, милый), *кручиниться* (грустить, печалиться), *звончатый* (звонкий), *пригожий* (красивый), *голубить* (ласкать) и др.

¹ Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965, с. 65.

Вторая группировка (по характеру эмоционально-экспрессивной окраски) не имеет явно выраженной соотношенности с функциональными стилями (о видах эмоционально-экспрессивной окраски см. § 26).

§ 25. Лексика разговорного стиля

Специфика разговорного стиля, его непринужденность, простота, «вольность» открывают доступ в него, с одной стороны, разговорной, обиходно-разговорной, просторечной и грубо-просторечной лексике, то есть стилистически сниженным пластам, и с другой стороны, словам общелитературным (стилистически нейтральным, чаще всего с конкретным значением), обще книжным и даже терминологическим, связанным со сферой профессиональной занятости говорящих. При такой пестроте и «вседозволенности» стиля трудно говорить о разговорной лексике как строгой и замкнутой системе. Между тем разговорный стиль противопоставлен книжному не только в фонетическом и грамматическом отношении, но и в лексическом. Лексику этого стиля лучше характеризовать не по отсутствующим в нем разрядам слов (таковых в принципе нет), а по тем, которые представлены или исключительно, или преимущественно в нем и, как правило, не характерны для других стилей.

В разговорную лексику включают собственно разговорные слова: *тараторить, умник, сторублевка, тумак, жалостливый, погожий*; обиходно-разговорные: *бедняга, червонец, проволочка, слушок, хватка, глазастый, хворый, здоровенный, брякнуть, швыряться, пока* (до свидания), *маленько, ненароком*; а также слова литературного просторечия: *канючить, караулка, на карачках, каюк, космач, влепить* (нанести сильный удар). «Современный русский литературный язык не может состоять только из одних нейтральных, стилистически однородных средств выражения, хотя эти средства и составляют его основу. То, что в словарях и грамматиках определяется как просторечное средство, может быть употреблено и употребляется в подходящей ситуации любым образованным человеком, независимо от его социальной принадлежности и культурного уровня. Кто, например, может воздержаться от употребления

слова *хорохориться* «держаться заносчиво», «задаваться», «храбриться не к месту, по-пустому», когда в нем возникает нужда?» — замечает Ф. П. Филин¹.

В разговорной речи можно встретить грубо-просторечные (*трепотня, треп, выглянуть, хахаль*), разговорно-профессиональные, профессионально-просторечные слова, а иногда и диалектизмы, жаргонизмы, арготизмы.

Разговорность как примета непринужденно-сниженных слов особенно заметна при их употреблении в неподходящих контекстах. «В полной мере слова разговорной речи неуместны в строго деловой и научной речи, вообще в речи, не допускающей экспрессии. Попадая в другие виды книжной речи — в художественные произведения, в публицистику, они вызывают впечатление простоты, живости, некоторой вольности речи и вносят разнообразные оттенки экспрессии»². Подробнее о лексике разговорного стиля будет сказано в разделе III.

§ 26. Экспрессивно-эмоциональная окраска книжной, разговорной и нейтральной лексики

Помимо собственно стилистической, или функционально-стилевой, окрашенности книжно-письменные и устно-разговорные слова могут иметь эмоционально-экспрессивную окраску. Оттенки такой окраски очень разнообразны. В лексикографической практике для их обозначения приняты пометы «высокое», «приподнятое», «шутливое», «ироническое», «шутливо-ироническое», «бранное», «неодобрительное», «почтительное», «пренебрежительное», «презрительное», «уничижительное», «уважительное», «ласкательное», «фамильярное»³.

Одни из этих оттенков придают слову положительную, другие — отрицательную окраску.

Высокость свойственна книжной речи, особенно ее публицистическому стилю. Слова *брань* (война, битва), *стяг* (знамя), *братство* (содружество), *ваятель* (скульп-

¹ Филин Ф. П. О просторечном и разговорном в русском литературном языке. — Филол. науки, 1979, № 2, с. 20.

² Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965, с. 77.

³ См.: Словарь синонимов. Л., 1975, с. 11—12.

тор), а также *ратовать, повергать, воссоздать, грядущий, священный, донныне* имеют оттенок торжественности, в словаре их снабжают пометой «высок.».

Для книжной лексики характерен и оттенок приподнятости. Он ощущается в таких словах, как *зодчий, воин, держава, чаяния, обет, релять*. У слов разговорного стиля такая окраска, естественно, не наблюдается.

Оттенок шутливости, напротив, чаще всего свойствен разговорно-просторечной лексике: *вприглядку* (о чаепитии без сахара), *вздыхать* (быть влюбленным).

Иронический оттенок встречается у отдельных разговорных и разговорно-просторечных слов: *изрекать, вещать* (говорить), *остроумничать* (острить). Шутливо-иронический оттенок могут иметь слова разговорные: *финансы, капиталы* (деньги); *обретаться* (находиться), *пожаловать* (прийти); нейтральные: *изобретать* (выдумывать), *презентовать* (дарить), а также некоторые книжные слова: *эмпирей* (в *эмпиреях* *витать* — жить в отрыве от действительности, в мечтах) и т. п.

Оттенок «бранное» — особенность просторечных и разговорных слов: *балбес, безмозглый, изверг, живовер, губошлеп*.

Оттенок неодобрительности характерен для разговорных и просторечных слов: *мазаться* (краситься), *горланить* (кричать), *деляга*, а также для слов нейтральных и книжных: *бюрократ, военщина, групповщина, маниловщина*; оттенок пренебрежительности замечен у слов разговорных, обиходно-разговорных, просторечных: *лодырничать, чоботы, чинуша*.

Оттенок резкого осуждения, презрительности можно отметить как у разговорных: *дармояд, чистоплюй, буржуй*, так и у книжных слов: *клика, наймит*. Ласкательность — окраска разговорных слов: *детвора, мальчонка*. Оттенок фамильярности, как правило, имеют лишь разговорно-просторечные слова: *вечерком, деньжонки, житье-бытье*.

Нередко наблюдается ссвмещение эмоционально-экспрессивных оттенков. Еще тоньше эмоционально-экспрессивные и оценочные оттенки становятся у слов при их особом произнесении (интонации).

§ 27. Стилистическое богатство русской фразеологии

Фразеология русского языка, как и других языков, представляет собой уникальное явление, в ней наиболее ярко отражается самобытность языка, его национальная специфика.

В русской фразеологии запечатлена богатая история народа, прошлое русского языка и новый этап его развития в советскую эпоху. Хронологические границы используемых в современной речи фразеологизмов чрезвычайно широки: от выражений, пришедших из древнерусского языка (*растекаться мыслию по древу, иду на вы* и др.) до возникших сравнительно недавно переносных выражений терминологического происхождения, связанных с освоением космоса (*стартовая площадка, вывести на орбиту*)¹.

Современный русский язык располагает большим количеством фразеологических единиц. Например, «Фразеологический словарь русского языка» под ред. А. И. Молоткова содержит свыше 4000 словарных статей. Однако и этот словарь не отражает всего фразеологического богатства русского языка, так как в него не входят многие типы устойчивых оборотов: пословицы, поговорки, крылатые слова, составные термины, отдельные разновидности фразеологических сочетаний², относимые большинством ученых также к фразеологии.

Богатство фразеологии русского языка обусловлено не только ее обширным количественным составом, но и чрезвычайной широтой семантики и разнообразием стилистического качества фразеологических единиц.

Как и слова, фразеологические единицы неодинаковы в отношении стилистической окрашенности и могут быть охарактеризованы, с одной стороны, как книжные, разговорные, просторечные, а с другой — как приподнятые, торжественные, шутливые, иронические, неодобрительные, пренебрежительные и т. д.

¹ См.: Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968, с. 178, 184.

² См.: Фразеологический словарь русского языка. 3-е изд. М., 1978, с. 14—16.

Продолжая параллель со стилистической характеристикой слов, можно отметить, что во фразеологизмах функционально-стилистическая окраска нередко совмещается с эмоционально-экспрессивной и оценочной. Так, например, фразеологическая единица *шутка сказать* выражает удивление, т. е. имеет в дополнение к разговорной эмоциональную окраску. Выражение *рубаха-парень* (о простодушно-откровенном человеке) тоже разговорное, но эмоциональности в нем нет, а есть оценочность: оно включает в себе положительно-одобрительное отношение к носителю названного качества. Выражения *маменькин сынок*, *ни рыба ни мясо*, *филькина грамота* являются разговорными, экспрессивными, имеют презрительную окраску и отрицательную (неодобрительную) оценочность. Книжная оценочность обычно соединяется с экспрессией торжественности, приподнятости, например во фразеологизмах *лебединая песня*, *пальма первенства*, *знамение времени*, *отойти в вечность* и т. п.

Конечно, стилистическая окраска не обязательно совмещается с какой-нибудь эмоционально-экспрессивной окраской. Например, фразеологизмы *ставить во главу угла*, *оказывать содействие* имеют книжную окраску, но не обладают ни эмоциональностью, ни экспрессивностью.

Выразительность русского языка во многом зависит от его фразеологии. Подавляющее большинство фразеологических единиц обозначает те же понятия, которые могут быть переданы словами или описательными конструкциями, ср., например: *кровь с молоком* и *здоровый*, *зарубить на носу* и *запомнить*, *ждать у моря погоды* и *вынужденно бездействовать*, *сизифов труд* и *тяжелая, бесполезная работа*. Однако фразеологизмы отличаются от синонимичных слов и описательных оборотов нюансами значений и, главным образом, экспрессией: фразеологические единицы не только называют что-то, но и выражают отношение к называемому, дают ему оценку, экспрессивно характеризуют предмет или явление, вызывают представление о каком-нибудь факте, событии, явлении.

Замена фразеологизма словом или словосочетанием не может быть равнозначной: при такой замене исчезают нюансы значений, образы, эмоции — все то,

что составляет семантико-стилистическое своеобразие фразеологизмов и делает их «мельчайшими поэтическими единицами языка»¹.

Совмещение в содержании фразеологических единиц номинативных и эмоционально-оценочных элементов позволяет носителям языка использовать фразеологизмы для передачи не только логического содержания мысли, но и образного представления о чем-либо, а через последнее — и для выражения эмоционального отношения к предмету мысли². Так, например, фразеологизмы *тертый калач*, *стреляный воробей* образно характеризуют большую житейскую опытность, но вместе с тем показывают и ироническое отношение к человеку, обладающему названным качеством, что не позволяет использовать эти выражения в нейтральной ситуации, когда подобное отношение отсутствует. Выражение *бездонная бочка* характеризует человека, который может много выпить, и одновременно содержит насмешливое к нему отношение.

И все-таки понятийная сторона для фразеологизма — явление второстепенной важности. В речи фразеологизмы используются главным образом ради той эмоционально-экспрессивной выразительности, которую они несут с собой³. Ср.: *очень умный — семи пядей во лбу*, *глупый — без царя в голове*, *близко — рукой подать*, *исчез — как сквозь землю провалился*.

Присутствие в письменной или в устной речи фразеологических единиц делает ее более выразительной, живой, придает ей национальное своеобразие.

Выразительность заключена в самой природе фразеологизмов и является их специфической чертой. Конечно, степень экспрессивности разных фразеологических единиц неодинакова; среди них имеются исключительно выразительные и яркие, типа *вывести на чистую воду*, *переливать из пустого в порожнее*, *с жиру*

¹ Чижик-Полейко А. И. Стилистика русского языка. Ч. II. Воронеж, 1964, с. 55.

² См.: Федоров А. И. Лексико-фразеологические системные и синонимические связи в русском литературном языке конца XVIII — начала XIX в. — В кн.: Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970.

³ Это положение, естественно, не распространяется на фразеологизмы терминологического и официально-делового характера.

беситься, лить крокодиловы слезы, бесструнная балалайка, косая сажень в плечах и т. п., и такие, как шаг за шагом, найти общий язык, принять во внимание, иметь в виду, нейтральные по эмоциональному тону, окраска которых стерта, что и позволяет употреблять их во всех речевых сферах, включая и деловую речь.

Изучение стилистических качеств фразеологических единиц составляет необходимое звено в усвоении языка, в повышении речевой культуры.

§ 28. Особенности стилистической парадигмы, включающей фразеологические единицы

Для стилистической характеристики фразеологических единиц представляет интерес вопрос о том, как фразеологические единицы соотносятся по своим стилистическим качествам с другими единицами в стилистической структуре языка, иначе говоря, как реализуется стилистическая парадигматика, включающая фразеологические единицы.

Стилистическая парадигматика, как уже отмечалось во II главе (§ 15), проходит через все уровни языка, но в каждом из них имеет свои особенности.

Для лексико-стилистической парадигмы характерно противопоставление в ее составе единиц одного и того же уровня — лексического. В лексической системе соотносятся и стилистически противопоставляются слова, например: *поистине* (книжн.) — *действительно* (нейтр.) — *вправду* (разг.); *губы* (нейтр.) — *уста* (книжн.); *ударить* (нейтр.) — *шлепнуть* (разг.).

Во фразеологии такие однотипные ряды, в которых стилистически противопоставленными оказываются только фразеологизмы, крайне редки. В качестве примеров можно привести: *лишиться рассудка* (книжн.) — *сойти с ума* (нейтр.) — *выжить из ума* (разг.) — *спянуть с ума* (просторечн.); *дни сочтены* (книжн.) — *еле дышит* (нейтр.) — *стоит одной ногой в могиле, не жилец на этом свете* (разг.); *время покажет* (нейтр.) — *поживем — увидим* (разг.).

В подавляющем большинстве случаев стилистически окрашенные фразеологические единицы представляют стилистическую оппозицию не фразеологизмам, а отдельным словам, образуя с ними лексико-фразеологиче-

скую стилистическую парадигму, например: *курить фимиам* (книжн.) — *льстить* (нейтр.) — *лизать пятки* (разг.); *плакать* (нейтр.) — *ронять слезы* (книжн.); *мало* (нейтр.) — *кот наплакал* (разг.); *быстро* (нейтр.) — *во весь дух* (разг.) — *со всех ног* (разг.). Возможность синонимизации таких единиц обуславливается смысловой эквивалентностью фразеологизмов словам. Лексико-фразеологическая стилистическая парадигма представляет собой синонимический ряд, в котором стилистически окрашенные фразеологические единицы противопоставлены нейтральному слову.

Таким образом, стилистические парадигмы с фразеологическими единицами представлены двумя типами: во-первых, фразеологическими парадигмами: *сидеть сложа руки* — *бить баклуши* — *лодыря корчить* — *собак гонять* — *лежать на печи* — *плевать в потолок*; *во время оно* — *в незапамятные времена* — *при царе Горохе*, в которых стилистические позиции заняты только фразеологическими единицами (таких парадигм в языке очень мало), и, во-вторых, лексико-фразеологическими парадигмами: *разоблачать* — *срывать маску* — *выводить на чистую воду* — наиболее распространенным типом стилистических парадигм, включающих фразеологические единицы.

Исследователи отмечают, что две третьих фразеологизмов, по данным современных толковых словарей, эквивалентны по своему значению слову, вступают в синонимические отношения со словами и, как правило, противопоставляются им с точки зрения стилистической¹.

В лексико-фразеологических стилистических парадигмах фразеологические единицы почти никогда не являются нейтральными носителями соответствующих понятийных содержаний, а выступают как единицы, характеризующиеся функционально-стилистической и (или) эмоционально-экспрессивной окрашенностью.

Что общего в лексической и лексико-фразеологической стилистической парадигматике?

¹ См.: *Иванникова Е. А.* Синонимические отношения между фразеологическими единицами и словами. — В кн.: *Очерки по синонимике современного русского литературного языка.* М., 1966.

Члены лексико-фразеологической парадигмы, как и лексической, противопоставлены по характеру стилистической (функционально-стилевой и эмоционально-экспрессивной) окраски и соотносятся друг с другом как стилистические синонимы. Стилистически нейтральными членами в таких парадигмах выступают слова, например: *старость* (нейтр.) — *вечер жизни* (книжн., риторич.); *спать* (нейтр.) — *находиться в объятиях Морфея* (книжн., шутл.); *удивляться* (нейтр.) — *делать большие глаза* (разг.) — *рот разинуть* (разг., шутливо-иронич.).

Следует отметить, что собственно стилистические различия между членами лексико-стилистической парадигмы нередко дополняются и осложняются оттеночно-смысловыми различиями. Например, в ряду *курить фимиам* — *петь дифирамбы* — *льстить* — *лизать пятки* у первых двух фразеологизмов обнаруживается дополнительное значение «неумеренно восхвалять, хвалить лицемерно, с корыстной целью», которое отсутствует в значениях остальных членов ряда. Поэтому о чисто стилистических парадигмах можно говорить лишь условно.

Лексико-фразеологическая парадигма может иметь три стилистические позиции: стилистически повышенную, представленную книжными фразеологическими единицами, нейтральную и стилистически сниженную, представленную разговорными или просторечными единицами, т. е. может быть полной. Все три стилистические позиции имеют, например, синонимические ряды: *хранить молчание* (книжн.) — *молчать* (нейтр.) — *точно в рот воды набрать* (разг.); *за тридевять земель* — *далеко* — *у черта на куличках*.

Как показывают исследования, лексико-фразеологические парадигмы, содержащие все стилистические позиции, не частое явление в языке.

Гораздо больше неполных лексико-фразеологических парадигм, в которых представлены лишь две позиции — нейтральная и повышенная: *помочь* — *протянуть руку дружбы*; *извиниться* — *принести извинения*; *уничтожить* — *предать огню и мечу*; *помириться* — *выкурить трубку мира* — или нейтральная и сниженная: *днем* — *среди бела дня*; *пешком* — *на своих двоих*; *храбрый* — *не робкого десятка*; *обидеться* — *надуть губы*.

Особенностью лексико-фразеологической парадигмы, как и лексико-стилистической, является возможность заполнения одной позиции, чаще всего сниженной, не одним, а двумя-тремя и бóльшим количеством фразеологизмов, например: *глупый* (нейтр.) — *без царя в голове* (разг.) — *не все дома* (разг.) — *винтиков не хватает* (разг.) — *подбитый ветром* (разг.) — *олух царя небесного* (просторечн.); *исчез* (нейтр.) — *и был таков* (разг.) — *и след простыл* (разг.) — *поминай как звали* (разг.) — *только и видели* (разг.); нейтральному глаголу *исчезнуть* в значении «давно уже нет чего-либо» противостоит в стилистическом отношении группа книжных фразеологизмов, имеющих торжественно-риторическую окраску: *кануть в Лету*, *кануть в вечность*, *отойти в область предания*, *оставить одно воспоминание*.

Различия в стилистических и семантических оттенках между фразеологическими единицами, заполняющими одну стилистическую позицию, т. е. составляющими «малую парадигму» внутри большой, тоньше, менее заметны. Но эти микропарадигмы составляют богатство языка. Они позволяют с предельной выразительностью и функциональной точностью охарактеризовать то или иное явление. Например, очень богат синонимический ряд фразеологических единиц, стилистически противопоставленных нейтральному слову *умереть*: *отправиться к праотцам* (книжн.) — *сойти в могилу* (книжн.) — *уснуть вечным сном* (книжн.) — *уйти в мир иной* (книжн.) — *уснуть навеки* (книжн.) — *отдать богу душу* (разг.) — *протянуть ноги* (разг.) — *приказать долго жить* (разг.) — *сыграть в ящик* (просторечн.) — *дать дуба* (просторечн.).

Стилистические и тонкие смысловые различия фразеологических синонимов этого ряда великолепно использованы в юмористических целях И. Ильфом и Е. Петровым в романе «Двенадцать стульев»:

— Умерла Клавдия Ивановна, — сообщил приказчик.

— Ну, царство небесное, — согласился Безенчук. — Преставилась, значит, старушка. Старушки они всегда преставляются или богу душу отдают, это смотря, какая старушка. Ваша, например, маленькая и в теле, значит, преставилась. А которая

покупнее да похуже — та, считается, богу душу отдает.

— То есть, как это считается? У кого считается?

— У нас и считается, у мастеров. Вы считаетесь, ежели, не дай бог, помрете, то в ящик сыграли. А который человек торговый, бывший купеческой гильдии, тот, значит, приказал долго жить. А если кто чином поменьше, дворник, например, или кто из крестьян, про того говорят: перекинулся или ноги протянул. Но самые могучие, когда железно-дорожные кондуктора или из начальства кто, то считается, что дуба дают.

Конечно, далеко не все фразеологические единицы русского языка способны создавать избыточные стилистические парадигмы, однако установлено, что чем понятие, выражаемое фразеологизмом, более способно восприниматься эмоционально или экспрессивно (к таким, например, могут быть отнесены понятия «далеко» «близко», «рано», «быстро», «молодой», «старый»), тем больше повода ожидать обилия стилистических синонимов в парадигме¹.

Избыточность лексико-фразеологической парадигмы может создаваться за счет дублетных фразеологизмов: *опытный — стреляный воробей — тертый калач; убежать — задать стрекача — задать лататы; чепуха — вздор — сапоги всмятку — турусы на колесах* и др. Известно, что лексические дублеты не живут долго. С фразеологизмами дело обстоит иначе. Благодаря выразительным возможностям, дублетные фразеологизмы надолго удерживаются в языке.

Членами стилистической парадигмы могут быть не только самостоятельные фразеологизмы-синонимы, но и варианты одного и того же фразеологизма, например: *трудиться — гнуть спину* (разг.) — *гнуть хрип* (просторечн.); *в этом случае — на этот раз* (разг.) — *в этом разе* (просторечн.). Фразеологические варианты позволяют показать стилистические различия между соседними единицами.

Во фразеологизмах разных типов стилистическая парадигматика представлена неодинаково. Наиболее

¹ См.: Бабкин А. М. Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970, с. 100.

широко она представлена во фразеологизмах глагольного и наречного характера; меньше стилистических парадигм среди других типов фразеологических единиц.

В целом фразеологизмы, входящие в стилистические парадигмы, составляют незначительную часть общей массы стилистически окрашенных фразеологических единиц. Однако наличие их в языке является показательным: такие парадигмы подтверждают существующую в стилистической структуре языка противопоставленность стилистически окрашенных средств нейтральным.

Стилистическая окрашенность фразеологических единиц находит свое выражение не только в пределах стилистических парадигм. Имеется множество фразеологизмов, не противопоставленных с точки зрения стилистической каким-либо конкретным фразеологическим единицам или отдельным словам и тем не менее обладающих той или иной окрашенностью, которая является следствием принадлежности этих фразеологизмов к определенным стилистическим пластам фразеологии, — нейтральной, книжной, разговорной, просторечной.

§ 29. Фразеология нейтральная, разговорная, просторечная, книжная

Стилистическая организация фразеологических единиц, как и слов, представляет собой такую систему, в которой стилистически противопоставленными оказываются не только отдельные единицы, но и целые стилистические пласты.

При стилистической дифференциации фразеологических единиц исходят из стилистической окрашенности их, сферы употребления и эмоционально-экспрессивных качеств.

Как и в лексике, во фразеологии с точки зрения стилистической выделяется пласт нейтральных фразеологических единиц и стилистически окрашенные пласты — книжный, разговорный и просторечный, которые противопоставляются нейтральному пласту¹.

¹ О выделении аналогичных функционально-стилистических разрядов фразеологических единиц см.: *Шанский Н. М. Фразеоло-*

Классифицируя таким образом фразеологические единицы, следует учитывать, что наряду с существованием определенных стилистических пластов во фразеологии имеются пограничные, переходные явления между различными пластами фразеологических единиц.

К нейтральным, или межстилевым, фразеологическим единицам относятся общеупотребительные обороты, не имеющие ограничений в употреблении, не связанные с каким-либо определенным стилем.

Нейтральным фразеологическим единицам свойственна нулевая стилистическая окрашенность, на их фоне книжные фразеологические единицы выделяются повышенной окрашенностью, а разговорные — сниженной.

Основную часть нейтральных фразеологических единиц составляют общеупотребительные составные наименования: *тайное голосование, скорая помощь, железная дорога, белый хлеб, Черное море, Красная площадь, Северный полюс* и т. п., а также фразеологические сочетания типа *сдержать слово, не давать в обиду, мертвая тишина, играть роль, уделять внимание, уступить дорогу, брать пример*.

Лексико-стилистической приметой нейтральных фразеологических единиц являются нейтральные слова, употребляемые в составе этих фразеологизмов, ср.: *идти по следам, в ход пойти, быть в центре внимания, день за днем, рано или поздно, во всяком случае*. Нейтральные фразеологические единицы выступают как нейтральные в функционально-стилевом плане, но не обязательно являются таковыми в эмоционально-экспрессивном отношении. Определенной части нейтральных фразеологизмов свойственна образность и эмоционально-экспрессивная окрашенность. Например, экспрессию неодобрения содержат такие нейтральные фразеологические единицы, как *сидеть сложа руки, головокружение от успехов, человек в футляре*; шутливо-ироническую окраску имеют фразеологизмы *китайские церемонии, собственной персоной*.

гия современного русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1969; Чижик-Полейко А. И. Стилистика русского языка. Ч. II. Воронеж, 1964; Федосов И. А. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии. Ростов-на-Дону, 1977.

Для настоящего времени характерно расширение нейтрального пласта фразеологических единиц за счет перехода в него фразеологизмов из книжного и разговорного пластов. В этом можно убедиться, сравнив стилистическую характеристику целого ряда фразеологических единиц, например: *точка зрения, иметься в виду, до глубины души* — в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, где они даются как стилистически маркированные, и в более поздних толковых словарях, в которых стилистические пометы при этих фразеологизмах отсутствуют: во «Фразеологическом словаре русского языка», в «Словаре русского языка», составленном С. И. Ожеговым.

Однако в отличие от нейтральных слов, составляющих примерно три четверти всей лексики русского языка (см. § 22), нейтральных фразеологизмов гораздо меньше, чем стилистически окрашенных.

Выше нейтрального пласта располагается пласт книжных фразеологических единиц. Фразеологические единицы книжного характера употребляются преимущественно в письменной речи — научном, публицистическом и официально-деловом стилях; кроме того, книжная фразеология широко используется в художественной литературе. Книжные фразеологические единицы характеризуются стилистической приподнятостью, повышенной литературностью; многим из них свойственны оттенки торжественности, патетичности, поэтичности, риторичности. Примеры книжных фразеологических единиц: *алтарь отечества, знамение времени, аннибалова клятва, узы Гименея, с открытым забралом, на поле брани, рыцарь печального образа, свобода совести, заключительный аккорд, сложить оружие, очная ставка, совершить переворот, принять резолюцию.*

В научном и официально-деловом стилях экспрессивно окрашенные фразеологизмы используются очень редко, в этих стилях употребляются терминологические словосочетания и устойчивые обороты делового характера.

Стилистическими приметами книжных фразеологических единиц являются прежде всего слова с книжной стилистической окраской, употребляемые в составе этих фразеологизмов, в том числе устаревшие и заимство-

ванные из европейских языков, иноязычность которых ясно ощущается: *бездна премудрости, воздать должное, возлагать ответственность, восходящая звезда, пасть ниц, вверять судьбу, влачить жалкое существование, властитель дум, повернуть колесо истории вспять, альфа и омега, курить фимиам*. К другим признакам книжных фразеологических единиц можно отнести, во-первых, употребление в их составе древних антропонимов и топонимов (этот признак характеризует исключительно книжную фразеологию)¹: *дамоклов меч, суд Соломона, шапка Мономаха, перейти Рубикон, прометеев огонь*; во-вторых, использование устойчивых иноязычных выражений в виде цитат, без перевода, в латинской графике: *pro et contra* (из лат. «за и против»), *persona grata* (из лат. букв. «желанная личность», перен. «лицо, находящееся в особом, привилегированном положении»), *alma mater* (из лат. букв. «мать-кормилица», перен. «университет; вообще высшее учебное заведение»), *finita la comedia* (из итал. «комедия окончена»), *tête à tête* (из франц. «рядом»), *à la guerre comme à la guerre* (из франц. «на войне как на войне») и др. В тексте такие фразеологизмы выглядят как иноязычные вкрапления. Например: «Приходит муж, он прерывает сей неприятный *tête à tête*. . .» (А. Пушкин). «Когда дым рассеялся, Грушницкого на плссадке не было. Только прах легким столбом еще вился на краю обрыва. Все в один голос вскрикнули. — *Finita la comedia!* — сказал я доктору» (М. Лермонтов). «Был вчера на публичной лекции нашего ZZ. Удивляюсь, как это наша *alma mater*. . . решается показывать публике таких балбесов и патентованных тупиц» (А. Чехов).

Основной стилистический пласт фразеологических единиц русского языка составляет разговорная фразеология. От нейтральных фразеологических единиц разговорные фразеологизмы отличаются сферой своего употребления, они свойственны устной, главным образом разговорной, речи, характеризуются некоторой стилистической сниженностью, непринужденностью, например: *медведь на ухо наступил, очертя голову, одного поля ягоды, яблоку негде упасть, как у себя дома, го-*

¹ См.: Федосов И. А. Функционально-стилистическая дифференциация русской фразеологии. Ростов-на-Дону, 1977.

лова пухнет, зарубить на носу, сколько лет, сколько зим, заморить червячка, что называется, наострить лыжи.

Разбирая язык басен И. А. Крылова, А. С. Пушкин писал: «Отличительная черта в наших нравах есть какое-то веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться»¹. Эта особенность русского ума, живописный характер русской речи, пожалуй, наиболее ярко проявляются в разговорной фразеологии.

Характерной особенностью разговорных фразеологических единиц является их яркая эмоционально-экспрессивная окрашенность, оттенки которой чрезвычайно многообразны: шутливые (*заложить за галстук, морковкино заговенье*), иронические (*красная девица, маменькин сынок, заблудиться в трех соснах*), фамильярные (*надрывать животики, поджилки трясутся*), неодобрительные (*перемывать косточки, переливать из пустого в порожнее, работать спустя рукава*), пренебрежительные (*чернильная душа, канцелярская крыса*), с оттенком одобрения (*кровь с молоком, золотые руки, косая сажень в плечах*).

Яркая экспрессивность разговорных фразеологизмов создается как отдельными их компонентами, так и тем образно-метафорическим значением, которое возникает в результате сочетания этих компонентов.

Стилистическими приметами разговорных фразеологических единиц являются разговорные и просторечные слова, употребляемые в составе этих фразеологизмов, например: *шишка на ровном месте, совать нос, дело дрянь, откалывать номера, глядеть в оба, не поминать лихом, хлебнуть горя, молоть вздор*.

К другим признакам разговорных фразеологизмов можно отнести: 1) употребление в их составе слов с конкретным значением, обозначающих, например, предметы быта, животных, растения, птиц: *мерить на сеой аршин, жевать мочалку, откладывать дело в долгий ящик, реветь белугой, белая ворона, гусь лапчатый, гадать на бобах, темный лес, выжатый лимон*; 2) широкое использование соматических слов, которые, как правило, приобретают в составе разговорных фразеологизмов переносное значение: *горячая голова, зубы заговаривать, загребать жар чужими руками, отходчивое*

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. XI. М., 1937—1949, с. 34.

сердце, под боком, во все горло, держать ухо востро, висеть на волоске, отводить глаза; 3) наличие в составе разговорных фразеологизмов профессиональных слов: держать порох сухим, втирать очки, бить отбой.

Разговорные фразеологические единицы тесно связаны с разговорным стилем и являются одним из важных его признаков; разговорная фразеология широко употребляется также в художественной речи и в публицистике.

От разговорной фразеологии следует отличать еще более сниженную в стилистическом отношении просторечную фразеологию. Просторечным фразеологизмам свойственны фамильярный тон, бесцеремонность, резкость. Фразеологизмы, входящие в просторечие, частью находятся на периферии литературного языка: *мировой парень; свой в доску; ноль без палочки; провалиться на этом месте; наломать дров; показать, где раки зимуют; лезть в бутылку; крутить носом*¹ (эти фразеологизмы можно назвать литературно-просторечными), а частью представляют собой нелитературные образования: *показать кузькину мать, затыкать глотку, послать подальше, рылом не вышел, разуй глаза.*

Просторечные фразеологизмы отличаются специфической эмоционально-экспрессивной окраской: грубо-фамильярной, презрительной, резко-иронической, грубой — и выражают по большей части отрицательное отношение к обозначаемому, например: *дать деру, чесать языком, кишка тонка, согнуть в бараний рог, ни кожи ни рожи, дать дуба.*

Литературно-просторечные фразеологизмы допустимы в непринужденной, разговорно-обиходной речи, они не нарушают норм литературного употребления.

За пределами литературного языка находятся нелитературные фразеологизмы и бранная фразеология, которые несут в себе экспрессию резкой грубости (*чертова кукла*). Своей грубостью и вульгарностью эти фразеологизмы засоряют речь, поэтому с их употреблением следует бороться.

В языке художественной литературы просторечные фразеологизмы чаще всего используются для речевой

¹ См.: Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка, М., 1974, с. 223.

характеристики персонажей, например в произведениях Лескова, Левитова, Мамина-Сибиряка, Шолохова; в авторской речи разговорные фразеологизмы выступают как средство стилизации под сниженную, простую речь или используются в целях выражения отношения автора к изображаемому.

Таким образом, стилистическая характеристика фразеологических единиц, с одной стороны, включает черты сходства с лексикой, а с другой — отличается от нее.

Во фразеологии выделяются те же стилистические пласты, что и в лексике. Наблюдается определенная связь между семантическим типом фразеологических единиц и их отнесенностью к той или иной стилистической категории. Так, фразеологические сращения и многие единства имеют разговорно-просторечную окраску. Среди фразеологических сочетаний имеются нейтральные обороты, а также книжные, употребляющиеся в официально-деловом и публицистическом стилях. Пословично-поговорочный материал относится к разговорной фразеологии. Так называемые «крылатые выражения» — изречения из художественной и публицистической литературы — имеют книжную стилистическую окраску.

Фразеологических единиц, употребляемых во всех стилях и не обладающих эмоционально-экспрессивной окрашенностью, сравнительно немного. В отличие от слов основная масса фразеологизмов стилистически и экспрессивно окрашена. Во фразеологических единицах более ярко, чем в лексике, выражена экспрессивность. Стилистическая окраска фразеологизмов проявляется главным образом не на фоне одноуровневой парадигмы, как это имеет место в лексике, а в сопоставлении их с нейтральными лексическими единицами.

4. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

§ 30. Словообразовательная синонимия

Стилистическая окраска словообразовательных средств наиболее ярко проявляется в однокоренных синонимах, стилистически противопоставленных друг

другу. Благодаря суффиксам, а также префиксам эти слова соотносятся либо как нейтральные с книжными и разговорными, либо как книжные слова с разговорными.

Рассмотрим примеры. Существительные со значением помещения, места труда с суффиксом *-ня* или *-ов*: *парильня, сушильня, гладильня, кипяtilьня, красильня; столовая, кладовая* — противопоставлены однокоренным существительным с суффиксами *-к(а), -лк(а)*: *парилка, сушилка, гладилка, кипяtilка, красилка, столовка, кладовка* — как нейтральные слова разговорным. Отглагольные существительные с отвлеченным значением, образованные посредством суффикса *-ниj(e)*: *чтение, расфасовывание, обезличение, прибавление, опасение*, употребляются параллельно, без различий в семантике, с существительными *читка, расфасовка, обезличка, прибавка, опаска*. Первые ближе к книжным, слова же с суффиксом *-к(а)* являются разговорными. Довольно распространенным является противопоставление отвлеченных существительных книжного характера с суффиксом *-ниj(e)* словам нейтральным с нулевым суффиксом: *отсвечивание — отсвет, отсеивание — отсев, обозрение — обзор*. Некоторым отвлеченным существительным на *-ость*, например *пошлость, серость*, стилистически не окрашенным, противопоставляются разговорные синонимы с суффиксом *-ятин(а)*: *пошлятина, серятина*. В синонимичных парах *жилет — жилетка, сельдь — селедка, книга — книжка, картофель — картошка, редис — редиска, щебень — щебенка, табурет — табуретка, тетрадь — тетрадка* вторые слова каждой пары имеют разговорную окраску, которая создается в них посредством суффикса *-к(а)*.

В синонимичных парах *бессмысленность — бессмыслица, нелепость — нелепица* первые слова выступают как книжно-литературные, слова с суффиксом *-иц(а)* являются их разговорными синонимами.

В группе существительных, называющих животных, также наблюдаются случаи функционально-стилистического противопоставления, создаваемого посредством суффиксов. Например, существительное *волчиха*, имеющее разговорную окраску, противопоставляется нейтральному *волчица*; книжно-поэтическое слово *кобылица* с суффиксом *-иц(а)* противопоставляется ней-

тральному *кобыла* без этого суффикса (ср. у А. Пушкина: «Кобылица молодая, честь кавказского тавра»; здесь нельзя было бы употребить «кобыла молодая»).

В группе существительных — имен собственных наблюдается противопоставление разговорных слов с суффиксом *-к(а)* книжно-официальным без этого суффикса, например среди географических наименований: *Рябовка — Рябово, Шадровка — Шадрово, Шипиловка — Шипилово, Ухтомка — Ухтомская*¹, среди имен: *Наташка — Наталья, Алешка — Алексей, Петька — Петр*. Имена лиц на *-к(а)* имеют окраску фамильярности или пренебрежительности; чаще всего они употребляются в интимной, непринужденной обстановке, в обращении к детям, молодым людям. В официально-деловой речи приняты полные имена: *Наталья, Алексей, Петр*.

Эмоционально-экспрессивная окрашенность суффиксов имен существительных ярко проявляется в противопоставлениях однокоренных существительных с суффиксами субъективной оценки и без них: *друг — дружок — дружочек — дружище, брат — браток — братец, душа — душонка, чай — чаек, скука — скучища, купец — купчик — купчина, хозяйка — хозяйюшка, сестра — сестрица — сестричка, город — городок — городишко*.

Стилистически окрашенными могут быть словообразовательные средства, используемые и в других частях речи.

Например, в синонимичных парах имен прилагательных, имеющих разные суффиксы: *обвисший — обвислый, обрюзгший — обрюзглый, одичавший — одичалый*, наблюдается определенное стилистическое различие: первый член каждой пары является нейтральным словом, второй же характеризуется некоторой сниженностью.

В синонимичных парах глаголов *скопидомствовать — скопидомничать, подхалимствовать — подхалимничать, крохоборствовать — крохоборничать, мародерствовать — мародерничать* слова на *-ствова(ть)* про-

¹ Географические наименования с суффиксом *-к-* стилистически нейтральны, если они являются единственными официальными названиями и не имеют параллелей без этого суффикса.

тивопоставляются словам на *-нича(ть)* как книжные разговорным.

В глагольных парах с суффиксами *-ива(-ыва)*, *-а*: *заготавливать — заготовлять*, *засеивать — засеивать*, *накапливать — накапливать*, *осмысливать — осмыслять*, *отмеривать — отмерять*, *закаливать — закалять* — слова с суффиксом *-ива(-ыва)* книжные; нейтральными являются варианты с *-а*.

Обратное стилистическое соотношение наблюдается в парах *одарять — одаривать*, *отряхать — отряхивать*, *скоплять — скапливать*. Например, в стихотворении А. Пушкина «Октябрь уж наступил, уж роща отряхает последние листы с нагих своих ветвей» нельзя было бы сказать «роща отряхивает»: это снизило бы высокий, торжественный тон стихотворения.

В глаголах стилистические противопоставления могут создаваться и за счет префиксов: *запретить — воспретить*, *потребовать — востребовать*, *полюбить — возлюбить*, *испить — выпить*, *взреветь — зареветь*, *ескричать — закричать*. Префиксы придают словам определенные функционально-стилистические и экспрессивные оттенки. Слова с префиксами *вос-*, *ис-*, *вс-* характеризуются как книжные и имеют оттенок торжественности, приподнятости. Например, в стихотворении А. Пушкина «Пророк» глагольные приставки *воз-(вос-)* вместе с другими средствами создают высокий, торжественно-риторический тон:

Как труп в пустыне я лежал,
И бога глас ко мне воззвал:
«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,
Исполнись волею моей...»

В наречные слова аффиксы привносят разговорную или разговорно-просторечную окраску: *молча — молчком* (разг.), *понемногу — понемножку* (разг.), *рядом — рядом* (разг.), *даром — задаром* (разг.-просторечн.), *быстро — по-быстрому* (разг.-просторечн.). Рассмотренные примеры показывают, что в словообразовании, как и в лексике, имеет место стилистическая парадигматика, представленная рядами однокоренных стилистических синонимов, различающихся словообразовательными аффиксами. Отличительной чертой словообразовательной стилистической парадигмы является ее

неполнота. Обычно такая парадигма бывает представлена двучленным рядом, в котором не хватает слова или с книжной, или с разговорной окраской: *читальня* — *читалка* (разг.), *караульня* — *караулка* (разг.), *держатель* — *держалка* (разг.), *ядерник* — *ядерщик* (разг.), *несуразность* — *несуразица* (разг.), *животное* — *животина* (разг.), *боком* — *бочком* (разг.), *брызнуть* — *брызгануть* (разг.), *языкастый* — *языкатый* (разг.), *середина* — *середка* (разг.), *портняжничать* — *портняжить* (просторечн.), *озорничать* — *озоровать* (просторечн.), *выпить* — *испить* (книжн.), *загордиться* — *возгордиться* (книжн.).

Полные парадигмы в словообразовательном синонимическом ряду встречаются чрезвычайно редко; ср., например: *старик* (нейтр.) — *старец* (книжн.) — *старикан* (разг.).

В словообразовательных парадигмах одна из стилистических позиций может быть представлена не одним членом, а несколькими. Такое явление, например, можно наблюдать в ряду *ребята* — *ребятки* — *ребятишки* — *ребятня*, где нейтральная позиция представлена одним словом, а стилистически сниженная (разговорная) — тремя членами ряда. Ср. также: *рядом* (нейтр.) — *рядком* (разг.) — *рядышком* (разг., ласкат.); *пьяница* (нейтр.) — *пьянчуга* (просторечн., презр.) — *пьянчужка* (просторечн., уничижит.); *старик* — *старикан* (шутл.-фам.) — *старикашка* (уничижит.) — *старичина* (фам.). Слова с одинаковой функционально-стилистической окраской внутри словообразовательной парадигмы, как показывают приведенные примеры, имеют тонкие эмоционально-экспрессивные различия. По отношению к ним применимо понятие «малая парадигма» (микропарадигма). Словообразовательные микропарадигмы широко представлены в лексико-стилистических парадигмах. Они помогают точнее выразить стилистические оттенки слов.

§ 31. Стилистическая характеристика словообразовательных аффиксов

Многие словообразовательные аффиксы служат не только для образования новых слов, но и одновременно определяют сферу употребления производных слов, яв-

ляются средством передачи различных стилистических оттенков.

Книжную стилистическую окраску придают словам суффиксы: *-ость* (очевидность, картинность, плавность) и производные от него *-ность* (будущность, сущность), *-емость* (заболеваемость, сопротивляемость); *-ств(о)* (гражданство, предательство) и его производные *-енств(о)* (первенство, товарищество), *-шеств(о)* (новшество, пиршество), *-овств(о)* (толстовство), *-янств(о)* (гегельянство), *-честв(о)* (упрощенчество, иждивенчество); *-иад(а)* (альпиниада, академиада, универсиада); *-иан(а)* (Лениниана, Герцениана, Шопениана); *-льн(ый)* (кипятильный, красильный); *-тельн(ый)* (измерительный, окислительный); *-чат(ый)* (кольчатый, суставчатый); *-ова(ть)*, *-изова(ть)*, *-ирова(ть)*, *-изирова(ть)* (адресовать, инспектировать, кристаллизовать, витаминизировать) и некоторые другие.

Разговорную окраску вносят в слова суффиксы *-к(а)* (зарубежка, неотложка, публичка), *-ик* (кожник, глазник). В суффиксах разговорная окраска нередко сочетается с эмоционально-экспрессивной. Например, разговорные слова с суффиксом *-атин(а)* характеризуются экспрессией неодобрения, отрицательной оценки (кислятина, постыятина, серятина); разговорно-фамильярную окраску имеют слова с суффиксом *-ён(а)* (сластёна, гулёна); оттенок неодобрения присущ словам с разговорными суффиксами *-ун* (крикун, болтун, плюсун), *-уш(а)* (крикуша, плакуша), *-аст(ый)* (губастый, зубастый, горластый), *-л(а)* (громила, воротила); оттенок фамильярно-ласкательный вносит в слова суффикс *-яш* (кругляш, кудряш, племяш).

Многие суффиксы придают словам еще более сниженную, просторечную окраску и экспрессию грубости, пренебрежения, уничижения, неодобрения: *-ловк(а)* (обдираловка, принуловиловка), *-ан* (горлан, брюхан), *-к(я)* (солдатня, матросня).

Особенно богаты стилистическими возможностями суффиксы стилистической модификации¹ и субъективной оценки. Суффиксы стилистической модификации, как подчеркивает само название, служат только для

¹ См.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970, с. 138.

изменения функционально-стилистической и эмоционально-экспрессивной окраски слов, т. е. имеют собственно стилистическое назначение¹. К ним относятся: *-ин(а), -к(а), -аг(а), -уг(а), -ух(а), -ах(а), -ох(а), -ук(а), -от(а), -об(а)* и некоторые другие.

Образования с этими суффиксами приобретают разговорную или просторечную окраску: *обувка — обувь, речуха — речь, очередюга — очередь, штормяга — шторм, купчина — купец, книженция — книга, стыдоба — стыд, грязюка — грязь, смехота — смех* и др. — и могут дополняться оттенками фамиллярности: *старичина, компашка, сердюга, шоферюга*; шутливо-ироническим: *старушенция, Сашенция, штуковина*; грубо-уничижительным: *пьянчуга, мужлан, бабёха* и др.

Суффиксы субъективной оценки — наиболее яркое средство речевой экспрессии и передачи эмоций. Группа этих суффиксов довольно многочисленна. К ним относятся: *-ищ(а, е)* (*бородища, городище*), *-ин(а)* (*домина*), *-ишк(а, о)* (*городишко*), *-онк(а)* (*старушонка*), *-ашк(а)* (*старикашка*), *-очк(а)* (*веточка*), *-ечк(а, о)* (*колечко*), *-ик* (*зубик*), *-чик* (*стульчик*), *-ок* (*лесок*), *-ушк(а)* (*комнатушка*), *-еньк(а)* (*рученька*), *-иц(а)* (*землица*), *-ичк(а)* (*пшеничка*), *-иц(е)* (*зеркальце*), *-еиц(о)* (*письмецо*), *-ышк(о)* (*крылышко*), *-ющ(ий)* (*злющий*), *-охоньк(ий)* (*мокрехонький*), *-енн(ый)* (*здоровенный*), *-еньк(о)*, *-оньк(о)* (*частенько, легонько*).

Суффиксы субъективной оценки принадлежат преимущественно разговорной речи. Некоторые из них используются также в народно-поэтической речи: *-ушк(а), -юшк(а)* (*дубравушка, полюшко, лебёдушка*), *-иц(а)* (*землица, водица*), *-оньк(а), -еньк(а)* (*берёзонька, реченька*), *-ёшенько* (*ранёшенько*) и др.

Посредством суффиксов субъективной оценки выражаются разнообразные оттенки: уменьшительно-ласкательный: *барашек, воробышек, избушечка, пальчик, головка, личико, голосочек*; ласкательный: *зимушка, солнышко, добренький, мамочка, свадебка, Иванушка*; уничижительный: *капиталец, страстишка, идеяка*; презрительный: *душонка, грязища; пренебре-*

¹ См.: Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М., 1968, с. 41.

жительный: *умишко*, *хозяйчик*; фамильярный: *делишки*.

Особенностью субъективно-оценочных суффиксов является функциональная широта, зависимость их стилистических оттенков от конкретного использования суффиксов в речи. Один и тот же суффикс в сочетании с разными основами может дать неодинаковый стилистический эффект (ср. *шалунишка* (ласкат.), но *инженеришка* (уничижит.)

Одно и то же оценочное слово в зависимости от контекста и от интонации может выражать различные, даже противоположные, чувства и представления. Например, в предложении *Вот это и есть наш садик!* существительное с суффиксом *-ик* может иметь и оттенок ласкательности (если речь идет о маленьком, красивом саде), и шутливо-иронический (если это не маленький, а большой сад), и неодобрительный оттенок (если сад некрасивый, запущенный: «Ну и садик!»).

Экспрессия суффиксов субъективной оценки широко используется писателями в художественных произведениях. Например, в рассказе А. Чехова «Счастливчик» речь восторженного жениха о своей невесте изображается так: *...Этакая блондиночка с носиком, ... с пальчиками... Душечка моя! Ангел ты мой! Пупырычок ты этакый! Филоксера души моей! А ножка! Господи! Ножка ведь не то, что вот наши ножищи, а что-то этакое миниатюрное, волшебное... аллегорическое!*

Выразительность суффиксов субъективной оценки особенно подчеркивается при контрастном использовании слов с уменьшительным и увеличительным суффиксами (ср. в приведенном примере *ножка* — *ножищи*) или при противопоставлении существительных с уменьшительным суффиксом и без него. Этот прием используется как в художественной, так и в публицистической речи. Вот пример такого употребления в работе В. И. Ленина: «Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже»¹.

¹ Ленин В. И. Статистика и социология. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 350.

Функционально-стилистическая и эмоционально-экспрессивная окраска может создаваться в результате префиксации. Книжную и одновременно высокую окраску придают словам префиксы *воз-(вос-)* (*вознегодовать, возлежать, восходить, воссиять*), *из-(ис-)* (*изгнать, испить*), *низ-(нис-)* (*низводить, ниспровергнуть*). Префиксы *наи-* (*наилучший*), *со-* (*соисполнитель, соучаствовать*), *интер-* (*интервокальный*), *ультра-* (*ультрамоdernизм, ультраправый*), *вице-* (*вице-консул, вице-президент*), *экстра-, псевдо-, супер-, экс-, квази-* книжного характера.

Разговорную окраску и оттенок непринужденности имеют существительные и прилагательные с префиксами *раз-(рас-)*, обозначающие высшую степень проявления признака или качества (*раскрасавец, развеселый*).

Разговорную окраску придают глаголам, например, префиксы *про-* в словах со значением «упустить, пропустить что-нибудь» (*пробегать, прогулять, проглядеть*), *на-* в словах со значением «накопиться в определенном количестве» (*нарасказать, надавать, насочинить, принимать*).

§ 32. Стилистическая окрашенность словообразовательных типов

Стилистическая характеристика словообразования не ограничивается описанием только стилистически окрашенных аффиксов. Она включает также и рассмотрение стилистических возможностей словообразовательных типов.

Установлено, что целые словообразовательные типы имеют стилистическую окраску. Одним из способов стилистической характеристики словообразовательных типов может быть описание функционально-стилистической дифференциации словообразовательных типов, объединенных общим словообразовательным значением¹. Словообразовательные типы, имеющие одно и то же значение, неоднородны в стилистическом отношении. Например, словообразовательные типы имен существи-

¹ См.: Виноградова В. П. Стилистические средства словообразования. — В кн.: Стилистические исследования. М., 1972.

тельных, мотивированные прилагательными, с общим значением отвлеченного признака стилистически дифференцируются следующим образом. Существительные с суффиксом *-ость* употребительны в книжной речи: *рельефность, масштабность, непоколебимость*. Преимущественно книжный характер носят также существительные с суффиксом *-и́(е)*: *великолепие, усердие, подобие, приличие*. Существительные с суффиксом *-изм*, являющиеся названиями общественно-политических, научных или эстетических направлений, также свойственны книжной, в частности научной, речи: *абсолютизм, позитивизм, магнетизм, кубизм*. Существительные с суффиксом *-ин(а)*, обозначающие небольшую степень признака, названного мотивирующим прилагательным, характерны для разговорной речи: *пестрина, сутулина, косопатина, конопатина, рыжина*. В разговорной речи используются также существительные с суффиксом *-ынь*: *теплынь, жарынь, светлынь*.

Среди словообразовательных типов, мотивированных существительными, с общим значением собирательности также наблюдаются стилистические различия. Существительные с суффиксом *-и́(о)*, например *бабьё, юнкерьё, офицерьё, мужичьё, вороньё, хламьё*, используются в разговорной речи и имеют уничижительную окраску. Существительные с суффиксом *-н(я)* характерны для разговорной речи и просторечия и также имеют уничижительную окраску: *шоферня, матросня, солдатня*. Существительные с суффиксом *-ик(а)* свойственны книжной речи: *символика, гиперболика, ритмика, синонимика, диагностика* и др. Стилистические различия наблюдаются и среди других групп словообразовательных типов имен существительных, объединенных общим значением¹.

Стилистическая дифференциация словообразовательных типов, имеющих общее значение, позволяет посредством определенных суффиксов выразить это значение как в книжной, так и в разговорной речи.

Способ стилистической характеристики синонимических словообразовательных типов не позволяет, одна-

¹ См.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970 (раздел «Словообразование»); Русская грамматика, т. I. М., 1980 (раздел «Словообразование»).

ко, рассмотреть со стилистической точки зрения все словообразовательные типы, так как далеко не всегда они образуют группы, характеризующиеся общим значением.

Другим способом стилистической характеристики словообразовательных типов является описание словообразовательных типов, имеющих одинаковую функционально-стилистическую или эмоционально-экспрессивную окраску.

Задача функционально-стилистической характеристики словообразовательного типа является довольно сложной, так как имеется немало словообразовательных типов, которые обнаруживают продуктивность одновременно в разных сферах употребления. Например, существительные с суффиксом *-щик*, обозначающие лицо, характеризующееся отношением к предмету, явлению, названному мотивирующим словом, продуктивны в профессиональной терминологии и в разговорной речи (*литейщик, бетонщик, крановщик, зеленик, старьевщик*). Среди существительных с суффиксом *-щина(а)*, называющих бытовое или общественное явление, идейное или политическое течение, одни употребляются в научной или публицистической речи (*военщина, эсеровщина, обломовщина, карамазовщина*), другие характерны для разговорной речи (*безалаберщина, тарабарщина*). Прилагательные с префиксом *пред-* со значением «непосредственно предшествующий тому, что названо мотивирующим прилагательным», проявляют продуктивность в трех сферах: научной, газетно-публицистической и разговорной (*предударный, предполярный, предзональный, предолимпийский, предвыходной*).

Один и тот же тип может быть отнесен к разным сферам в зависимости от частных словообразовательных значений. Например, существительные женского рода с суффиксом *-лка(а)*, мотивированные глаголами, со значением «машина, механизм, приспособление» продуктивны в сфере технической терминологии (*молотилка, сеялка, брызгалка*), а со значением «помещение, предназначенное для выполнения действия» — в разговорной речи (*ожидалка, раздевалка, парилка*).

Характеризуя тот или иной тип с функционально-стилистической стороны, можно говорить только о пре-

имущественном использовании его в той или иной сфере, о тяготении его к тому или иному стилю¹.

К словообразовательным типам с книжной окраской, продуктивным главным образом в научной и профессионально-технической речи, а также в деловой речи, можно отнести:

существительные, обозначающие лицо, производящее действие, образованные от глаголов посредством суффиксов *-ник* (*провозвестник, заточник*), *-тель* (*испытатель, хранитель*), *-щик, -чик* (*обходчик, прицепщик, смазчик, наводчик*), *-льщик* (*обжигальщик, рисовальщик*), *-атор* (*реставратор, экспериментатор*), *-ор* (*корректор, редактор*), *-ент* (*абонент, оппонент, рецензент*), *-ат* (*адресат, делегат*), а также существительные, образованные от глаголов посредством этих же суффиксов и обозначающие предмет, предназначенный для осуществления действия (*окучник, отстойник, глушитель, распылитель, буксировщик, аккумулятор, конвертор, детектор*); существительные, мотивированные прилагательными, обозначающие лицо, с суффиксами *-щик* (*револьверщик, крановщик*), *-ист* (*баталист, инструменталист, термист*); существительные со значением отвлеченного действия, образованные от глаголов посредством суффикса *-ниj(e)* (*боронование, проектирование, мышление, истребление, накопление*); большинство отглагольных существительных с суффиксом *-ищ(e)*, обозначающих место (*пристанище, обиталище, жилище, святилище, хранилище*) или действие по глаголу (*игрище, побоище, судилище*); существительные со значением отвлеченного признака, образованные от прилагательных посредством суффиксов *-иj(e)* (*великолепие, прискорбие, великодушие*), *-изм* (*автоматизм, аскетизм, примитивизм*); существительные с суффиксом *-ик(a)*, обозначающие научные направления, сферы занятий (*лингвистика, славистика, журналистика, фольклористика, электроника*), а также имеющие значение «совокупность явлений, названных мотивирующим словом» (*символика, автоматика, ритмика, идиоматика, диагностика*). Целый ряд суффиксов существи-

¹ См.: Виноградова В. Н. Стилистические средства словообразования. — В кн.: Стилистические исследования. М., 1972, с. 179; Барлас Л. Г. Русский язык. Стилистика. М., 1978, с. 208—210.

тельных обнаруживает продуктивность в частных терминологических системах. Например, суффикс *-иј* известен в области химии, где он используется для названия химических элементов (*менделеевий, курчатовий, кюриј, эйнштейний*); суффикс *-ит* — в области минералогии (*гагаринит, ереванит, карагандит*) и медицины (*бронхит, гастрит, плеврит*); *-отрон* — в области физики (*плазмотрон, фазотрон, космотрон*); *-ин* — в области фармакологии (*аспирин, сульфидин, туберкулин*); *-иад(а)* — в спорте (*олимпиада, универсиада*);

существительные с префиксом *над-*, обозначающие предмет или явление такое же, как и названное мотивирующим существительным, но находящееся над ним (*надкожица, надсистема*); существительные с префиксом *прото-*, обозначающие первоначальность, первичность (*прототип, протоистория*); существительные с иноязычными префиксами *ре-* (*регенерация, реорганизация*), *суб-* (*субаренда, субмикрон*), *контр-* (*контратака, контрудар, контрмина*); существительные с префиксом *анти-* и суффиксом *-тель* (*антиокислитель, противовоспаленитель*);

прилагательные с суффиксом *-чат(ый)* со значением «относящийся к предмету, названному мотивирующим словом» (*коленчатый, губчатый, зубчатый*); прилагательные с суффиксом *-льн(ый)* со значением «предназначенный для выполнения действия, названного мотивирующим словом» (*шлифовальный, вязальный, сушильный*); прилагательные с суффиксом *-ист(ый)*, образованные от суффиксальных отыменных прилагательных и имеющие значение «содержащий то или сходный с тем, что названо в основе мотивирующего прилагательного» (*сернистый, песчанистый, торфянистый, маслянистый*); прилагательные с префиксами *противо-* (*противоестественный, противоокислительный, противохимический*), *сверх-* (*сверхзвуковой, сверхморозостойкий*), *а-* (*алогичный, аритмичный, асимметричный*), *анти-* (*антитоксический, антиимпериалистический*);

глаголы с суффиксом *-ова(ть)* и особенно с его производными *-изова(ть), -ирова(ть), -изирова(ть)*, мотивированные существительными (*штамповать, пилотировать, тонизировать, стилизовать*) и прилагательными (*театрализовать, яроизировать, латинизировать, объ-*

ективировать); глаголы с префиксами *де-* (демобилизировать, дегазировать, демаскировать) и *дис-* (дисгармонизировать, дисквалифицировать), имеющие значение «совершать действие, противоположное действию по глаголу»; глаголы с префиксом *ре-*, обозначающие повторно совершаемое действие (*репродуцировать, реорганизовать*); глаголы с префиксом *воз-(вос-)* (*возвести, воссоединить, возликовать, воссиять*); с префиксом *из-(ис-)*, имеющие значение «удаляться из чего-нибудь с помощью действия, названного мотивирующим глаголом» (*излить, истечь*); с префиксом *низ-(нис-)* (*низвести, ниспослать, низринуться, ниспадать*); *пред-* (*предопределить, предостеречь, предошутить, предначертать*); *со-* (*сосуществовать, сопереживать*).

К словообразовательным типам, имеющим разговорную окраску, употребляющимся преимущественно в разговорной речи, можно отнести:

существительные, обозначающие лицо, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом, с суффиксами *-ок* (*ездок, ходок*), *-ак* (*вожак, чудаки*), *-лк(а)* (*зубрилка*), *-к(а)* (*лакомка, недоучка, выскочка*), *-аг(а)* (*-яг(а)*), *-ак(а)* (*-як(а)*) (*бродяга, работага, гуляка, зевака*), *-ул(я)* (*замазуля, капризуля*), а также слова с предметным значением, образованные с некоторыми из этих суффиксов: *-лк(а)* (*курилка, точилка*), *-к(а)* (*заколка, стелька*); существительные, обозначающие лицо, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом, с суффиксами *-ик* (*умник, внештатник*), *-ак(-як)* (*добряк, смельчак*), *-ач* (*богач, ловчак*), а также обозначающие предмет, с суффиксами *-ак(-як)* (*сыпняк, товарняк*), *-к(а)* (*антоновка, манка*); существительные женского рода с суффиксами *-ух(а)* (*толстуха, грязнуха*), *-ышк(а)* (*коротышка, малышка*); существительные, обозначающие лицо, характеризующееся отношением к предмету или явлению, названному мотивирующим словом, с суффиксами *-ник* (*профсоюзник, десантник*), *-щик*, *-чик* (*газетчик, типографщик*), *-ач* (*силач, циркач*); некоторые словообразовательные типы существительных с модификационными значениями, например лица женского пола, с суффиксами *-их(а)* (*сторожиха, купчиха*), *-ш(а)* (*библиотекариша, секретарша, генеральша*), *-ичк(а)* (*географичка, химичка, филологичка*), со значением невзрос-

лости с суффиксом *-ёныш* (*змеёныш, детёныш*) и др.;

прилагательные, обозначающие характерный признак с суффиксами *-аст* (*лобастый, зубастый*), *-ат* (*носатый, языкатый*); прилагательные, обозначающие характерное действие, названное мотивирующим словом, с суффиксами *-ист* (*задиристый, прижимистый*), *-уч* (*живучий, линючий*); прилагательные, имеющие усилительное значение, с префиксами *пере-* (*перехоженный*), *раз-* (*рас-*) (*разнесчастный, раскудрявый*) и др.;

глаголы, мотивированные именами, образованные посредством суффиксов *-и(ть)* (*рыбачить, мастерить*), *-нича(ть)* (*попугайничать, паясничать, модничать*); глаголы, мотивированные глаголами, с префиксами *вз-* (*взмокнуть, взвыть*), *вы-* (*высидеть, вылежать*), с префиксом *за-* в разных значениях: «попутно совершить действие» (*забежать, занести*), «довести до нежелательного состояния» (*закормить, заласкать*); различные типы префиксально постфиксальных глаголов, мотивированных глаголами (*выплакаться, додуматься, заработать, истосковаться, обжеститься, отдышаться, проговориться, раскричаться*); наречия, мотивированные прилагательными, с префиксом *по-* и суффиксом *-ому* (*по-тихому, по-честному, по-быстрому*) и др.

К разговорно-просторечным словообразовательным типам, характеризующимся большей, чем разговорные словообразовательные типы, стилистической сниженностью, можно, например, отнести: существительные с суффиксом *-ловк(а)*, обозначающие место, характеризующееся действием, названным мотивирующим словом (*забегаловка*); существительные с суффиксом *-ач*, обозначающие лицо, производящее действие, названное мотивирующим словом (*рвач*); глаголы с суффиксом *-ану(ть)*, мотивированные глаголами совершенного вида (*тряхануть, пугануть*); наречия, мотивированные прилагательными, с префиксом *на-* и суффиксом *-ую* (*начистую, напрямую*), с префиксом *сыз-* и суффиксом *-а* (*сызмала, сызнова*).

Многие словообразовательные типы оказываются общими для разговорных и просторечных слов, и стилистическое разграничение в таких случаях проходит не между словообразовательными типами, а внутри них, где слова одного и того же словообразовательного типа

в зависимости от степени сниженности распределяются на разговорные и разговорно-просторечные. Например, собирательное существительное с суффиксом *-н(я)* (*ребятня*), мотивированное существительным *ребята*, имеет разговорную окраску, а относящиеся к этому же словообразовательному типу слова *шоферня*, *солдатня* являются более сниженными, просторечными. Таких примеров много¹ Обычно слова, мотивированные другими словами, уже имеющими просторечную стилистическую окраску, сохраняют эту окраску (ср.: *космы* — *космач*, *лохмы* — *лохмач*, *мужик* — *мужицьё* и др.).

Среди словообразовательных типов имеются такие, которые не обнаруживают тяготения к определенным функциональным стилям и одинаково продуктивны во всех сферах. О таких словообразовательных типах можно говорить как о стилистически нейтральных. К ним относятся:

существительные с суффиксом *-анин (-янин)* (*рижанин*, *киевлянин*, *северянин*, *волжанин*); существительные с суффиксом *-нищ(а)*, обозначающие вместилище для того, что названо мотивирующим словом (*песочница*, *салатница*, *сахарница*, *чернильница*); существительные с суффиксом *-ищ(а)*, обозначающие самок животных (*волчица*, *тигрица*, *львица*, *медведица*); существительные с суффиксом *-онок (-ёнок)*, называющие детенышей животных (*мышонок*, *волчонок*, *слонёнок*, *гусёнок*);

прилагательные с общим значением «относящийся к тому или свойственный тому, что названо мотивирующим словом» с суффиксами *-ов(-ев)* (*полевой*, *тигровый*, *гречневый*), *-ск(ий)* (*товарищеский*, *преподавательский*, *французский*, *ленинградский*, *декабрьский*, *отцовский*), когда этот суффикс присоединяется к стилистически нейтральным основам; прилагательные с суффиксом *-н(ой)* с общим значением «относящийся к действию, названному мотивирующим словом» (*заводной*, *складной*, *проездной*, *резной*);

глаголы с префиксом *вы-* со значением «удалить(ся), выделить(ся) из чего-нибудь посредством действия, названного мотивирующим глаголом» (*вывезти*, *выгру-*

¹ См.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970 (раздел «Словообразование»).

зить, выйти, вынести); глаголы, обозначающие неполноту действия, с приставкой *недо-* (*недовыполнить, недоплатить, недодать, недосолить*);

наречия с суффиксом *-о (-е)*, присоединяемым к стилистически нейтральным основам прилагательных (*быстро, смело, привычно, певуче, искренне*).

Все производные слова с нейтральной окраской в современных толковых словарях подаются без стилистических помет.

С функционально-стилистической окраской тесно связана эмоционально-экспрессивная. Слова, относящиеся к книжно-возвышенным словообразовательным типам, нередко имеют торжественную окраску, например: *великолепие, святилище, возликовать*. Словообразовательные типы, продуктивные в разговорной речи или просторечии, очень часто характеризуются экспрессией пренебрежения, неодобрения, иронии, шутки, фамильярности и т. п.

§ 33. Стилистические возможности отдельных способов словообразования

Для функционально-стилистической характеристики словообразовательных средств представляет интерес вопрос о том, какие способы словообразования активизируются в книжных и разговорных стилях, иными словами, как разные словообразовательные способы участвуют в создании книжной и разговорной стилистической окраски.

Одним из активных способов создания книжной стилистической окраски является словообразование, особенно от именных основ, при помощи суффиксов и префиксов, среди которых достаточно активны заимствованные аффиксы *а-, анти-, ультра-, контр-, супер-, гипер-, дис-, изо-, ист-, изм-, -ат, -ит, -ациj(a), -изациj(a)* и др., например: *антигены, контрудар, автоматизм, филтрат* и др.

Книжному словообразованию свойственно использование довольно широкого круга заимствованных (большей частью интернациональных) корневых морфем, которые соединяются как с иноязычными, так и собственно русскими словообразовательными аффиксальными морфемами: *проблематика, модуляция,*

блокировать, межконтинентальный, интернационализм, рационализаторский, межведомственный, декларативный.

Для словообразовательной системы книжных стилей характерна высокая активность словосложения. Сложные слова здесь могут образоваться как посредством интерфиксов: *местожительство, налогоплательщик, приборостроение, машиноведение, народовластие, товаро-пассажирский, свободомыслие, всепрощение, двуокись, дозиметр*, так и без них: *кран-балка, марш-парад, Тулауголь, Экспортлес*. В качестве компонентов сложных слов могут быть также использованы буквы, цифры, символы: *γ-лучи, β-распад, СР-инвариантность, 3-этилгептан*.

Книжному словообразованию, главным образом научно-технической терминологии, свойственно образование сложений с корневыми интернациональными морфемами. Среди корневых интернациональных словообразовательных морфем можно выделить наиболее распространенные: *авиа-, асто-, био-, гидро-, гео-, радио-, макро-, микро-, электро-, -метр, -граф* и др. Активно соединяясь с другими морфемами, они образуют целые серии слов с общим компонентом, например: *авиадвигатель, авианепротекаемость; биомасса, биосинтез; география, геодезия, геометрия; термометр, спидометр, хронометр; хроматограф, дериватограф, спектрограф; гидрокопировальный, гидроэнергетический* и др.

Принадлежностью книжных стилей являются многокомпонентные сложные слова: *водогрязелечебница, льнопенькопродукция, бензомаслостойкая резина, дифторбутилнафталинсульфонат* и т. п.

В основном книжным стилям свойственны сложно-сокращенные слова.

Для разговорного стиля в общем характерны те же способы словообразования, но здесь имеются и способы, представляющие словообразовательную специфику этого стиля. К ним относятся:

1) суффиксация как средство стяжения в одно слово неоднословных наименований различной структуры; наиболее продуктивны стяжения с суффиксами *-к(а)* (*мореходка* — мореходное училище, *публичка* — публичная библиотека, *зелёнка* — раствор бриллиантовой

зелени), *-ик* (*кожник* — специалист по кожным болезням, *вечерник* — учащийся вечернего отделения); реже используются суффиксы *-щик* (*электронщик* — специалист по электронному машиностроению), *-як* (*товарняк* — товарный поезд), *-ач* (*строгач* — строгий выговор);

2) словосложение в сочетании с усечением: *губошлѐп* (от «шлѐпать губами»), *зубоскал* (от «скалить зубы»), *стихоплѐт*, *малове́р*;

3) разные случаи усечений: а) усечение прилагательных: *термоя́д* (термоядерная реакция), *кибер* (кибернетическое устройство), *интеллектуал*, *факультатив*, *примитив*; б) усечение существительных: *зам*, *зав*, *снаб*, *опер*, *фанат*, *маг*, *Исаакий* (Исаакиевский собор), *кило*, *прима*, *баскет*. В отдельных случаях усечения снабжаются суффиксами: *фотик*, *велик*, *телик*, *тролик*.

Для разговорного стиля характерно совмещение в акте словообразования номинативной функции с функцией оценочного отношения.

5. МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА

§ 34. Общая характеристика стилистических средств морфологии

Морфологическая стилистика рассматривает стилевое функционирование грамматических категорий и грамматических форм.

Стилистические средства морфологии складываются из: 1) наличия в русском языке вариантных форм одной и той же грамматической категории (грамматические синонимы), 2) способности грамматических форм выражать не одно, а несколько значений (грамматические омонимы).

Вариантных форм, по данным словаря «Грамматическая правильность русской речи» (Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. М., 1976), в современном русском языке насчитывается более трех тысяч. Возникновение вариантов — процесс неизбежный, он порожден историей развития языка, борьбой в нем старого и нового качества, поэтому большинство вариантов соотносятся как старая и новая форма. Например:

именительный падеж единственного числа «фильма» — устаревшая форма, а «фильм» — современная.

Стилистическую парадигму образуют, как правило, слова, которые широко употребительны и в книжной, и в разговорной речи. Обычным в морфологической стилистике является бинарное (парное) противопоставление форм: нейтральная — книжная (*колени — колена*), нейтральная — разговорная (*бухгалтеры — бухгалтера*), нейтральная — просторечная (*выговоры — выговора*). При этом различие между разговорной и просторечной, разговорной и нейтральной формами во многих случаях оказывается нечетким.

«Границы употребления вариантов неустойчивы: часто стилистически ограниченные варианты становятся общеупотребительными или, наоборот, некогда распространенные варианты в современном употреблении ограничиваются узкими функциональными стилями речи. Подвижность и зыбкость стилистических границ обуславливают известную приблизительность, условность стилистических оценок»¹. Поэтому одна и та же форма в различных словарях может иметь разные стилистические пометы. Так, например, форма именительного падежа множественного числа на *-а(-я)* у слов *инспектор* и *токарь* (*инспектора, токаря*) в словаре-справочнике «Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка» (Л., 1974) отнесена к разговорной, а в другом словаре — «Грамматическая правильность русской речи» (М., 1976) — к просторечной.

Словоизменительные варианты имеют все части речи, но далеко не в одинаковом количестве. Самой высокой частотой употребления вариантов отличается имя существительное, на втором месте стоит имя прилагательное. Глагольные варианты употребляются в десять раз реже, чем варианты существительных. На последнем месте по числу вариантов находятся местоимения и числительные.

Основные стилистические ресурсы в морфологии создаются за счет многозначности грамматических форм. Многие грамматические формы в русском языке

¹ Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. М., 1976, с. 10.

могут использоваться не только в прямом, но и в переносном значении. Например: настоящее время в значении прошедшего и будущего, единственное число в значении множественного, второе лицо в значении первого и т. п. Стилистический эффект возникает благодаря взаимодействию двух значений — прямого и переносного, совмещенных в одной форме. Так, например, форма настоящего времени, употребленная вместо формы прошедшего, продолжает обозначать отнесенность действия к прошлому, но ее использование в переносном значении придает повествованию живость и эмоциональность. Многофункциональность свойственна большинству грамматических форм, поэтому стилистические оппозиции (противопоставления) образуют пары — прямое и переносное использование грамматических форм. Например: *Он как подойдет!* — *Он подошел*. В первом предложении будущее время использовано в значении прошедшего. Такое переносное употребление этой формы присуще разговорной речи, оно более экспрессивно по сравнению с формой прошедшего времени, служит указанием на неожиданность, внезапность действия.

Стилистические функции приобретают такие морфологические категории, которые наиболее часто подвержены метафоризации в разговорной и художественной речи. Именно в стилистической функции грамматических категорий, в их образном использовании заключена специфика русской морфологической системы. Так, например, для русского языка большую стилистическую значимость имеет категория рода. Многие художественные образы, созданные путем олицетворения, основаны на формальной категории рода имен существительных: *берёза*, *рябина* — женские образы, *тополь*, *дуб* — мужские.

Дифференцирующим признаком функциональных стилей является степень частотности в них определенных частей речи и определенных грамматических форм.

Так, например, противопоставленность частей речи по частотности их употребления дает возможность разграничить «глагольные» и «именные» стили. К «глагольному» относится разговорный стиль, «именными» являются официально-деловой и научный стили. Спе-

цифрой книжных стилей является также частотность в них отглагольных форм — причастий и деепричастий. Стили могут различаться и по активности в них отдельных грамматических форм. Так, в научном стиле несовершенный вид глагола составляет 76% всех глагольных форм, тогда как в публицистике всего 59%.

§ 35. Стилистика существительных

Существительное — богатая стилистическими ресурсами часть речи. Стилистическими возможностями обладают все грамматические категории имени существительного: род, число, падеж, поскольку им свойственна в большей или меньшей степени вариантность форм и полифункциональность.

Стилистика форм рода. Морфологическое колебание в форме рода имеет небольшое число существительных — около 100 пар. Сюда относятся существительные мужского рода на твердый и мягкий согласный и женского рода на *-а(-я)*. Большинство слов, образующих пары, разграничены по степени употребительности и по стилистической окраске (нейтр. — разг., нейтр. — просторечн.) Например: *рельс* (нейтр.) — *рельса* (разг.), *туфля* (нейтр.) — *туфель* (разг.), *кед* — *кеда* (чаще), *скирд* — *скирда* (чаще), *шлиц* (чаще) — *шлица* (спец.).

Наиболее распространенной формой стилистической вариантности являются суффиксальные образования существительных, обозначающие лиц мужского и женского пола. Многие наименования профессий, рода занятий, должностей и т. д. только мужского рода, к ним нет параллельных соответствий женского рода: *дипломат*, *посол*, *доктор*, *президент*, *министр*. В сочетаниях с глаголом такие существительные пол лица выражают синтаксически: *врач пришёл* (о мужчине) — *врач пришла* (о женщине). Согласование сказуемого по смыслу, а не по форме характерно для всех стилей современной русской речи. Например: «*На великих державах, — продолжала премьер-министр Индии, — лежит особая ответственность за то, чтобы способствовать общему позитивному улучшению отношений в глобальных масштабах*» («Известия», 1980, 17 декабря).

В сочетаниях с определением в строго официальной, деловой речи при обозначении лиц женского пола принята форма мужского рода, а в разговорной — женского. Например: *выступила известный композитор Пахмутова — говорила главная зоотехник Иванова* (разг.). Однако в косвенных падежах во всех стилях речи используется только форма мужского рода: *у известного композитора Пахмутовой — у главного зоотехника Ивановой*.

Стилистически разграничены суффиксальные формы имен существительных, образующих пары: *переводчик — переводчица, учитель — учительница, соратник — соратница*. В письменной речи — в деловых документах, публицистике, научной литературе — заметна тенденция к использованию форм мужского рода для наименования женщин по профессии, занятиям, служебному положению и т. д. Например: *Автор работы — доктор филологических наук бурятка Н. Шаракшинова — уроженка села Бохан, в прошлом учитель, а ныне преподаватель Иркутского университета* («Известия», 1980, 17 декабря). Для обозначения лица женского пола в этом тексте употреблены слова мужского рода, не имеющие параллельных форм женского рода — *автор, доктор*; слова женского рода — *бурятка, уроженка*; слова мужского рода вместо женского — *учитель* вместо *учительница*, *преподаватель* вместо *преподавательница*.

Слова с суффиксом *-ша* при обозначении лица женского пола имеют просторечную окраску: *докторша, бухгалтерша, библиотекаряша, кассирша*.

Вариантные формы рода у несклоняемых существительных появились под влиянием их смыслового эквивалента. Например, в соответствии с нормой (несклоняемые неодушевленные существительные — среднего рода) слова *авеню, авто, джерси, медресе* относятся к среднему роду, а соответствующие им эквиваленты — *улица, автомашина, ткань, школа* — употребляются в женском роде.

Стилистически разграничены формы рода таких несклоняемых существительных, как *кепи* — среднего рода (нейтр.) и женского рода (разг.); *кофе* — мужского рода (нейтр.) и среднего рода (разг.); *меццо-сопрано* — среднего рода (нейтр.) и женского рода (разг.).

Стилистическая функция категории рода имен существительных в художественной речи нередко связана с приемом олицетворения. Форма рода может быть основой, метафорическим каркасом, на котором держится вся образная система. Например, в стихотворении М. Ю. Лермонтова «Утес» два образа — мужской и женский — соответственно выражены словами мужского и женского рода: «утес» и «тучка». Автор не мог использовать слово «облако» для обозначения женского образа, хотя в содержательном плане оно больше соответствует описанию («тучка золотая»). Поэтому так сложен перевод с русского языка и на русский язык тех художественных произведений, в которых олицетворяются предметы, наименования животных и растений служат обозначением людей. Так, необычным для русского языка является название произведения Ч. Айтматова «Тополек мой в красной косынке», где «тополек» олицетворяет девушку.

Грамматическая форма рода может сама порождать соответствующую метафору. Например: *Кварц — отец стекла*.

Стилистика форм числа. Стилистические ресурсы категории числа имен существительных связаны с наличием вариантных форм числа: *цехи* — *цеха*, а также возможностью использовать форму единственного числа в значении множественного, а форму множественного числа в значении единственного.

Около 300 существительных в современном русском языке имеют две формы множественного числа — на *-ы(-и)* и на *-а(-я)*. Формы на *-а(-я)* пришли из сферы профессионального языка и просторечия, поэтому в качестве варианта они сохраняют окраску сниженного (разговорного или просторечного) стиля или ограничены определенной сферой употребления. Например: *боцманы* (нейтр.) — *боцмана* (спец.), *бухгалтеры* (нейтр.) — *бухгалтера* (разг.), *ветры* (нейтр.) — *ветра* (разг.), *договоры* (нейтр.) — *договора* (разг.), *рапорты* (нейтр.) — *рапорта* (спец.), *слесари* (нейтр.) — *слесаря* (просторечн.), *торты* (нейтр.) — *торта* (просторечн.).

Стилистическими вариантами являются устаревшие и современные формы множественного числа некоторых имен существительных: *снеги* — *снега*, *сыны* — *сыновья*, *дерева* — *деревья*. Архаические формы придают

речи торжественность и обычно используются как экспрессивное средство в художественной речи.

Стилистические возможности формы единственного числа богаче множественного. В научной речи форма единственного числа используется при обозначении вида однородных предметов, когда один предмет является представителем целого класса. Например: *Еще недавно, менее ста лет назад, северный олень почти целиком обеспечивал возможность существования человека на Крайнем Севере Евразии и Америки* (Из книги «Жизнь животных»).

В публицистическом стиле форма единственного числа в значении множественного используется для передачи обобщенного собирательного значения. Наиболее часто в таком значении употребляются слова *человек, читатель, зритель, современник, покупатель*. Указанием на то, что речь идет не об одном, а о многих предметах, могут служить определения: *многотысячный зритель, миллионный подписчик, массовый читатель*.

В разговорной речи формы единственного числа с обобщенным значением имеют оттенок фамильярности, пренебрежения: *Покупатель пошёл капризный*.

Стилистическая окраска форм множественного числа связана с семантическими группами таких существительных, которые не могут иметь числовых корреляций: вещественные (*масло, соль*), абстрактные и отвлеченные (*нежность, мышление*). В научном и публицистическом стилях, в художественной и разговорной речи возникает потребность разграничить два значения: значение самого качества и значение предмета, обладающего этим качеством. В последнем значении и возможно использование форм множественного числа: *емкость — емкости, копченость — копчености, сложность — сложности, возможность — возможности, скорость — скорости*.

У существительных со значением отвлеченного действия различаются значения действия и результата (продукта) этого действия. Формы множественного числа появляются в тех случаях, когда необходимо указать, что акт действия повторялся несколько раз: *погоня — погони, подкормка — подкормки, полив — поливы, стрельба — стрельбы*. В бессуффиксальных суще-

ствительных форма множественного числа указывает на результат действия, а единственного — на само действие. Например: *обрыв — обрывы, разрыв — разрывы, привес — привесы, надой — надои, простой — простои.*

Широкое распространение в публицистике имеют формы множественного числа абстрактных существительных, в которых подчеркивается многократность, повторяемость или раздельное множество предметов: *режим — режимы, инициатива — инициативы, нажим — нажимы, рост — роста.*

Профессиональная окраска свойственна формам множественного числа вещественных существительных со значением разновидности, сорта: *нефть — нефти, масло — масла, чай — чаи.*

К разговорной речи относится использование форм множественного числа отвлеченных и вещественных существительных со значением длительности, повторяемости или обширности пространства, занятого предметами. В книжной речи во всех перечисленных значениях чаще всего используется форма единственного числа: *дождь — дожди, холод — холода, ветер — ветры, ветра, вода — воды, камыш — камыши, время — времена, туман — туманы, стужа — стужи.*

Ветра шумят в высоких травах,
И низко клонится ковыль,
Когда про удаль Святослава
Ручей журчит степную быль...
Там мрак и гул. Обломки мифа.
Простор бескрайний, ковыли...

(Н. Майоров)

Здесь форма единственного и множественного числа слова *ковыль* разграничивает два значения этого слова: *ковыль* — наименование растения, *ковыли* — пространство, занятое этим растением.

В разговорной речи широко употребительны формы множественного числа в функции гиперболы (преувеличения). Так возникли экспрессивные формы: *животики подвело* (очень хочется есть), *сидит в печенках, что за новости, никаких сомнений.*

Стилистика падежных форм. Вариантные окончания свойственны всем падежам, кроме датель-

ного. На первом месте по частоте употребления вариантных форм стоит форма родительного падежа множественного числа.

Стилистическую парадигму образуют формы на *-ов(-ев)* и формы с нулевым окончанием существительных мужского рода с твердой основой: *килограмм апельсинов — килограмм апельсин, пара носков — пара носок, много гектаров — много гектар*. В научной, деловой, публицистической речи используется основная (нейтральная) форма с окончанием, в разговорной — без окончания.

Так же стилистически разграничены формы родительного падежа множественного числа на *-ей* и формы с нулевым окончанием существительных женского, среднего и мужского рода с основой на мягкий согласный и шипящий и существительных, имеющих форму только множественного числа. Например: *долей* (нейтр.) — *доль* (разг.), *плечей* (нейтр.) — *плеч* (разг.), *яслей* (нейтр.) — *ясель* (разг.). Исключение составляет слово *туфля*: *пара туфель* — нейтральная форма, *пара туфель* — разговорная.

У незначительной части существительных форма на *-ей* и нулевая разграничены как устаревшая и современная: *сотня — сотен, сотней* (устар.), *свеча — свечей, свеч* (устар.). Например: *Игра не стоит свеч*.

Второе место по частоте употребления занимают варианты форм родительного падежа единственного числа: *стакан чая — стакан чаю, много народа — много народу*. Вариантность форм на *-а(-я)* и *-у(-ю)* в современном русском языке охватывает значительное количество лексем (около 400), но тенденция к вытеснению форм на *-у(-ю)* формами на *-а(-я)* во всех стилях речи проявляется все сильнее.

Форма на *-у(-ю)* может быть образована от подавляющего большинства существительных мужского рода, обозначающих нерасчлененные массы или абстрактные понятия. Однако лишь у незначительной части этих слов она стилистически нейтральна. Форма на *-у(-ю)* воспринимается как стилистически сниженная, поэтому она свойственна словам бытовой, обиходной сферы: *немного кипятку, две тарелки супу, купил шелку, наделал шуму, взял без спросу*.

Вариантные формы предложного падежа единственного числа имеют немногим более 100 существительных: *в отпуске — в отпуску, в цехе — в цеху*. При наличии вариантной формы на *-е* форма на *-у* воспринимается как стилистически сниженная, часто она бывает закреплена в устойчивых сочетаниях. Например: *в мире слов — на миру и смерть красна, в строе языка — стоять в строю, в ходе переговоров — машина на ходу*.

Остальные варианты формы по составу слов и частоте употребления занимают незначительное место и стилистически не всегда четко разграничены.

Окончание творительного падежа единственного числа *-ою* у существительных женского рода: *стеною, водою, весною* — используется гораздо реже, чем *-ой*: *стеной, водой, весной*. Форма на *-ою* обычно употребляется в книжной речи при обозначении величины: *длиною 100 метров, высотой в три метра*. Как отражение прежних норм, форма на *-ою* закрепились в пословицах и поговорках: *Не всяк умен, кто с головою. Думою горя не размыкаешь*.

В современной стихотворной речи форма на *-ою* подчинена требованиям ритма и рифмы. Например:

Есть время природы особого света,
неяркого солнца, нежнейшего зною.
Оно называется

бабье лето
и в прелести спорит & самую весною.

(О. Берггольц)

В творительном падеже множественного числа стилистически разграничены окончания *-ами* (*-ями*) и *-ьми*: *детьми* (нейтр.) — *детьми* (просторечн.), *людьми* (нейтр.) — *людьми* (просторечн.), *дверями* (нейтр.) — *дверьми* (разг.), *дочерьми* (нейтр.) — *дочерьми* (разг.). Формы «костьми», «плетьми» используются только во фразеологических оборотах: *лечь костьми, бить плетьми*.

В качестве стилистических вариантов могут употребляться склоняемые и несклоняемые формы одного и того же слова. Например: *в городе Иваново — в городе Иванове, студия МХАТ — студия МХАТа*.

Склоняемость географических названий и аббревиатур проявляется непоследовательно, она зависит не столько от сферы употребления, сколько от состава слова, степени его освоенности в русском языке и т. п. Однако несклоняемые географические наименования обычно выступают на правах профессионального и разговорного варианта склоняемых литературных форм, тогда как большинство аббревиатур изменяются по падежам в разговорной речи и часто склоняются в письменной. Например: *парад в Тушине* — *парад в Тушино* (разг.); *решение ВАК* — *решение ВАКа* (разг.); *пикируют «Ил»* — *пикируют «Илы»* (разг.).

§ 36. Стилистика прилагательных

Стилистические ресурсы прилагательного формируются главным образом за счет вариантных форм качественных прилагательных: полной и краткой формы, простой и сложной формы степеней сравнения.

Функционально-стилистическая дифференциация присуща как отдельным вариантным формам, так и определенным семантико-грамматическим разрядам прилагательных. Так, по подсчетам исследователей¹, на каждые 500 прилагательных в деловом тексте приходится 310 относительных и 150 качественных прилагательных, тогда как в разговорной речи соответственно 100 и 330.

Яркую стилистическую окраску разговорного стиля имеют притяжательные прилагательные на *-ов(-ев)* и *-ин(-ын)*: *отцов, сестрин*. В книжных стилях этим формам соответствуют словосочетания «существительное + существительное в родительном падеже»: *дом отца, платок сестры*.

В современном языке во всех стилях идет процесс вытеснения кратких окончаний притяжательных прилагательных полными. В разговорной речи они заменяются формами на *-овый (отцовый)*, а в книжных стилях — формами на *-овский, -инский (отцовский, материнский)*.

Принадлежность к определенному функциональному стилю характерна и для вариантных форм качествен-

¹ Головин Б. Н. Вопросы социальной дифференциации языка. — В кн.: Вопросы социальной лингвистики. Л., 1969, с. 354.

ных прилагательных. Так, краткие формы, будучи вариантами полных, обычно воспринимаются как книжные, а полные — как нейтральные. Например: *идея проста* (книжн.) — *идея простая* (нейтр.).

Однако при наличии управляемых слов краткая форма стилистически нейтральна, тогда как полная имеет сниженную (разговорную) стилистическую окраску: *доволен собой* (нейтр.) — *довольный собой* (разг.).

Большими стилистическими возможностями обладают формы степеней сравнения качественных прилагательных. Кроме основных форм степеней сравнения используются различные средства для обозначения степени интенсивности признака, которые имеют эмоционально-оценочное значение и ярко выраженную стилистическую окраску разговорной речи: *большущий, длинный-предлинный, тонюсенький, здоровенный*.

Стилистически дифференцированы вариантные формы сравнительной степени — простой (*интереснее*) и сложной (*более интересный*). При этом стилистическая окраска во многом определяется той синтаксической функцией, в которой данное прилагательное (или наречие) выступает в предложении.

Поскольку в функции сказуемого и обстоятельства чаще всего употребляется простая форма, а в роли определения — сложная, то стилистически окрашенными оказываются сложная форма прилагательного или наречия в роли сказуемого и обстоятельства и простая форма прилагательных в роли определения: *Второй взрыв был еще ближе и громче. Послышались еще более громкие крики* (нейтр.). Примеры стилистически окрашенных форм: *У тебя нет человека ближе. Сеть их (Домов культуры) стала более широкой*.

Стилистическую парадигму образуют варианты форм простой сравнительной степени: *более — больше, менее — меньше, ранее — раньше, позднее — позже*. Формы на *-ше(-же)* — нейтральные, а формы на *-ее* — книжные.

Стилистически нейтральной форме на *-ее* противопоставлен разговорный вариант на *-ей*: *сильнее — сильней, осторожнее — осторожней, правильнее — правильней*.

Разговорную окраску имеют формы сравнительной степени с приставкой *по-*, которая придает добавочное

значение небольшого увеличения или уменьшения качества: *побольше, поменьше, пораньше*.

Превосходная степень прилагательных имеет следующие стилистически ограниченные варианты:

1) сложная форма со словом *самый* нейтральна, присуща всем стилям. Ее стилистическая окраска зависит от стилистической маркировки самого прилагательного: *самый интересный, самый безалаберный*;

2) сложная форма со словом *наиболее* имеет книжную окраску, используется в научном, деловом и публицистическом стилях. Слово *наиболее* присоединяется к прилагательным, не имеющим стилистической окраски или относящимся к книжному стилю: *наиболее ответственный, наиболее выгодный*;

3) простая форма с суффиксом *-ейш(-айш)* имеет книжную стилистическую окраску, используется в публицистическом, научном и деловом стилях речи, образуется от ограниченного числа прилагательных: *ближайший, справедливейший*.

Стилистические варианты грамматических форм превосходной степени могут быть увеличены за счет приставочного образования, сочетания сравнительной степени со словами *всех, всего*: *сильнее всех* (разг.), *наибольший* (книжн.)

Обширный резерв стилистики составляют формы субъективной оценки степени качества. Большинству таких форм присущи повышенная экспрессия и эмоциональность, поэтому их использование ограничено разговорной и художественной речью. Сюда относятся:

1) формы с суффиксами *-еньк(-оньк), -ехонек(-охонек), -ёшенек(-ошенек), -юсеньк*: *беленький, тихонький, тяжёлёшенький, малюсенький* (разг.);

2) формы с суффиксами *-ущий(-ющий), -енный*: *большущий, здоровенный* (разговорно-просторечн.);

3) формы с приставкой *раз-*: *развеселый, разлюбозный* (разг.);

4) формы с приставками *наи-, архи-, сверх-, ультра-*: *наивысший, архисторожный, сверхмощный, ультраправый* (книжн.);

5) формы, образованные повторением прилагательного или наречия: *тихий-тихий, большой-пребольшой, медленно-медленно* (разг.);

6) элятивное значение превосходной степени, т. е.

без сравнения предметов по качеству, присущее книжному стилю: *при ближайшем рассмотрении, широчайшие массы.*

Субстантивированные формы имен прилагательных, широкоупотребительные во всех функциональных стилях, в каждом из них имеют свое назначение. Так, в разговорной речи субстантивация позволяет сократить высказывание, т. к. вместо словосочетания говорящие используют одно слово. Например: *вечернее отделение* (нейтр.) — *вечернее* (разг.), *дипломная работа* (нейтр.) — *дипломная* (разг.), *педагогический институт* (нейтр.) — *педагогический* (разг.). В официально-деловом и научном стилях многие субстантивированные прилагательные и причастия используются в качестве терминов. Например: *гласная, позвоночное, накладная, общее, частное, конкретное.* В публицистическом и научно-публицистическом стилях речи субстантивированные прилагательные и причастия дополнили общественно-политический словарь: *трудящиеся, правофланговые, передовой.*

В художественной речи, в отличие от разговорной, публицистической, официально-деловой и научной, субстантивация нередко отражает характерные особенности стиля писателя, связана с индивидуально-авторским словоупотреблением.

Анализируя использование субстантивированных прилагательных в качестве стилистического приема в художественном произведении, В. В. Виноградов отмечает, что такие прилагательные создают атмосферу таинственной неопределенности, что характерно, «для антиреалистического стиля символистов»¹:

Странных и новых ищущих на страницах
Старых испытанных книг. . .

(А. Блок)

Изобразительная роль субстантивированных прилагательных в произведениях реалистического стиля иная. Примером может служить рассказ А. Чехова «Толстый и тонкий», в котором персонажи не столько

¹ Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М., 1959, с. 248.

называются словами «толстый» и «тонкий», сколько ими характеризуются.

Частотны субстантивированные прилагательные со значением обобщения в народно-поэтических произведениях, в пословицах и поговорках: *Старое старится, молодое растет.*

§ 37. Стилистика числительных

Стилистические парадигмы числительных образуют склоняемые и несклоняемые формы одного и того же слова, а также числительные, относящиеся к разным разрядам. На отсутствие склонения определенных разрядов числительных во многом оказало влияние их цифровое обозначение, свойственное всем жанрам речи (за исключением некоторых видов деловых бумаг). «Цифровое обозначение, при беглом прочтении утрачивающее склоняемость, способствует стиранию падежных форм в устной речи на стыке первых слов составного числительного»¹. Например: *Встреча с 5574 бойцами*. В книжной речи рекомендуется произносить: «Встреча с пятью тысячами пятьюстами семьюдесятью четырьмя бойцами». В разговорной речи произносится: «Встреча с пятью тысячами пятьсот семидесятью четырьмя бойцами». Здесь стилистически противопоставленной оказывается и форма сложного числительного в творительном падеже: «семьюдесятью — семидесятью» (разг.).

Стилистические варианты образуют склоняемые и несклоняемые формы числительных с элементом *пол*-. более *полтора*ста — более *полтора*ста (разг.), более *полмиллиона* — более *полмиллиона* (разг.).

Стилистически дифференцированы дательный и винительный падежи числительных с предлогом *по*: в книжной речи числительные имеют форму дательного падежа, а в разговорной — винительного: *по несколько человек — по несколько человек, по пяти рублей — по пять рублей, по пятисот билетов — по пятьсот билетов*.

Синонимические отношения существуют между количественными и собирательными числительными

¹ Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П. Грамматическая правильность русской речи. М., 1976, с. 258.

(*два — двое*), между количественным числительным и счетным существительным (*сто — сотня, двенадцать — дюжина*).

Ограничения, накладываемые грамматикой на употребление собирательных числительных (одушевленные, мужского рода и т. п.), приводят к тому, что количество вариантов типа *два — двое* весьма незначительно. При наличии выбора вариант со словом *двое* (*трое...*) предпочтителен со словами, широкоупотребительными в повседневном общении: *двое детей, двое друзей, трое приятелей*. В сочетании со словами иных лексических пластов собирательные числительные вносят недопустимую сниженную окраску¹. Поэтому нельзя употреблять сочетания «двое генералов», «двое слов», «трое профессоров» (правильно: *два генерала, два посла, три профессора*).

Счетные существительные (*пара, десяток, дюжина, сотня* и др.) используются в разговорной речи: *в ста метрах — в сотне метров* (разг.), *два рубля — пара рублей* (просторечн.).

Стилистическую окраску приобретает числительное *один (одна)*, употребленное при обозначении даты: *одна тысяча девятьсот восемьдесятый год* (официально-деловой стиль). Нейтральной формой является пропуск этого числительного: *тысяча девятьсот восемьдесятый год*.

§ 38. Стилистика местоимений

Стилистические ресурсы местоимений формируются главным образом за счет синонимов. Наиболее разнообразны экспрессивно-стилистические значения, свойственные синонимичным заменам местоимения *я*. *Ты* вместо *я* используется в разговорной и как ее отражение в публицистической и художественной речи, когда говорящий приписывает совершаемые им действия обобщенному лицу. Например: *С каждым годом хорошеет село. И теперь, когда идешь ты по улице, видишь по обеим сторонам асфальтированной дороги ряды новых домов* («Правда», 1979, 17 июля). *Он (она)* вместо *я* используется в разговорной и художественной речи,

¹ Об этом см.: Супрун А. Е. Славянские числительные. Минск, 1969, с. 106.

когда говорящий смотрит на себя как бы со стороны или по каким-либо причинам не хочет себя называть: *В Херсоне уже убили городского голову. Я не хочу, чтобы они убили его здесь, потому что здесь «он» — это «я»* (К. Симонов).

В научной и публицистической речи замена местоимения *я* существительными *автор, корреспондент* и другими переводит первое лицо в третье с целью объективации.

Мы вместо *я* используется во всех стилях, но имеет различную экспрессивно-стилистическую окраску. Так, в научном и публицистическом стилях *мы* объединяет автора и читателя, лектора и аудиторию, помогая «скрыть» собственное «я». Иногда в одном и том же тексте чередуются местоимения *я* и *мы*. Например: *Понимая указанным образом непринужденность речи, мы считаем, что разговорная речь обслуживает частную, неофициальную сферу общения... Исходя из этих соображений, я считаю признак неофициальности отношений между говорящими крайне существенным* (Е. А. Земская).

В разговорном стиле *мы* вместо *я* окрашено экспрессией обобщения: *знаем мы вас, слышали мы это, сами с усами*. Архаичным является употребление *мы* по отношению к одному лицу с целью самовозвеличивания (например, в царских манифестах) и в старом крестьянском просторечии, когда говорящий не вычленяет свое *я* из той группы лиц, с которой он связан: — ...*Я знакомая Семена, — испугалась Настя прямого вопроса. — А вы? — Мы отец ему будем* (Л. Леонов).

В качестве синонимичных замен других личных местоимений используются:

он(она) вместо *ты(вы)* в разговорной речи, когда говорящий как бы исключает собеседника из речи, демонстрируя пренебрежительное к нему отношение: *Что это ты уставился в потолок? Все спят, а он размечтался;*

мы вместо *ты(вы)* в разговорной речи в так называемых «сочувственных обращениях», обычно к ребенку или больному, когда говорящий как бы объединяет себя с собеседником. Например: *Как мы себя чувствуем? Мы уже умеем ходить?* Эта форма используется

также при фамильярных обращениях к «клиенту»¹: *Длинноногий парикмахер в белом халате окинул его оценивающим взглядом и, чуть наклонившись, полуутвердительно спросил: — Будем бриться? .. Головку помоем? .. Головку будем сушить?* (М. Ланской, Б. Рест).

Близки по значению неопределенные местоимения, образованные при помощи частиц *-то, -нибудь, кое-, не-, -либо* (*кто-то, кто-нибудь, кто-либо* и др.). Основное отличие этих местоимений — семантическое: различная степень неизвестности, неопределенности. Стилистическая окраска книжного стиля свойственна местоимениям *некто* и *нечто*.

Разговорный характер имеют устойчивые сочетания местоимений *кто, что, какой, чей* со словом *попало* в значении «безразлично кто (что, какой, чей)»: *кто попало, что попало* и др.

Стилистическую окраску получают многие местоимения, использованные в разговорной речи с иной, чем в литературном языке, семантикой. Такое употребление отличается особой экспрессивностью, но находится за пределами литературной нормы. Так, например, определительное местоимение *всякий*, субстантивируясь, приобретает значение лица и используется с оттенком пренебрежения: *Ходят тут всякие!*

Эмоционально-экспрессивную окраску имеет притяжательное местоимение *твой*, когда относится к тому, что не принадлежит собеседнику, но связано с ним эмоционально (нравится — не нравится) или часто упоминается им в разговоре. Например: *Этот твой Николай мне надоел*.

В разговорной речи вопросительное и неопределенное местоимения *что, что-то* используются для выражения причины и цели: *Мне что-то не спалось. Вы что тут собрались?*

Разговорно-просторечную окраску имеет местоимение *себя*, используемое в роли частицы и лишённое возвратного значения. Например: *И сидит себе, ни с кем не разговаривает*.

¹ Шмелев Д. Н. Стилистическое употребление лица в современном русском языке. — Вопр. культуры речи, № 3, с. 54.

Глагол располагает наиболее развитой синонимией форм. Поэтому его стилистические ресурсы, по сравнению с другими частями речи, весьма значительны.

Вариантные формы имеют все основные грамматические категории глагола (вид, наклонение, время).

Стилистическую парадигму образуют видовые варианты глаголов на *-ывать(-ивать)*: с гласной *о* в корне — книжные, с гласной *а* — разговорные: *обуславливать* — *обуславливать*, *подытоживать* — *подытаживать*, *сосредоточивать* — *сосредотачивать*.

Стилистически разграничены вариантные формы повелительного наклонения 2-го лица единственного числа у некоторой группы глаголов: *вывеси* (нейтр.) — *вывесь* (разг.), *выглади* (нейтр.) — *выгладь* (разг.), *накрой* (нейтр.) — *накрой* (разг.), *клади* (нейтр.) — *ложи* (просторечн.).

Глаголы повелительного наклонения 3-го лица имеют стилистическую окраску в соответствии с той, которая присуща частицам: *пусть* (нейтр.), *пускай* (разг.), *да* (торж., поэтич.). Например: *Да здравствует нерушимый союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции! Пусть крепнет социально-политическое единство советского общества!* (Призывы ЦК КПСС к 1 Мая 1979 г.)

Около тридцати глаголов имеют две формы настоящего времени: с чередованием основы — нейтральные и без чередования — разговорные: *кличет* (нейтр.) — *кликает* (разг.), *машет* (нейтр.) — *махает* (разг.), *полощет* (нейтр.) — *полоскает* (разг.).

Стилистически разграничены вариантные формы настоящего и будущего времени глаголов на *-ит(-ет)* и *-ает(-яет)*: *мучит* (нейтр.) — *мучает* (разг.), *лазит* (нейтр.) — *лазает* (разг.).

Богатство стилистических ресурсов глагола создается не только и не столько наличием вариантных форм, сколько их многозначностью, возможностью переносного употребления: категория одного наклонения может употребляться в значении другого, одного времени — в значении другого и т. п.

Многозначность и синонимия форм наклонений. Формы повелительного наклонения обла-

дают разными оттенками значений, выражающими бóльшую или мéньшую степень повеления — от категорического приказа до просьбы. Дополненная в устной речи соответствующей интонацией, форма повелительного наклонения получает особую эмоциональность и экспрессивность, что ограничивает сферу ее использования определенным функциональным стилем, определенной ситуацией общения.

Значение формы повелительного наклонения и ее эмоционально-экспрессивная и стилистическая окраска во многом обусловлены видом глагола:

1) глаголы совершенного вида в повелительном наклонении обозначают категорическую просьбу, приказ, действие представляется конкретным, однократным. Такие формы уместны в официально-деловом стиле, например: *Подготовьте материалы к проверке.*

За пределами этого стиля (в разговорной и художественной речи) они не всегда допустимы в силу своей грубой категоричности и безапелляционности: *Поговори у меня еще!*

2) глаголы несовершенного вида в повелительном наклонении обозначают менее категоричное приказание, часто они имеют значение просьбы или совета; обозначенное ими действие мыслится как длительное, повторяющееся. Такие формы глагола, за редким исключением, используются в отрицательных конструкциях, например: *Не сокрушай ты меня, старуху* (И. Тургенев).

Широкая семантика глаголов несовершенного вида повелительного наклонения делает возможным их употребление во всех стилях речи, во всех ситуациях общения. Эти формы часто используются в призывах: *Пионеры и школьники! Горячо любите Советскую Родину, упорно овладевайте знаниями и трудовыми навыками!* (Призывы ЦК КПСС к 1 Мая 1979 г.)

Эмоции неодобрения в разговорной речи передаются не только особой интонацией, но и постановкой личного местоимения непосредственно после глагола, например: *Молчи ты!* Такое использование местоимения не свойственно книжным стилям.

Частица *-ка* придает формам повелительного наклонения разговорную окраску. Она служит побуждением

к действию. Например: *Осел увидел Соловья и говорит ему: «Послушай-ка, дружище!»* (И. Крылов).

Для выражения побуждения к действию в разговорной речи употребляются и формы других наклонений — изъявительного и условного.

Форма настоящего времени 1-го лица множественного числа с суффиксом *-те* и без него используется для побуждения к совместному действию: *Споемте, друзья! Проверим домашнее задание.*

Форма будущего времени 2-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа используется для передачи категорического повеления: *С завтрашнего дня ты возьмешься за работу! Все смотрят внимательно на доску и проверяют, правильно ли написаны слова.*

Форма прошедшего времени множественного числа в разговорной речи последних десятилетий стала активно использоваться для побуждения к совместному действию.

Условное наклонение с частицей *бы* выражает побуждение в мягкой, некатегорической форме: *Проводили бы вы нас домой, а с частицей чтобы* — категорический приказ, требование: *Чтобы завтра вы пришли вовремя!* Этим разговорным формам в официальной речи соответствуют инфинитивные конструкции типа: *Закончить работу к 10 апреля.*

Неопределенная форма глагола, используемая для выражения категорического приказания, распоряжения, в разговорной речи имеет оттенок грубости: *Молчать!*, а в официально-деловом языке (в приказах, спортивных и военных командах) является нормой этого стиля: *Стоять смирно! Зачислить на стипендию. . .*

Форма повелительного наклонения в разговорной речи используется как синоним условного наклонения для выражения условия. Сравним: *Если бы я пришел раньше. . . — Приди я раньше. . .* Например:

Да будь я
и негром преклонных годов,
и то,
без унынья и лени,

я русский бы выучил
только за то,
что им
разговаривал Ленин.

(В. Маяковский)

Многозначность и синонимия форм времени. Формы настоящего времени, употребительные во всех функциональных стилях, в научном и публицистическом являются доминирующими. При этом в научной речи настоящее время, как правило, обозначает действие, не связанное с моментом речи, а присущее предмету постоянно: *Опущение приводит к тому, что слово утрачивает свою внутреннюю форму и приобретает целостное немотивированное значение; границы между морфемами стираются* (Е. А. Земская).

В стилистическом отношении особенно интересны такие формы настоящего времени, которые употребляются в значении прошедшего и будущего. Такое переносное употребление форм настоящего времени присуще разговорной, публицистической и художественной речи. Оно продиктовано стремлением говорящего «придвинуть» события прошлого к моменту речи, создать впечатление, что они разворачиваются перед глазами читателя или слушателя. А. В. Бондарко назвал такие формы «настоящим эмоциональной актуализации»¹, поскольку в план настоящего переносятся не все события прошлого, а только такие, которые вызвали особенно сильное переживание говорящего. Для живости повествования формы настоящего и прошедшего времени соединяются в одном тексте: *И грянул бой, Полтавский бой! . . Швед, русский — колет, рубит, режет. . .* (А. Пушкин).

Формы настоящего времени используются в значении будущего, когда говорящий уверен, что действие обязательно произойдет: *Я часто думаю о том, как через несколько лет я окончу институт, буду работать учителем. Вхожу в класс, передо мной сидят ученики. . .*

Глаголы прошедшего времени, наиболее частотные в художественной речи, используются при описании

¹ Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971, с. 150.

картин природы, портрета, интерьера, в повествовании о событиях: *Дорога шла вверх среди столетних сосен. Подножья их прятались в кустарнике, а вершины качались среди облаков и ветра* (К. Паустовский).

Формы прошедшего времени совершенного вида в разговорной речи могут употребляться в значении будущего, когда говорится о действиях, уже начавшихся в момент речи: *Ну, я пошел!*

Стилистическими синонимами форм настоящего и прошедшего времени в разговорной, публицистической и художественной речи являются формы будущего времени. Особая экспрессивность, подчеркнутая специальной интонацией, характерна для форм будущего времени совершенного вида, которые обозначают внезапность, неожиданность действий, происходивших в прошлом и поразивших говорящего: *Герасим глядел-глядел, да как засмеется вдруг* (И. Тургенев).

Формы будущего времени выступают в качестве экспрессивно-эмоциональных синонимов настоящего, если обозначают действия привычные, регулярно повторяющиеся, присущие предмету или лицу: *И какая мать не прижмет к своей груди вздрагивающую, горячую голову ребенка, не погладит его вихры!* (К. Федин).

В разговорной и художественной речи формы будущего времени совершенного вида в сочетании с частицей *бывало* обозначают нерегулярно совершаемые в прошлом действия: *Бывало, пойдешь на реку, закинешь удочку. . .*

Глагол *будет* имеет просторечную окраску, если используется в значении глагола *есть*: *Это будет моя сестра.*

Многозначность и синонимия форм лица и числа глагола. Для обозначения действия говорящего кроме нейтральной формы 1-го лица единственного числа используются:

1) форма 1-го лица множественного числа: *Попытаемся сформулировать, каковы особенности качественных имен прилагательных;*

2) форма 2-го лица единственного числа в обобщенном значении, когда говорящий выступает как бы от имени группы лиц. Такое использование формы 2-го лица единственного числа характерно для разговорной речи и как ее отражение встречается в публицистике и

в художественной речи: *День ясный, прозрачный, слегка морозный, один из тех осенних дней, в которые охотно миришься и с холодом, и с сыростью, и с тяжелыми калошами* (А. Чехов);

3) форма 3-го лица множественного числа в разговорной речи при выражении эмоции негодования: *Тебе дело говорят, а ты смеешься*.

Для обозначения собеседника кроме нейтральной формы 2-го лица единственного и множественного числа используются:

1) форма 3-го лица единственного числа в разговорной речи для выражения отрицательного отношения к собеседнику: *Ему же добра желают, а он брыкается* (В. Шукшин);

2) форма 1-го лица множественного числа в разговорной речи при обращении к больному или ребенку: *Как мы себя чувствуем?*

Для обозначения действия лица, не участвующего в диалоге, кроме нейтральной формы 3-го лица единственного и множественного числа используется форма 2-го лица единственного числа в разговорной и публицистической речи. Например: *Каждый должен спросить себя: зачем живешь?*

§ 40. Стилистика причастий и деепричастий

Значительная часть причастных и деепричастных форм используется в книжных стилях — в публицистическом, научном и официально-деловом.

Активность причастий в книжных стилях во многом обусловлена историей их появления в русском языке. Старославянские по происхождению, они традиционно были связаны с высоким стилем речи.

В современном русском языке причастные формы образуются от любых глаголов — нейтральных, стилистически возвышенных и стилистически сниженных: *говорящий, сообщающий, вещающий, болтающий; качаемый, болтаемый, швыряемый*. Поэтому стилистическая окраска причастий во многом predetermined стилистической окраской исходной глагольной формы: *венчать — венчающий* (книжн.), *сидеть — сидящий* (нейтр.), *обмякнуть — обмякший* (разг.), *обляпать — обляпанный* (просторечн.).

Стилистическая окраска причастий закрепляет их за определенным функциональным стилем: в книжных стилях используются причастия нейтральные и книжные, в разговорном — нейтральные, разговорные и просторечные. Однако функциональные стили разграничены не только причастиями, имеющими стилистическую окраску, но и их частотностью. Причастия высокочастотны во всех книжных стилях и малочастотны в разговорном. Так, в научном стиле причастия составляют 6% словоупотреблений, а в разговорном — только 1%.

Заменяя глаголы в роли сказуемого, причастия создают «безглагольный» стиль научной, официально-деловой речи. Например: *Лексика русского литературного языка нашего времени представлена в четырех толковых словарях, издание которых осуществлено в последние десятилетия* (Д. Н. Шмелев).

Причастные формы в художественном тексте, особенно при их большом скоплении, используются как средство экспрессии. Так, например, в стихотворении С. Кирсанова «Никто сказать не может» пассивное восприятие героем действительности передано страдательной формой причастий:

Напилено досок,
Наковано гвоздей,
Наделано столов и полок.
Нарыто грядок для семян,
 ям для яблонь,
Налажен на столе порядок,
Накошено травы, насажено цветов
 и сорвано.
И выполото уйма сорного.

Обилие причастий в книжных стилях во многом обусловлено емкостью значения их формы: совмещая значение признака и действия, причастия дают возможность определить предмет через действие, назвать действие без указания на конкретное время и лицо. Обобщенно-отвлеченные значения грамматических форм (действительные и страдательные, полные и краткие, настоящего и прошедшего времени) способствуют активизации их в современной книжной речи.

Деепричастия на *-а(-я)* книжные по происхождению. М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» отмечал, что от высоких, славянских, глаголов употребительны деепричастия на *-а(-я)*, а от русских — на *-учи(-ючи)* : «...лучше сказать «толкаяючи», нежели «толкая», но напротив того, лучше употребить «дерзая», нежели «дерзаючи».

В современном русском языке формы деепричастий на *-учи(-ючи)* утрачены (кроме *будучи*), а формы на *-а(-я)* и *-в(-вши)* образуются и от «высоких», и от «низких» глаголов: *воздвигнуть* — *воздвигнув* (книжн.), *построить* — *построив* (нейтр.), *смеяться* — *смеясь* (нейтр.), *хихикать* — *хихикая* (разг.), *фыркать* — *фыркая* (просторечн.).

Однако деепричастия и в современном языке остаются преимущественно книжными словами, хотя в разговорной речи, в отличие от причастий, они используются больше. Частотность деепричастий в книжной речи во многом обусловлена спецификой их форм, позволяющих обозначить не главное, а второстепенное действие, показать последовательность совершения нескольких действий, передать одновременно и значение действия, и обстоятельства, обозначить действие без указания на конкретное время и лицо. Такие качества деепричастий способствуют активизации этой формы в научной и официально-деловой речи. Например: *Учитывая лишь гравитационную дифференциацию и долгоживущие радиоактивные изотопы и пренебрегая другими энергетическими источниками, мы можем оценить суммарное тепловыделение внутри Земли* (А. С. Монин).

Емкость деепричастных форм способствует и частотности их в художественной речи. Например:

Надев остроконечные папахи
И наклонясь на гриву скакуна,
Вокруг отар во весь опор казахи
Несутся, вьются, стиснув стремяна.

(Н. А. Заболоцкий)

Вариантные формы причастий и деепричастий связаны с сосуществованием в языке современных и устаревших форм.

Глаголы с суффиксом *-ну-* образуют две причастные формы: *мокнувший* и *мокший*, *достигнувший* и *достиг-*

ший. Причастия от бесприставочных глаголов в современном языке чаще употребляются с суффиксом *-вши*: *вязнувший, мокнувший*, а формы *вязший, мокший* являются устаревшими, стилистически возвышенными.

Причастия, образованные от приставочных глаголов, в публицистической, официально-деловой и научной речи, как правило, используются без суффикса *-ну-*: *возникший, проникший, достигший*. В разговорной и художественной речи употребительны оба варианта: *возникший* и *возникнувший, проникший* и *проникнувший*. Например: *С опухшим лицом, бессильная, размякшая, она с минуту смотрела бессмысленными глазами в грудь сыну* (В. Тендряков). *Но псдул еле приметный ветерок — окаменели размякнувшие было сугробы* (В. Тендряков).

Деепричастия от приставочных глаголов на *-нуть* могут иметь три вариантные формы: *достигнув — достигнувши — достигши*. Первая форма не имеет стилистической окраски, две другие (*достигнувши* и *достигши*) являются устаревшими, имеют окраску разговорного стиля.

Вариантные формы типа *дав — давши* также разграничены как современные (*дав*) и устаревшие, разговорные. Например: *Не давши слова, крепись, а давши, держись* (пословица).

Итак, при наличии вариантов на *-в* и *-вши* первая форма деепричастия не имеет стилистической окраски и используется во всех стилях, вторая, как правило, архаична, сохраняется в разговорной и художественной речи. Например: *Волна потока его (Сокола) схватила и, кровь оmyвши, одела в пену, умчала в море* (М. Горький).

Деепричастия, образованные от глаголов движения, имеют две формы: *унеся — унесши*. В современном языке нейтральными являются *унеся, бегая, войдя*, а формы *унесши, бегавши, вошедши* — архаичны.

§ 41. Стилистика наречий

Имеется определенная зависимость между стилистической окраской наречий и тем разрядом по значению, к которому это наречие относится. Так, большинство

обстоятельствственных наречий, выполняющих функцию наименования места, времени и т. п., относится к нейтральным: *вчера, сегодня, умышленно*. Если же обстоятельство имеет значение совмещающее с оценочным, то обстоятельство получает стилистическую окраску разговорной (*сдуру, спьяна, вечером*) или книжной речи (*искони, издавна, ввысь*).

Большинство качественных наречий не имеет стилистической окраски (*легко, тяжело*), однако частотность их неодинакова в различных функциональных стилях. Так, например, преимущественно в книжной речи используются наречия *действительно, гораздо, крайне*, а в разговорной — *чертовски, капельку, чуть-чуть*.

Среди наречий образа и способа действия большое место занимают слова, имеющие разговорно-просторечную окраску: *впережку, вповалку, впритык, всухомятку, взахлеб, вдрызг*.

Наречия сравнения и уподобления имеют синонимы — сравнительные обороты: *по-дружески — как друг, по-детски — как дитя*. Сравнительные обороты отличаются от наречий большей книжностью.

Стилистически дифференцированы формы сравнительной и превосходной степени качественных наречий. Сложная форма превосходной степени со словом *наиболее* используется, главным образом, в научной и публицистической речи. Например: *Наиболее интересно этот вопрос освещен в работах отечественных исследователей*.

Стилистическая окраска наречий во многом зависит от способа словообразования. Так, например, варианты *быстро — по-быстрому, богато — по-богатому, тихо — по-тихому* разграничены стилистически: наречия на -о нейтральны, на -ому — просторечны. Наречия типа *вдоволь, врасплох, в обнимку* (*в* + существительное в винительном падеже) образуются от разговорных, просторечных и нейтральных основ. Поэтому значительная часть таких наречий является принадлежностью разговорного стиля. В нейтральном стиле они имеют синонимичные замены в форме наречий или деепричастий. Например: *вконец — совсем, наперебой — перебивая кого-либо, вдобавок — кроме того*.

Стилистическая окраска предлогов и союзов во многом зависит от истории их происхождения. Так, первобразные предлоги *в, на, к, о* и союзы *а, и, или, но*, как правило, в стилистическом отношении нейтральны и используются в любом функциональном стиле. Отыменные, отглагольные и некоторые наречные предлоги (*относительно, согласно, сообразно, соответственно, касательно*) характерны для научной, официально-деловой и публицистической речи. К числу предлогов, получивших в последние годы широкое распространение в книжных стилях, относятся: *в деле, по линии, за счет, в части, в пользу, в области, в смысле, со стороны, в сопровождении* и др. Например:

В народном хозяйстве за счет повышения производительности общественного труда получена экономия труда 2,6 миллиона человек; снижены затраты сырья, материалов, топлива, энергии и других предметов труда на рубль валового общественного продукта. (Из сообщения ЦСУ СССР. «Правда», 1981, 24 января.)

«В системе русских союзов, — отмечает В. В. Виноградов, — диалектически совмещается обилие пластических конкретных слов и выражений, выполняющих функции союзов и идущих из живой речи, и богатство отвлеченно-аналитических союзов-частиц и союзных речений, выражающих разные виды логической связи между предложениями в книжном языке»¹.

Такое разнообразие союзных форм отражается в многообразии их стилистических значений: *но, или, что* — нейтральные; *благодаря тому что, в связи с тем что, в силу того что* — книжные; *покамест, добро бы, раз* — разговорные; *покуда, ежели* — просторечные.

Многие предлоги и союзы образуют двух- и трехчленную полную стилистическую парадигму:

предлоги: *напротив* — *против* (разг.), *насупротив* (просторечн.); *вслед* — *вослед* (книжн., высок.); *среди* — *средь* (разг., устар.); *за* — *по* (народн.-разг.): *идти за грибами, идти по грибы*; *о* — *про, насчет* (разг.), *ка-*

¹ Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972, с. 567.

сательно, относительно (книжн.-делов.); после окончания — по окончании (книжн.); около — с (разг.), до (разг.): около километра, с километр, до километра; от — с (разг.): от голода — с голоду; к — под (разг.): к старости — под старость; для — по (разг.): не для меня — не по мне;

союзы: но — ан (просторечн. со значением «но вдруг»); или — али, аль (просторечн.); благодаря — благо (просторечн.); чтобы — дабы (книжн., архаичн.); если — ежели (просторечн., устар.), раз (разг.), добро бы (разг.), коли (просторечн.), кабы (просторечн., народно-поэтич.); точно — равно как (книжн.), равно (просторечн.); пока — покамест (разг.), чуть (разг.).

Частицы, так же как предлоги и союзы, занимают одно из первых мест по частотности во всех стилях речи. Однако основная форма использования частиц — устно-разговорная речь и как ее отражение — художественная и публицистическая.

Среди частиц выделяется группа нейтральных: *вот, даже, не, разве*; разговорных: *ну, мол, де, уж, ж, -то, еще* — и просторечных: *ага, вона*. Поэтому стилистическая парадигма может быть как двух-, так и трехчленной: *вон — вона (просторечн.), во (просторечн.); это — оно (разг.); почти — почти что (разг.); совсем — равно (разг.), просто (разг.), прямо (разг.); даже — же, ж (разг.), уже, уж (разг.), -то (разг.), еще (разг.); да — так (разг.), ага (просторечн.), еще бы (просторечн.); пусть — пускай (разг.), да (книжн., высок.).*

Некоторые частицы, многозначные в смысловом отношении, могут иметь в соответствии с разными значениями и различную стилистическую окраску. Так, например, в разговорной речи нейтральные указательные частицы *вот* и *это* могут использоваться в значении выделятельных: *Как поступить, вот и не знаю. И откуда это столько народу набралось!*

§ 43. Стилистические функции междометий

Междометия и в грамматическом, и в стилистическом отношении представляют собой особую часть речи. Будучи связанными с выражением различных чувств и волеизъявлений человека, междометия широкоупотребительны в тех стилях речи, которые обладают повы-

шенной эмоциональностью и экспрессивностью, — в разговорной, публицистической и художественной.

Значительной части междометий присуща четко выраженная стилистическая и эмоционально-экспрессивная окраска, что закрепляет их не только за определенными стилями, но и за жанрами речи, ограничивает их использование в определенных ситуациях общения. «Междометия, — указывает В. В. Виноградов, — осмыслены как коллективные знаки эмоционального выражения душевного состояния. Они отражают в себе эмоциональную жизнь личности, социальной группы или народа, находящуюся в органической связи с деятельностью интеллекта»¹.

Так, например, бранным междометиям (*черт возьми!*) свойственна грубая, просторечная окраска. Междометие *ой* со значением восхищения частотно в речи современной женской молодежи. Например: *Ой, девочки, как было интересно!* Междометие *ась*, просторечное, областное, не употребляется в речи современных городских жителей. Например: *Пугачев заметил мое смущение. — Ась, ваше благородие? — сказал он мне подмигивая* (А. Пушкин). Междометие *агу* употребляется при обращении к грудному ребенку с целью привлечь его внимание, *алло* — при разговоре по телефону.

Многие междометия имеют стилистическую окраску, однако составить стилистические парадигмы только из междометий невозможно. В зависимости от значения междометия вступают в синонимические отношения не столько с междометиями, сколько с различными частями речи. Например: *баста* (разг.), *точка* (разг.), *кончено* (разг.), *всё* (разг.), *шабаш* (разг.), *довольно* (нейтр.): *Все вышло глупо, Архип! Забудем. Баста!* (Ф. Гладков).

6. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА СИНТАКСИСА

§ 44. Общие замечания

Стилистические ресурсы и возможности синтаксиса особенно велики, что объясняется чрезвычайным многообразием синтаксических конструкций, а также слож-

¹ Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947, с. 746.

ностью самого предложения как основной коммуникативной единицы высшего уровня языка. Русскому языку свойственна богатая синтаксическая синонимия, которая лежит в основе синтаксической парадигматики, подтверждающей определенный изоморфизм в стилистической организации данного уровня языка. Однако синтаксическая парадигма отличается особой структурной сложностью и многомерностью по сравнению с лексикой, фонетикой и морфологией.

Дело в том, что стилистические качества синтаксических синонимических конструкций (прежде всего, предложения) определяются не только собственно стилистической окраской, но и дополнительными оттенками, связанными с категориями лица и модальности, а также порядком слов, которые далеко не всегда прямо соотносятся с трехчленной парадигмой (нейтр. — книжн. — разг.) и в значительной мере осложняют ее: *Ей было грустно* (безличное, нейтр.). *Она грустила* (личное, двусоставное, нейтр.). *Она чувствовала грусть* (личное, двусоставное, нейтр.). *Грустно ей было!* (безличное, экспрессивно окрашенное, разг.).

Трехчленная стилистическая парадигма (книжн. — нейтр. — разг.) приложима здесь к стилистически окрашенным синтаксическим конструкциям лишь в отдельных случаях: *Он нуждается в лечении* (книжн.). *Ему нужно лечиться* (нейтр.). *Полечиться бы ему надо!* (разг., экспресс.).

За пределами трехчленной парадигмы, не укладываюсь в ее узкую схему, остается широкое поле стилистически и экспрессивно значимых конструкций, которые требуют отдельного рассмотрения.

Однако синонимия все-таки является основой синтаксической стилистики не только в плане теоретическом, но и в плане практическом, потому что предоставляет возможность сознательного выбора синтаксической конструкции, адекватной содержанию высказывания, ситуации, жанру и сфере речевого общения.

Утвердившееся понятие синтаксической синонимии как близости или тождества основного содержания и грамматического значения допускает в то же время возможность структурных грамматических и лексических отклонений от полного лексического и грамматического

тождества. Отсюда понятие разноструктурных синонимов (т. е. синонимов, отличающихся грамматическими и лексическими особенностями) — самых распространенных в языке.

Парадигмы разноструктурных синонимов возникают иногда в пределах одного стиля: *Он не смог прийти: серьезно заболел. Так как он серьезно заболел, он не смог прийти. Он не смог прийти потому, что серьезно заболел. Сегодня дождь. Сегодня дождливо. Сегодня идет дождь* (все эти синтаксические синонимы стилистически нейтральны).

Общность грамматического значения и близость лексического состава обуславливают взаимозаменяемость синтаксических синонимов одинаковой стилистической окраски, что дает возможность выбора для более точного и совершенного выражения мысли.

Различие же в стилистической окраске исключает взаимозаменяемость, так как это несовместимо со стилевой нормативностью: *Он вдруг вскрикнул* (нейтр.). — *Он вдруг и вскрикни!* (разг.); *Все пошли в лес за грибами* (нейтр.). — *Все — в лес по грибы!* (разг.).

Синтаксическая синонимия и синтаксическая парадигма обычно основаны на разноструктурности синонимов, что было показано выше, но выделяются и синтаксические парадигмы внутри одного и того же предложения, например интонационные варианты его, отличающиеся субъективно-модальными и эмоциональными оттенками при полном лексическом и грамматическом тождестве. Например, в стихотворных строках: *Мне грустно потому, что я тебя люблю* (М. Лермонтов) — могут интонационно и с помощью ударения выделяться разные слова (*грустно, потому, тебя, люблю*), придавая известной стихотворной строчке разные эмоциональные и модальные оттенки. Изменение фразового ударения в связи с изменением порядка слов также может создавать внутреннюю парадигму экспрессивно окрашенных вариантов одного и того же предложения (см. § 46, Порядок слов).

Кроме одноструктурных синонимов (вариантов) и разноструктурных синонимов одного уровня выделяются синонимические конструкции разных уровней, которые носят название параллельных конструкций (обособленный причастный оборот и придаточное

определяющее; деепричастный оборот, предложно-падежная конструкция и придаточное предложение времени). Они образуют синтаксическую парадигму: *студенты, успешно сдавшие экзамены — студенты, которые успешно сдали экзамены. Закончив работу, он уехал отдыхать. — После окончания работы он уехал отдыхать. — После того как он закончил работу, он уехал отдыхать.*

Хотя эти конструкции собственно стилистически дифференцируются очень мало и в основном являются принадлежностью книжных стилей (особенно обособленные обороты и предложно-падежные конструкции с отглагольным существительным), они также составляют один из ресурсов стилистики, т. к. предоставляют возможность выбора наиболее экономного и соответствующего контексту средства выражения.

Функционально-стилистическая дифференциация по отношению к синтаксическим средствам прежде всего связана, как уже указывалось, с наиболее общим разграничением: с одной стороны, книжно-письменные, с другой — устно-разговорные синтаксические формы и конструкции. Например, причастные и деепричастные обороты, сложные предложения со многими придаточными, периоды, градации, ряд отыменных предлогов и союзов, некоторые виды связок сказуемого характерны для книжной речи, и их употребление придает высказыванию книжный характер. Неполные, инфинитивные предложения, многие эллиптические конструкции, сказуемые, выраженные инфинитивом, междометия, присоединительные связи преимущественно используются в разговорной речи.

Э к с п р е с с и я (экспрессивно-стилистическая окраска) синтаксических конструкций и форм также может быть как книжной, так и разговорной, обуславливая и соответствующее функционально-стилистическое их разграничение. Но если все конструкции и формы разговорного синтаксиса экспрессивны в той или иной степени, что и является одновременно их функциональной особенностью, то экспрессивные формы книжного синтаксиса являются принадлежностью далеко не всех книжных стилей, а используются в основном в публицистике и в индивидуальных стилях художественной литературы. Это относится прежде всего к таким прие-

мам поэтического синтаксиса, как анафора, эпифора, градация, период, риторический вопрос и др.

Стилистические же нормы таких стилей, как официально-деловой и научный, как правило, не допускают использования экспрессивно окрашенных средств книжного синтаксиса (исключения для них здесь минимальны) и тем более несовместимы с непринужденной экспрессией разговорных синтаксических конструкций. Что касается более частного и строгого функционального разграничения синтаксических средств по отношению к этим книжно-письменным стилям, то здесь, в отличие от лексики и фразеологии, можно говорить, за некоторым исключением, лишь об ограничениях в употреблении отдельных синтаксических конструкций и оборотов в той или иной речевой сфере, о частоте их употребления и лишь в некоторых случаях о прикреплённости к определенному функциональному стилю и соответствующей функционально-стилистической окрашенности. Например, явление так называемого расщепленного сказуемого (*помочь — оказать помощь, участвовать — принимать участие, решить — принять решение*), целый ряд отыменных предлогов (*по линии, в деле, в связи, в отношении*), частое употребление отглагольных существительных «при нанизывании» цепочкой родительных падежей — принадлежность и характерная черта официально-делового стиля. Последняя черта в значительной мере — особенность и стиля научного. Например: *Установление зависимости длины линии волны рентгеновских лучей атома от положения его в периодической системе* (Из учебника физики). *Определение порядка очередности удовлетворения претензий кредиторов* (Из Уголовно-процессуального кодекса).

Синтаксис заключает в себе громадные возможности и для передачи всего богатства человеческих эмоций (помимо такого простого средства, как восклицательные и вопросительные предложения).

При описании стилистически значимых синтаксических конструкций, включая и синтаксические парадигмы синонимов, целесообразно придерживаться структурных уровней грамматического описания языка: уровень словосочетания — уровень простого предложения — уровень сложного предложения.

Словосочетание как докоммуникативная и номинативная единица синтаксиса в предложении есть «не что иное, как распространенная синтаксическая форма слова»¹. Поэтому на уровне словосочетания выделяются парадигмы, которые стоят ближе к фразеологическим и лексическим. Они составляют группы синтаксических синонимов, выражающих различные виды отношений: объектные, объектно-определительные, определительные, объектно-обстоятельственные, обстоятельственные. Парадигмы словосочетаний обычно образуют парное противопоставление форм (нейтр. — книжн.; нейтр. — разг.).

Глагольные словосочетания широко употребляются во всех стилях, особенно часто в разговорном стиле и языке художественной литературы: *говорить два часа* (нейтр.) — *говорить в течение двух часов* (книжн.), *ждать ответа* (нейтр.) — *ждать ответ* (разг.), *пойти за ягодами* (нейтр.) — *пойти по ягоды* (разг.), *затягивать ремонт* (нейтр.) — *затягивать с ремонтом* (разг.).

Именные словосочетания особенно широко используются в книжных стилях: научном, официально-деловом, публицистическом, реже — в разговорном: *контроль выполнения* — *контроль за выполнением* (оба книжн.), *проблема жилья* (нейтр.) — *проблема с жильем* (ближе к разг.), *объяснение поступку* (нейтр.) — *объяснение по поводу поступка* (книжн., офиц.-дел.).

§ 46. Простое предложение

С синтаксисом простого предложения связано много стилистически значимых явлений и форм, большинству которых свойственна богатая стилистическая синонимия. К ним относятся средства выражения сказуемого, порядок слов, а также стилистически значимые разновидности простых предложений и т. д.

Формы сказуемого. Большие возможности для стилистического использования открывает разнообразие форм выражения сказуемого в простом предложении.

¹ Золотова Г. Н. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973, с. 66.

Стилистически значимыми в сфере сказуемого являются синонимические формы составного именного сказуемого, в которых именная часть выражена полным и кратким прилагательным. Кроме различия в семантике (по отношению к некоторым прилагательным, таким, как *он болен*, т. е. временно, и *он больной*, т. е., скорее всего, постоянно), в этих формах обычно краткая форма прилагательных связана с книжными стилями, а полная имеет разговорный оттенок (ср. *Он был красив и ловок. — Он был красивый и ловкий*). Полное прилагательное употребляется в именительном и творительном падежах, причем именительный падеж, кроме того, что он выражает большее постоянство признака, более характерен для разговорного стиля, а творительный чаще встречается в книжной речи. Ср.: *Дождь был недолгим. Дождь был недолгий. Он был добрым. Он был добрый.*

Сказуемое, выраженное инфинитивом глагола несовершенного вида, выражая большую динамичность и интенсивность действия, несет в себе и значительную экспрессию, которая широко используется в устной разговорной речи, а отсюда проникает в язык художественной литературы. Ср.: *Наша братия — ругаться* (Н. Помяловский). — *Наша братия стала ругаться. Она кричать что есть мочи, а он — бежать! — Она стала кричать. . . , а он побежал.* (Вторые формы представляются вялыми и менее динамичными.)

Ту же разговорную экспрессию дает сочетание инфинитива с частицей *ну* или словом *давай*: *Схватил (дед) скорее котел и давай бежать* (Н. Гоголь). *Вошли они и ну кричать, ну возмущаться.*

Оттенок просторечности имеет сказуемое, выраженное повелительным наклонением, причем подлежащее может стоять во множественном числе: *Ну, ребята, не отставай.*

Пример экспрессивных возможностей разговорного синтаксиса представляет осложненное глагольное сказуемое, которое выражается разными формами:

1) повторением глагольных форм: *ехали, ехали и приехали*; 2) двукратным повторением с усилительной частицей *так* в значении «действительно»: *выспался так выспался, придумал так придумал*; 3) конструкцией, состоящей из инфинитива и личной формы однокоренного глагола, иногда с отрицанием *не*: *Стрелять не*

стреляет, а ружье держит (Н. Гоголь); *Работать не работает, а время ведет*; 4) сочетанием с глаголом *взять*: *возьму и сделаю, взял и написал* и др.

Сугубо книжный характер имеет ряд связок в составном именном сказуемом, например глагол *являться* в роли связки. Связка *есть* — принадлежность научного и официально-делового стиля: *Иванов является начальником управления. Квадрат есть прямоугольник, у которого все стороны равны.*

Действительный (активный) и страдательный (пассивный) обороты имеют прямое отношение к способам выражения как сказуемого, так и подлежащего и представляют собой синонимические формы, в ряде случаев отличающиеся и собственно стилистическими оттенками. В выражении действия, обозначаемого переходным глаголом и имеющего субъект и объект, допускаются две разные конструкции — активная (действительный оборот) и пассивная (страдательный): *Директор вызвал ученика* (действительный). *Ученик был вызван директором* (страдательный). Последняя конструкция носит оттенок книжности, официальности, тогда как первая стилистически нейтральна. Причем смысловой акцент падает на подлежащее, т. е. в действительном обороте на первом плане — субъект действия, а в страдательном — объект.

Если в качестве субъекта действия выступает неодушевленный предмет, то страдательный оборот оказывается синонимичным безличному предложению с творительным падежом, обозначающим орудие или средство действия. Например: *Дерево сломано ветром.* — *Дерево сломало ветром.* Оба предложения более близки между собой и семантически и стилистически, чем действительный оборот: *Ветер сломал дерево.*

Порядок слов. В русском языке порядок слов (или членов предложения) считается свободным и отличается чрезвычайной гибкостью¹. Это допускает боль-

¹ Порядок слов в русском языке может иметь, как известно, и синтаксическое значение, то есть менять синтаксическую роль переставляемого члена предложения, а отсюда иногда и весь смысл предложения. Например, в предложениях: 1) *Он встретил друга отца.* — *Он встретил отца друга*; 2) *Сын приехал больной.* — *Больной сын приехал* — изменение положения меняет синтаксическую роль слов: дополнения — на несогласованное определение (1), сказуемого — на согласованное определение (2).

шое количество вариантов одного и того же предложения, состоящего из нескольких слов, благодаря их перестановке, вносящей семантические оттенки, что отмечалось еще А. М. Пешковским. Этим объясняется большая стилистическая значимость порядка слов в простом предложении, возможность выбора характера словорасположения в целях экспрессивных и стилистических, особенно в художественной и публицистической речи.

Но несмотря на относительную свободу, порядок членов предложения в нем все-таки определяется как грамматически, так и самим смыслом предложения.

У каждого члена предложения в русском языке есть обычное, свойственное именно ему место. Оно определяется структурой и типом предложения или словосочетания, способом синтаксического выражения данного члена предложения, а также ролью контекста и стилем речи. Исходя из этого, выделяется прямой, то есть обычный, и обратный, то есть необычный, порядок слов (инверсия). Основной смысл предложения при обратном порядке слов сохраняется, вносятся лишь дополнительные экспрессивно-смысловые оттенки, усиливающие выразительность слова и приобретающие поэтому определенную стилистическую значимость.

Рассмотрим предложения: 1) *Я все расскажу вам. Вам я все расскажу.* 2) *Этот человек мне не понравился. Не понравился мне этот человек.* 3) *В эти дни стояла изумительная погода. Изумительная в эти дни стояла погода.*

В этих предложениях, представляющих внутреннюю парадигму вариантов одной и той же конструкции, мы наблюдаем усиление смысловой нагрузки и выразительности переставляемых (инверсируемых) слов за счет переноса на них смыслового ударения и изменения интонации при сохранении их синтаксической роли (в первом случае — дополнения *вам*, во втором — сказуемого *не понравился*, в третьем — определения *изумительная*). Инверсия в данных случаях придает высказыванию бóльшую экспрессивность.

Экспрессивно-стилистические возможности инверсии широко используются в художественной речи и во многих жанрах публицистики; что касается научного и официально-делового стилей, то им в основном свой-

ствен прямой порядок слов, хотя случаи инверсии допустимы и здесь.

В отличие от книжно-письменной речи порядок слов в устно-разговорной речи, а также при использовании разговорного стиля (прежде всего — диалога в художественной литературе) имеет свои особенности. Экспрессивно значимая инверсия, рассмотренная выше, здесь широкоупотребительна. Но поскольку коммуникативное членение (выделение темы и ремы) в устной речи выражается прежде всего интонационно, а не через порядок слов, то место ремы (нового) здесь более свободно, тогда как тема, как правило, постпозитивна. В устно-разговорной речи основным принципом словорасположения является принцип ассоциативного присоединения: *Вздор какой-то — топиться! Там еще хуже нашего. Тут-то я хоть чаю попью* (М. Пришвин).

Стилистически окрашенные варианты словорасположения делятся, по классификации И. И. Ковтуновой¹, на четыре группы в зависимости от того, с какой сферой речевой деятельности они связаны. Это варианты словорасположения: 1) с разговорной окраской, 2) с фольклорно-повествовательной окраской, 3) с эпической окраской и 4) с поэтической окраской. Хотя эта классификация не совпадает полностью с принятой дифференциацией функциональных стилей и охватывает, по существу, только речь разговорную и речь художественную, она безусловно заслуживает внимания.

Для словорасположения с фольклорно-повествовательной окраской характерны конструкции с препозицией ремы — глагольного сказуемого: *Жили-были старик со старухой. Стал он кликать золотую рыбку, Приплыла к нему рыбка, спросила. . .* (А. Пушкин).

Словорасположение с эпической окраской характеризуется также инверсией, т. е. препозицией глагольного сказуемого: *Задумались все казаки и не знали, что сказать. . . Тогда вышел вперед всех старейший годами во всем запорожском войске Касьян Бовтюг. Так сказал Бовтюг и затих; и обрадовались все казаки, что навел их таким образом на ум старый* (Н. Гоголь).

¹ См.: Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

Словорасположение с поэтической¹ окраской представляет особое явление. Здесь инверсия членов не сопровождается экспрессивной интонацией, т. к. связана с иной акцентной структурой, свойственной стихотворной речи или языку поэтической прозы. Расположение интонационных акцентов здесь то же, что и в стилистически нейтральной речи, т. е., как отмечает И. И. Ковтунова, «инверсируются только слова, но не акценты»². Наиболее употребительным вариантом поэтического словорасположения является постпозиция определений-прилагательных: *Он не пришел, кудрявый наш певец, С огнем в очах, с гитарой сладкогласной: Под миртами Италии прекрасной Он тихо спит, и дружеский резец Не начертал над русской могилой Слов несколько на языке родном* (А. Пушкин).

Поэтической окрашенностью отмечены конструкции, в которых существительное обрамлено двумя прилагательными: *Синим снежным облаком пушистым разволнуется болотная твердь* (Л. Леонов). Глагольные словосочетания с постпозицией качественного наречия на -о также характерны для художественной речи: *Солнце висело тускло — красным пятном в этой мгле; а перед вечером она вся загоралась и алела таинственно и странно* (И. Тургенев).

Для стихотворной речи характерны случаи обратного параллелизма, так называемые хиазмы, в которых компоненты конструкции во второй части расположены в обратном порядке по сравнению с первой частью: *К вечеру вышло тихое солнце, И ветер понес дымки из труб* (А. Блок). *Тонки ее черные брови, И строгие речи хмельны...* (А. Блок).

Хиазмы встречаются и в прозе: *Дул сладкий ветер, звездный узор неподвижно стоял в вышине...* (И. Бунин).

Сравнительные обороты. Сравнительные конструкции — это конструкции, передающие объект сравнения, то есть реализующие акт мысли, устанавливающей признаки предметов и явлений путем ассоциа-

¹ Под поэтической следует понимать окраску, связанную не только с поэзией, но и с высокохудожественной или поэтической прозой.

² См.: Ковтунова И. И. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976.

ции по сходству. Сопоставление сравнительных конструкций, реализуемых в синонимических синтаксических формах, создает синтаксическую парадигму: *взлетел, как сокол* (нейтр.); *взлетел подобно соколу* (книжн.); *взлетел соколом* (нейтр.); *взлетел по-соколиному* (нейтр.); *взлетел вроде сокола* (разг.); *взлетел, будто сокол* (разг.).

Каждая конструкция отличается средством синтаксической связи и морфологическими формами их выражения:

I и VI — глагол + союз + существительное в им. падеже

II — глагол + союз + существительное в дат. падеже

III — глагол + существительное в твор. падеже

IV — глагол + наречие

V — глагол + союз + существительное в род. падеже

Аналогичную, хотя и не идентичную, парадигму может составить и употребление данных конструкций при прилагательном (тогда сравнительный оборот выполняет роль уточняющего определения или обстоятельства меры и степени). Например: *стремительный, как сокол, по-соколиному, подобно соколу, будто сокол, вроде сокола*.

Иногда сравнительный оборот выступает при существительном, чаще в роли именной части составного сказуемого: *Установился полный штиль. Море как зеркало* (К. Паустовский).

Чаще всего сравнительные обороты употребляются в художественной литературе и в публицистике с целью создания художественного образа: *И вы уже (звездой средь ночи), Скользящей поступью скользя, Идете — в поступи истома, И песня Ваших нежных плеч Уже до ужаса знакома. И сердцу суждено сберечь, Как память об иной отчизне, Ваш образ, дорогой навек...* (А. Блок).

В научном стиле сравнения также используются для более точного описания явления или предмета путем сравнения его с известным. Например: *При низких температурах металл становится хрупким и при ударе колет, как стекло*.

Согласованные и несогласованные определения. Если в художественной речи и публицистике определения чаще всего выполняют роль эпитетов,

обладая образностью и выразительностью, то в научном и официально-деловом стилях они выступают как логические определения: *природные богатства, экономические возможности, высокая температура.*

Согласованные определения используются во всех стилях речи, выражая, в отличие от несогласованных, более отвлеченное свойство: *сосновая роща, весенняя распутица.* Несогласованные — более характерны для книжных стилей и выражают обычно бóльшую конкретность признака. Они могут обозначать принадлежность: *платок матери, велосипед отца;* деятеля или носителя признака: *гул самолетов;* характеризовать человека или предмет по отличительным признакам: *женщина в берете, щенок с белым пятном на лбу;* указывать на материал, из которого предмет изготовлен: *статуэтка из бронзы;* назначение предмета: *горшок для цветов.* Большинство из них может иметь синонимы в форме согласованных определений: *материнский платок, отцовский велосипед, самолетный гул, бронзовая статуэтка, цветочный горшок,* которые по своей стилистической окраске тяготеют к разговорному стилю.

§ 47. Типы простых предложений

Очень большие стилистические ресурсы заключены в самой структуре простых предложений, в разнообразии их типов. Причем между разными структурными типами простых предложений существуют синонимические отношения. Например, существует синонимия утвердительных и отрицательных предложений: *Кто не сталкивался с этим явлением? — Все сталкивались с этим явлением.* Одновременно это синонимия вопросительного и повествовательного предложения. Первое предложение экспрессивно окрашено. Синонимия неопределенно-личных и безличных предложений: *выдвигают кандидатов — выдвигаются кандидаты;* определено-личных и безличных: *я представляю — мне представляется.*

Почти каждый тип простого предложения имеет определенную функционально-стилистическую или экспрессивно-стилистическую значимость и прикрепленность к той или иной речевой сфере.

Обобщенно-личные предложения, выражающие афористические суждения, характерны для народной речи и широко используются в разговорном стиле, обычно в форме пословиц и поговорок, а также, естественно, проникают в публицистику и художественную литературу: *Соловья баснями не кормят. С кем поведешься, от того и наберешься. Тише едешь — дальше будешь. Что посеешь, то и пожнешь.*

Широко используются в разных стилях речи неопределенно-личные предложения, однако в зависимости от стиля эта конструкция наполняется разным семантическим содержанием. Так, в некоторых жанрах официально-делового стиля неопределенно-личные предложения могут употребляться с предписывающим и констатирующим значением. Например: *Препарат применяют в качестве болеутоляющего средства* (Из инструкции по употреблению лекарств). В научной речи те же конструкции используются при формулировке законов, правил: *Индукцией называют метод рассуждений, ведущий от частных примеров к некоторому общему выводу* (Из учебного пособия для 9-го класса «Алгебра и начала анализа»).

Неопределенность субъекта действия может сообщать этим конструкциям большие выразительные возможности, что и используется в художественной литературе. Например:

Не спят, не помнят, не торгуют. Над черным городом, как стон, Стоит, терзая ночь глухую, Торжественный пасхальный звон (А. Блок). В разговорном стиле эта конструкция также употребительна: *Говорят, он совсем уехал отсюда.*

Большие стилистические возможности заключены в структуре безличного предложения, которое имеет целую гамму экспрессивных оттенков и поэтому широко используется в художественной литературе и разговорной речи. Именно по поводу этих предложений В. В. Виноградов, анализируя формы безличного употребления глаголов, писал, что в них «открывается множество тончайших стилистических оттенков русского языка и что «грамматика русского глагола органически сплетается с его стилистикой»¹.

¹ Виноградов В. В. Русский язык. М., 1947, с. 463.

Выразительные возможности безличных предложений связаны с морфологическими и семантическими свойствами составляющих их слов, и прежде всего — главного члена. Если в роли главного члена выступают глаголы, обозначающие явления природы (*Рассвело. Уже вечереет* и т. д.), то сама семантика этих глаголов, чувственно воспринимаемая читателем или слушателем, делает эти предложения эмоционально-выразительными. То же относится и к тем предложениям, где главный член — глагол — обозначает болезненное состояние человека: *Тошнит. Рвет. Ломит руку* и др. Эмоционально-оценочны и выразительны безличные предложения, в которых в качестве главного члена выступает группа безлично-предикативных слов, обозначающих душевное, психическое и физическое состояние человека: *тяжело, больно, грустно, весело* и т. п. Например: *И скучно и грустно, и некому руку подать В минуту душевной невзгоды...* (М. Лермонтов).

Особую группу составляют безличные предложения, в которых главный член выражен безлично-предикативными словами с модальным значением (*нельзя, можно, необходимо, надо* и др.) и инфинитивом. В этих конструкциях объединяются категории безличности и модальности (долженствования, необходимости). Они стилистически нейтральны и широко используются как в художественной речи, так и в стилях официально-деловом, публицистическом и научном: *Надо вырвать радость у грядущих дней* (В. Маяковский). *Необходимо принять меры к... Массу небесного тела можно определить из... Надо найти значение синуса...*

Большой экспрессивностью и эмоциональностью отмечены, как правило, и все виды инфинитивных предложений, которые широко используются в разговорной и художественной речи. В них модальное значение (долженствование, желательность, побуждение, приказ) выражены не лексически, как в выше рассмотренной группе безличных предложений, а самой структурой предложения и его интонацией — восклицательной или вопросительной: *А подать сюда Ляпкина-Тяпкина!* (Н. Гоголь); *Ну как не порадеть родному человечку?* (А. Грибоедов).

Риторические вопросы в форме инфинитивных просительных предложений с семантикой утверждения или протеста также характерная черта разговорного синтаксиса, используемая и в художественной речи: *Любить... но кого же? .. на время — не стоит труда...* (М. Лермонтов).

Побудительные инфинитивные предложения употребляются часто в газетной публицистике в форме призывов: *Выполнить обязательства в срок! Убрать урожай без потерь!*, а также в форме служебных команд: *Знамена вынести! Свистать всех наверх!*

Номинативные предложения прежде всего принадлежность художественной речи, хотя они используются и в некоторых жанрах публицистики. Богатые экспрессивные возможности номинативных предложений обусловлены тем, что имя существительное — главный член номинативного предложения — выражает одновременно и образ предмета, и идею его существования в настоящем времени. Отсюда их лаконизм, образность, выразительность. Они обычно употребляются в описаниях и повествованиях для изображения динамической смены картин, а также зримости и яркости статических описаний, очень часто — в авторских ремарках, киносценариях и пр. Часто используются номинативные предложения в начале повествования, главы: *Буря на небе вечернем, Моря сердитого шум — Буря на море и думы, много мучительных дум* (А. Фет). *Синий туман. Снеговое раздолье, Тонкий лимонный лунный свет* (С. Есенин).

Большую экспрессивно-стилистическую значимость имеют и предложения эллиптические, в которых отсутствует (пропущено) сказуемое, что делает их по сравнению с соотносительными с ними предложениями, включающими сказуемое, более динамичными и выразительными. Благодаря этому они находят применение в разговорной речи и в художественной литературе: *Офицер из пистолета, Теркин — в мягкое штыком* (А. Твардовский). *И в ту же минуту по улицам — курьеры, курьеры* (Н. Гоголь).

Неполные предложения характерны для разговорной речи, они передают естественность, непосредственность, живость разговорной речи и особенно употребительны в диалогах; в монологической же речи они

используются обычно для связи частей. Пропуск слов легко восполняется из контекста или ситуации: *Первый звук его голоса был слаб и неровен и, казалось, не выходил из его груди... За этим первым звуком последовал другой, более твердый и протяжный... за вторым — третий...* (И. Тургенев).

Городничий: *Где же он там живет?*

Добчинский: *В пятом номере, под лестницей.*

Бобчинский: *В том самом номере, где прошлого года подрались приезжие офицеры...* (Н. Гоголь).

§ 48. Простое осложненное предложение

Среди разновидностей простого осложненного предложения интерес стилистов вызывают предложения с однородными и обособленными членами.

Однородные члены предложения. Однородные члены предложения в плане стилистическом играют роль важного изобразительного и выразительного средства и в этом качестве широко используются и в публицистике, и в различных стилях художественной литературы. Там с их помощью выражается динамика, напряженность действия или детализация какого-то явления, образуются живописные, а часто и экспрессивно-окрашенные ряды эпитетов: *Милая, добрая, старая, нежная, С думами грустными ты не дружи* (С. Есенин). *Напрасно упрашивал его Азамат согласиться, и плакал, и льстил ему, и клялся* (М. Лермонтов). *...Ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!* (И. Тургенев).

Большое стилистическое разнообразие дает использование однородных членов предложения с союзами и без союзов, а также пар однородных членов, ср.: 1) *В движении за мир принимают участие рабочие, колхозники, учителя, врачи, ученые, артисты.* 2) *В движении за мир принимают участие и рабочие, и колхозники, и учителя, и врачи, и ученые, и артисты.* 3) *В движении за мир принимают участие рабочие и колхозники, учителя и врачи, ученые и артисты.*

Попарно могут объединяться контрастные понятия — слова-антонимы, что создает большой экспрессивно-стилистический эффект, например: *Они сошлись.*

Волна и камень, Стихи и проза, лед и пламень Не столь различны меж собой (А. Пушкин).

При намеренном объединении в качестве однородных членов разнородных понятий возникает юмористический эффект. Например: *Агафья Федосеевна носила на голове чепец, три бородавки на носу и кофейный капот с желтенькими цветами* (Н. Гоголь). *Мужчины остались за столом и за портвейном* (Л. Толстой).

Кроме художественной и публицистической речи однородные члены употребляются в научном и в официально-деловом стилях (при перечислении). Здесь их использование лишено экспрессии и служит чисто коммуникативным и познавательным целям: *На предприятиях, в совхозах и учреждениях стали шире использоваться новые формы политической учебы коммунистов и беспартийных: школы коммунистического труда и передового опыта, партийно-хозяйственного актива и научного атеизма, народные университеты.*

В научном стиле при однородных членах часто используется соединительный союз *как — так и*; в научной, а также в публицистической речи при однородных членах употребительны союзы *не только — но и*, *не столько — сколько*.

Следует отметить также стилистическую синонимию противительных союзов *но и да* (первый используется при однородных членах в книжной, второй — в разговорной речи). Например: *Это должно было произойти, но не произошло. Хотел было пойти туда, да раздумал.*

Обособленные члены предложения. Стилистической значимостью отмечено в русском языке и обособление некоторых членов предложения, а также оборотов. Общей чертой обособленных членов в отличие от необособленных является то, что они обладают большим семантическим весом, подчеркивают и выделяют обозначаемые ими предмет, деталь, качество и т. д. Их смысловое выделение внешне выражается в наличии усиленного ударения и в отграниченности паузами. Ср.: *Воодушевленный успехом, артист стал играть еще лучше* и *Воодушевленный успехом артист стал играть еще лучше*.

Обособление — принадлежность книжной речи, как художественной, так и публицистической и научной.

Однако в художественной литературе обособление кроме функции смыслового выделения выполняет еще и экспрессивную функцию, в научной же в основном смысловую. Например: *При синтезе белка текст, написанный на нуклеотидном языке, переводится на язык аминокислот* (Из журнала «Наука и жизнь»). У многих видов имеется полицикличность размножения, особенно выраженная в тропиках и субтропиках (БСЭ, т. 9).

В художественной речи особенно экспрессивно значимы обособленные определения, а также приложения, отдаленные от определяемых существительных. Обычно они используются как выразительный прием. Обособленные определения, выраженные причастными оборотами, служат одновременно и более «экономным», по сравнению с придаточным предложением, способом выражения: — *Скажи-ка, дядя, ведь не даром Москва, спаленная пожаром, Французу отдана?* (М. Лермонтов); *Полный месяц светил на камышовую крышу и белые стены моего нового жилища: на дворе, обведенном оградой из булыжника, стояла избочась другая лачужка, менее и древнее первой* (М. Лермонтов).

Пример обособленного приложения: *Он услышал, как слезы защипали ему веки. Слезы унижения, они были сухи* (К. Федин).

С экспрессивным и эмоциональным оттенком связано и обособление определений, расположенных отдельно от определяемого слова: *Озаренные закатом, медленно приближались черепичные кровли* (А. Толстой).

П а р а л л е л ь н ы е к о н с т р у к ц и и. Причастные и деепричастные обороты, как обособленные, так и необособленные, несут печать книжной речи, в разговорной же почти не употребляются. Эти обороты благодаря их краткости и динамичности имеют в ряде случаев преимущество перед параллельными им конструкциями — придаточными предложениями определительными и временными. Однако при замене придаточного предложения деепричастным оборотом утрачиваются оттенки значения, вносимые союзами. Ср.: *приехав в город — когда он приехал в город, после того как он приехал в город, как только он приехал в город*. При замене таких придаточных предложений деепричастными оборотами следует восполнить утрату союзов лексическими сред-

ствами: *Приехав в город, он сразу же (тотчас же, немедленно. . .) направился в институт.*

Расширяет возможность выбора синтаксических конструкций для выражения одного и того же смысла и употребление конструкций с отглагольными существительными, которые, как правило, имеют стилистическую окраску двух стилей: официально-делового или научного. Ср.: *принять решение — решить; за неимением фактов — не имея фактов.*

Параллельные конструкции можно представить таким образом: *Иванов, приняв решение, приступил к делу; Иванов, после того как принял решение, приступил к делу; Иванов, принявший решение, приступил к делу; Иванов, который принял решение, приступил к делу; Иванов после принятия решения приступил к делу.*

§ 49. Сложное предложение

Сложное предложение включает в себе такие новые семантические, коммуникативные и мыслеоформляющие качества, которые неизбежно влекут за собой и особые стилистические возможности. Как более сложное структурное целое, выражающее различные смысловые отношения между частями, оно способно выразить сложность и разнообразие связей и зависимостей между явлениями действительности, таких, как временные, причинные, следственные, уступительные и другие, которые в простом предложении почти не находят выражения. Отсюда и разная роль тех и других в разных стилях и сферах речевой деятельности.

Сложные предложения, особенно громоздкие, включающие несколько придаточных конструкций, более употребительны в книжной речи, так как именно они позволяют оформить сложные логические и интеллектуальные связи. Однако это не значит, что сложные предложения вообще не свойственны устно-разговорной речи. Они, хотя и в меньшей степени, используются и там, но, как правило, не отличаются большой сложностью структуры и соответственно не могут быть слишком длинными. Стилистическую значимость в сложном предложении имеет как характер связи между предложениями, так и средства выражения этих связей (союзы, отсутствие их).

Сложносочиненные предложения, выражающие, как известно, соединительные, противительно-сопоставительные, разделительные, а также присоединительные связи, употребляются обычно при описании и повествовании, но оказываются недостаточными при рассуждении. Поэтому они редко встречаются в научном стиле, где их доля не превышает 10% общего числа сложных предложений (по данным М. Н. Кожиной).

В языке художественной литературы и в публицистике они представлены очень широко. Некоторые виды сложносочиненных предложений несут в себе большую экспрессию, что во многом связано с характером сочинительных союзов и их повторением. Так, повторение соединительного союза *и* перед всеми частями сложного предложения, включая и первую, создает ярко выраженную экспрессию высказывания. Этот прием широко используется А. П. Чеховым и составляет характерную черту его индивидуального стиля: *И все ей вдруг припомнилось: и Андрей, и его отец, и новая квартира, и нагая дама с вазой; и все это уже не пугало, не тяготило, а было наивно, мелко и уходило все назад и назад* (А. Чехов).

Средства связи в сложносочиненном предложении — союзы — могут быть как стилистически нейтральными, так и разговорными или книжными. Так, союзы *да, да и* в присоединительных конструкциях (при присоединительных связях) имеют окраску разговорности и употребляются в стиле устно-разговорном: *У всех пропало настроение, да и погода испортилась.*

В книжной речи для выражения этих присоединительных отношений (связей) употребляются союзы *а также, к тому же, при этом*. Например: *Эта закономерность представляет большой интерес, к тому же она имеет универсальный характер.*

Разговорную окраску имеют противительные союзы *да, зато*, в книжной речи для выражения этих же связей употребляется союз *однако*: *Все ждали триумфа, однако случилось иное. Мы думали, все будет хорошо, да иначе все вышло.*

Разделительные повторяющиеся союзы *либо — либо, то ли — то ли, не то — не то* имеют разговорно-экспрессивную окраску. Например: *То ли она раздумала, то ли помешало ей что-то.*

Сложноподчиненные предложения хотя и более свойственны книжной речи, однако широко распространены во всех стилях общенародного языка.

В разных стилях употребление этой конструкции имеет разные особенности. Некоторые типы сложноподчиненных предложений тяготеют к определенным речевым сферам. Так, для научной речи характерен высокий процент употребления предложений с придаточными причины и условия (вместе — 22%), что объясняется их способностью выражать причинно-следственные и условные отношения, связанные со строгой логичностью и доказательностью научного изложения. В официально-деловой речи процент условных отношений особенно высок (условных союзов 32,9% — при 14% в научной и 4,7% в художественной речи)¹. Для научной речи характерны сложноподчиненные предложения с ослабленным значением главного, которое выражается одним словом (*полагаем, представляется, нужно, думается, считаю*), а все главное содержание заключено в придаточном.

Для художественной речи в целом особенно характерны придаточные времени, места, образа действия, а также определительные и сравнения. Однако предпочтительное употребление той или иной синтаксической конструкции в художественной литературе обусловлено в очень большой степени особенностями индивидуального стиля писателя.

Синонимия сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Некоторые типы смысловых отношений могут быть выражены структурой как сложносочиненного, так и сложноподчиненного предложения — это временные, причинно-следственные, условные, присоединительные. Так возникают ряды синтаксических синонимов, которые различаются и собственно стилистическими оттенками, и сферой употребления. Сложносочиненные предложения, в которых смысловые отношения выражены не столь четко и обе части выступают как грамматически равноценные, отличаются живостью, легкостью и непосредственностью, что более характерно для разговорной

¹ См.: Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972, с. 324.

и художественной речи. Например: *Зашел разговор о лошадях, и Печорин начал расхваливать лошадь Казбича* (М. Лермонтов). (Когда разговор зашел о лошадях...) *Душно стало в сакле, и я вышел на воздух освежиться* (М. Лермонтов). (Душно стало в сакле, поэтому я вышел на воздух освежиться.)

Бессоюзные предложения. В бессоюзных сложных предложениях основным средством связи является интонация, поэтому они, как правило, экспрессивны. Эти предложения более характерны для разговорной и художественной речи, особенно поэзии, фольклора. Там они чаще всего обозначают отношения времени, причины, изъяснительные, а также выражают напряженную динамику действия: *Чин следовал ему: он службу вдруг оставил* (А. Грибоедов). *Слышишь — мчатся сани, слышишь — сани мчатся* (С. Есенин).

Часто бессоюзные конструкции служат воссозданию лирических картин — описаний: *Свет вечерний шафранного края, Тихо розы бегут по полям* (С. Есенин).

С одной стороны, бессоюзные предложения выражают смысловые связи между предложениями менее четко, чем сложные предложения с союзами, с другой — отличаются большей непосредственностью и естественностью, а часто и экспрессивностью, что и обуславливает их употребление в разговорной и художественной речи.

Синонимия бессоюзных, сложносочиненных и сложноподчиненных предложений. Существует синонимия бессоюзных сложных предложений с тире между частями сложного предложения, сложносочиненных и сложноподчиненных предложений с придаточными обстоятельственными. Например: *Придет зима — пруд покроется льдом.* (*Придет зима, и пруд покроется льдом. Когда придет зима...*) *Будет хороший день — поедем за город.* (*Будет хороший день, и мы поедем за город. Если будет хороший день...*) *В рюкзаке оказался коробок спичек — можно было развести костер.* (... и можно было развести костер; ...так что можно было развести костер.) *Холодно — зуб на зуб не попадает.* (*Холодно так, что зуб на зуб не попадает.*)

Бессоюзным сложным предложениям, содержащим двоеточие, синонимичны сложноподчиненные с придаточными причины, изъяснительными, определительными

ми. Например: *Решили сделать привал: дальше идти было опасно (потому что дальше идти было опасно). Теперь он понял: нельзя изменять себе (. . . что нельзя изменять себе). Иногда нас обдавало запахом чистого меда: наносило с пасеки (В. Солоухин) (. . . который наносило с пасеки).*

§ 50. Прямая, косвенная и несобственно-прямая речь

Стилистические возможности прямой речи, дословно передающей чужое высказывание, достаточно велики, так как не только своим содержанием, но и формой, способом выражения мыслей и чувств — в форме диалога, монолога, отдельного высказывания — она служит средством характеристики говорящего лица, а в художественной литературе и художественного образа.

Косвенная речь имеет меньшую выразительность и художественную значимость. Основная сфера ее употребления — устная разговорная речь.

Большие стилистические возможности заключены в несобственно-прямой речи. Ее особенность в том, что в ней сохраняются лексические, синтаксические, а также интонационные особенности чужого высказывания, манера речи говорящего, но все это передается от имени автора, рассказчика. Возникает двуплановость высказывания вследствие слияния речи автора и героя. В несобственно-прямой речи всегда присутствуют стилистически чужеродные компоненты (по отношению к авторской речи), например вкрапление просторечной, оценочно-экспрессивной лексики или же элементов эмоционального разговорного синтаксиса в книжно окрашенное авторское повествование. Например: *То, что Любка осталась в городе, было особенно приятно Сережке: Любка была отчаянная девка, своя в доску (А. Фадеев).*

Особенно характерно для несобственно-прямой речи включение вопросительных и восклицательных предложений, интонационно и эмоционально выделяющихся на фоне авторского повествования. Например: *Ивану Ильичу нужно было явиться в штаб армии, рапортовать о прибытии парохода с огнеприпасами и передать накладную. Но черт его знает, где искать этот штаб? (А. Толстой).*

Абзац — отрезок письменного или печатного текста от одной красной строки до другой, а также сама красная строка. Большая часть лингвистов считает абзац композиционно-стилистической единицей речи, а функцию его определяют как логико-смысловую. Обычно абзац имеет выделительное значение и обращает внимание читателя на новый поворот мысли или повествования.

Структура абзаца определяется как функциональным стилем речи, так и индивидуальным стилем писателя. Структура монологической речи характеризуется, как правило, длинным абзацем, который может состоять даже из нескольких сложных синтаксических целых, а в диалоге абзац, естественно, дробится на небольшие части и может иногда быть равен и одному слову.

Большой абзац, несущий, как правило, описательную или повествовательную функцию, а также функцию рассуждения (развития определенной мысли) — в научном стиле или официально-деловом документе, является большим предложением или группой предложений, объединенных в одно целое тематически, что дает в ряде случаев возможность выделения «микротемы»¹.

§ 52. Период

Огромные стилистические возможности эмоционального воздействия, а также полнота и законченность выражения мысли, емкость и изящество формы заключены в синтаксической структуре периода. Эта конструкция была известна еще в античную эпоху, причем само слово «период» значит «кольцо», «круг».

Первая часть периода состоит чаще всего из синтаксически однородных единиц (обычно однородных придаточных предложений), вторая — главное предложение. С точки зрения коммуникативного синтаксиса в первой части развернутое изложение темы заканчивает-

¹ См. об этом: Покусаенко В. К. К вопросу о функции абзаца. — В кн.: Структура предложения и абзац. Ростов-на-Дону, 1974.

ся более кратко сформулированной ремой. В качестве темы и ремы обычно выступают условие и следствие, причина и результат, основание и вывод.

Ритмико-интонационная структура периода такова, что в первой части нарастающее повышение тона голоса создает ощущение напряженного ожидания, затем — кульминация, пауза, а потом вместе с понижением голоса происходит разряжение напряженности. Эти экспрессивно-стилистические качества периода — его эмоционально-приподнятый характер, а также логическая спаянность и полнота выражения мысли — объясняют то, что период находит применение в ораторской речи, в высокой публицистике и в эмоционально-приподнятых произведениях художественной литературы. Например: *Я так весел и горд весь этот день, я так живо сохранял на моем лице ощущение Зинаидиных поцелуев, я с таким содроганием восторга вспоминал каждое ее слово, я так лелеял свое неожиданное счастье, что мне становилось даже страшно, не хотелось даже увидеть ее — виновницу этих новых ощущений* (И. Тургенев).

У Лермонтова в форме периода построены целые стихотворения («Когда волнуется желтеющая нива», «Благодарность» и др.).

Итак, мы рассмотрели стилистически значимые элементы языка на разных уровнях языковой системы, то есть стилевой инвентарь современного русского языка, его стилистические ресурсы. Реализация этих ресурсов также имеет свои законы. Описание этих законов, т. е. норм употребления стилистически окрашенных языковых средств и стилистически нейтральных в одном тексте, содержится в третьей главе. Стилистическая значимость текста создается не только за счет стилевых ресурсов той или иной единицы языка, но и за счет характера соединения всех единиц в пределах текста. При рассмотрении того, как функционирует стилистическая система языка, необходимо исследовать не только внутриязыковые, но и внешние, по отношению к языку, экстралингвистические факторы. Такое объединение и взаимосвязь вне- и внутриязыковых факторов приводит к вычленению функциональных стилей.

III. Функциональные стили русского литературного языка

§ 53. Функциональные стили как наиболее общая стилистика дифференциация языка. Краткая история вопроса

Богатство синонимичных и вариантных языковых средств, различающихся своей стилистической окраской, функционально-стилевой предназначенностью и эмоционально-экспрессивными оттенками значения, предоставляет говорящему¹ отобрать наиболее подходящие для данного акта общения. На отбор влияет совокупность экстралингвистических факторов, среди которых наибольшее влияние оказывают следующие: 1) содержание (тематика) речи, 2) характер личности говорящего, 3) характер личности собеседника (или собеседников), 4) характер взаимоотношений между говорящим и собеседником (собеседниками), 5) назначение речи, 6) ситуация (обстановка) общения, 7) форма речи и некоторые другие.

Предмет речи (тематика) во многом предопределяет и выбор языковых средств, и их организацию.

Все многообразие тем общения можно свести к нескольким типизированным группам, которые Д. Н. Шмелев разграничивает следующим образом: «Это, во-первых, непосредственное, непринужденное общение, не связанное со специальной тематикой; во-вторых, использование языка в строго очерченных тематических рамках; в-третьих, эстетически обусловленное применение языка. В первом случае — это «разговорный язык», во втором — «специальный язык», в третьем — «язык художественной литературы»². Поэтому нельзя научную проблему излагать разговорным языком, так же как нельзя о самых элементарных бытовых вещах гово-

¹ Здесь и в дальнейшем слова *говорить*, *сказать* используются в значении «сообщать устно или письменно», а слово *говорящий* — в значении «сообщающий».

² Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977, с. 75.

речь высоким книжным или деловым стилем. Несоблюдение этого закона, т. е. закона соответствия стиля содержанию, придает речи комический характер. Например: *Про маму папа говорит доверительно:*

— *Она у нас с тобой слабо активный товарищ по линии домашнего хозяйства. . .* (В. Кожевников).

Личность говорящего оказывает большое влияние на речь. По характеру речи человека, как правило, можно судить о его культурном уровне, возрасте, профессии, психологическому типу, настроении в момент речи и о многом другом. Такую особенность говорящих (самовыражение в речи) используют писатели для самохарактеристики персонажей. В комедии В. Маяковского «Клоп» разоблачению «совмещан» во многом способствует их речевая характеристика. Речь Присыпкина, Баяна и других персонажей производит комический эффект несуразным нагромождением штампов деловой речи, стилистически несочетаемыми словами, отступлением от норм словоупотребления, тогда как самим героям комедии представляется, что они говорят «культурно»:

Э л ь з е в и р а. Скрипочка, начнем?

С к р и п к и н. Обождать. Я желаю жениться в организованном порядке и в присутствии почетных гостей и особенно в присутствии особы секретаря завкома, уважаемого товарища Лассальченко. . . Во!

Г о с т ь (вбегая). Уважаемые новобрачные, простите великодушно за опоздание, но я уполномочен передать вам брачные пожелания нашего уважаемого вождя, товарища Лассальченко. Завтра, говорит, хоть в церковь, а сегодня, говорит, прийти не могу. Сегодня, говорит, партдень, и хочешь не хочешь, а в ячейку, говорит, поттить надо. Перейдем, так сказать, к очередным делам.

Ориентация речи говорящего на определенного слушателя наиболее отчетливо проявляется при непосредственном контакте — в разговоре. Например, взаимоотношения с собеседником (нейтральные, дружеские, неприязненные), отношение к собеседнику как к старшему по возрасту, служебному положению или равному диктует выбор языковых средств в таких формах волеизъявления, как: *Повтори немедленно, что ты сказал?! Повторите, пожалуйста, что вы сказали. Будьте любезны, повторите еще раз, что вы сказали.*

Назначение (цель) речи предопределяет использование таких языковых средств, как форма наклонения глагола, наличие или отсутствие эмоционально-сценочных слов и морфем и многое другое: *Вещи собраны* (сообщение). *Соберите вещи* (волеизъявление). *Как хорошо, что вещи уже собраны!* (эмоциональная оценка факта).

Все многообразие, связанное с ситуацией (обстановкой) общения, можно разделить на две группы: обстановка официальных отношений, в которой человек выступает как носитель общественных функций, и сфера неофициальных отношений — в быту, в семье. Сферу официальных отношений обслуживают книжные стили — научный, официально-деловой, публицистический, сферу неофициальных отношений — разговорный.

Официальная обстановка предъявляет к говорящему особые требования. Его речь должна быть не только точной, логически выдержанной, содержательно насыщенной, но и соответствовать общеязыковым и функционально-стилевым нормам. Говорящий, стремясь к воспроизведению в речи образцового варианта языка, заранее обдумывает свою речь. Поэтому в книжной речи в большей степени, чем в разговорной, проявляется сознательный подход говорящих к отбору и организации языкового материала.

Так, например, в научном докладе и в разговоре с коллегой может обсуждаться научная тема, но она будет иметь разное языковое воплощение.

В разговоре лингвистов: *И вот эта вот омонимия разрешается интонационно. Понимаете? Вот не на уровне словосочетаний, на уровне предложений она разрешается, эта омонимия, значит, интонационно. Да, именно, мы можем разграничить интонационно*¹.

В научном докладе: *Омонимичные формы разграничиваются не на уровне словосочетаний, а на уровне предложений, т. е. интонационно.*

Способ общения (канал связи) оказывает большое влияние на организацию речи, а следовательно, и на ее языковые характеристики. По характеру способа общения выделяются следующие типы речи: 1) акустическая (звуковая) и визуальная (зрительная); 2) контактная и дистантная; 3) одноканальная (только звуковая

¹ Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974, с. 25.

или только зрительная) и двухканальная (и звуковая, и зрительная). Так, например, разговор при непосредственном общении характеризуется как контактная двухканальная связь, а по телефону — дистантная акустическая связь. Одна и та же информация одним и тем же говорящим одному и тому же адресату речи передается различными языковыми средствами: в личной беседе, по телефону, в переписке. В контактном общении иногда достаточно указать на предмет, о котором идет речь, тогда как в дистантном его надо назвать и описать. Поэтому часть вербальной (словесной) информации говорящие заменяют жестами, телодвижениями, мимикой. Например, вместо того чтобы сказать «Да», можно кивнуть головой, вместо того чтобы сказать «Здравствуйте», можно протянуть руку или наклонить голову. Жестовый язык так же национально специфичен, как и язык звуков. Любое нарушение жестовой коммуникации воспринимается говорящими как отступление от норм разговорной речи. В научной и учебной литературе, особенно предназначенной для обучения иностранцев, описаны специфические жесты, сопровождающие или заменяющие речь в процессе общения на русском языке.

Отсутствие условия «видимый собеседник» оказывает существенное влияние на характеристику речи. Так, например, разговор по телефону нарушает естественность речи и оказывает влияние на отбор языковых средств. Он требует от говорящих ориентации на словесные, а не жестовые и мимические знаки, нельзя выдерживать длительные паузы, их приходится все время чем-то заполнять, иначе собеседник может предположить, что произошли технические нарушения связи.

Говорящие сознательно учитывают способ коммуникации и вырабатывают правила: так можно сказать, но так нельзя написать. Поэтому доклад на научной конференции и статья в журнале того же автора оказываются различными по характеру отобранных языковых средств.

В современном обществе, как отмечают социологи и лингвисты, люди стали чаще пользоваться устной речью там, где раньше могли только писать. Устная речь, благодаря техническим средствам, получила возможность фиксироваться, сохраняться и воспроизводиться так же,

как это раньше было свойственно только письменной речи. При этом внедрение звукозаписывающей аппаратуры позволяет переделывать, перерабатывать устную речь, придавать ей черты кодифицированной речи.

Итак, экстралингвистические факторы оказывают воздействие на речь, порождая ее варьирование в зависимости от тех или иных условий общения. Использование языковых средств в различных ситуациях трудно поддается типизации. Некоторые исследователи языка высказывают сомнение, «можно ли вообще предусмотреть характер употребления единиц данного языка различными его носителями с учетом всего разнообразия конкретных ситуаций общения и вполне научным описанием специфики и взаимодействия всего того многообразия функций, которые существуют, одновременно реализуются в каждом акте речевого общения»¹.

Чтобы предусмотреть характер употребления единиц данного языка, необходимо определить основную причину, вызывающую необходимость стилистического варьирования речи.

В истории стилистики варьирование речи объяснялось разными причинами, и соответственно выдвигались различные принципы классификации стилей.

Основоположник русской стилистики М. В. Ломоносов свою теорию «О трех штилях» разработал в основном применительно к языку художественной литературы, ее жанрам. Так, например, о высоком стиле говорится, что он «составляется из речений славеноросских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славенских. . . Сим штилем составлять должны героические поэмы, оды. . .»²

Три стиля выделил А. Х. Востоков в «Русской грамматике» (1834). Речь «по выбору слов, в нее входящих», А. Х. Востоков определял как книжную, просторечную (простонародную) и разговорную.

Стилистическая «триада» оказалась весьма перспективной для описания системы русского языка. Она используется не только при характеристике стилистической окраски языковых средств (стилистическая при-

¹ Ахманова О. С., Натан Л. Н. и др. О принципах и методах лингвистических исследований. М., 1960, с. 21.

² Ломоносов М. В. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке. — Полн. собр. соч., т. 7. М., Л., 1952, с. 589.

поднятость, сниженность или нейтральность), но и по отношению к самой речи. Так, современный исследователь русского языка М. В. Панов выделяет три языковых стиля: высокий, нейтральный и разговорный.

Другое направление в разработке проблем стилистики русского языка связано с именем А. М. Пешковского, который в любом высказывании выделял две функции, две цели: основную (сообщение) и добавочную.

Классификация типов речи (речевых стилей), основанная на специфике использования языково-стилистических средств для разных целей (функций) общения, получила широкое распространение в языкознании и привела к выделению в стилистике особого раздела — функциональной стилистики. При этом разные исследователи называют различные критерии для выделения как самих функций языка, так и порожденных этими функциями речевых стилей.

Наиболее обобщенной является система функциональных стилей, соответствующая таким важнейшим функциям языка, как функции общения, сообщения и воздействия, предложенная В. В. Виноградовым¹.

Подобным образом разграничены стили в учебнике «Практическая стилистика русского языка» Д. Э. Розенталя: разговорный (функция общения), научный и официально-деловой (функция сообщения), публицистический и литературно-художественный (функция воздействия)².

Классификация стилей, основанная на функциях языка, оказывается недостаточно четкой, поскольку текст, совмещающий несколько функций одновременно, можно отнести сразу к нескольким стилям.

В последнее десятилетие получило широкое распространение понимание функциональных стилей как таких разновидностей языка, которые порождены использованием его в различных сферах общественной деятельности — научной, официально-деловой, разговорной и других³.

¹ Виноградов В. В. *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. М., 1963, с. 6—7.

² Розенталь Д. Э. *Практическая стилистика русского языка*. М., 1974, с. 21.

³ См., напр.: Ахманова О. С. *Словарь лингвистических терминов*. М., 1966; Васильева А. Н. *Курс лекций по стилистике русского*

Наиболее четко и последовательно выделена зависимость отбора языковых средств от сферы общения в работах М. Н. Кожиной¹.

§ 54. Состав стилей современного русского литературного языка. Подстили и жанры

С т и л ь — это разновидность языка-речи, относительно замкнутая система, которая служит целям общения людей в той или иной сфере их деятельности. Научную сферу обслуживает научный стиль, деловую — официально-деловой, обиходно-разговорную — разговорный, а в сфере массовой информации используется публицистический стиль.

Для каждого стиля характерен определенный набор языковых средств с однотипной стилистической и функционально-стилевой окраской, а также наличие межстилевых (нейтральных) языковых средств. Взаимосвязь вне- и внутрилингвистических факторов формирует стиль. Говорящий знает, что в данной сфере общения тексты с таким содержанием и с такой целевой установкой надо строить так, а не иначе. Адресат речи (получатель) по языковым приметам угадывает, к какому стилю относится текст и каково примерно его содержание. Поэтому традиция в отборе и комбинировании языковых средств связывает определенный стиль с определенной сферой деятельности человека.

Функциональные стили — наиболее общая дифференциация языка, позволяющая обобщить все частные проявления зависимости языка от условий общения. Фактор функционирования языка, на основе которого выделяются функциональные стили, позволяет обосновать определенные закономерности специфического использования языковых средств в различных видах об-

го языка. М., 1976; Головин Б. Н. Язык художественной литературы в системе языковых стилей современного русского литературного языка. — В кн.: Вопросы стилистики, вып. 14. Саратов, 1978; Грановская Л. М. Стилистика современного русского литературного языка. Баку, 1971.

¹ Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968, с. 149—157; Она же. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972, гл. IV; Она же. Стилистика русского языка. М., 1977, с. 50—52.

щения. Так, например, условия научного общения требуют предельной объективизации языка, устранения всех ссылок на данный акт речи и на его участников. Это согласуется с устраненностью в научной речи местоимения первого лица единственного числа, заменой его авторским «мы», частотностью употребления неопределенно-личных и безличных конструкций, вневременным значением глаголов и т. п.

Стили разграничены не только наличием определенных особенностей (стилеобразующих черт), но и невозможностью включения в каждый стиль таких элементов, которые ему «не дозволены» (негативные черты стиля). Так, официально-деловому стилю противопоказано использование слов с суффиксами субъективной оценки, например: «рученька», «городишко», «беленький». Такие слова и выражения, как «разрядка», «ударная вахта», «широкие круги общественности», типичны для публицистики и редко используются в научном, официально-деловом и разговорном стилях.

Однако стили не являются замкнутыми системами, поэтому каждый стиль в определенных пределах допускает взаимопроникновение языковых элементов. Наиболее проницаемым в русском языке оказался публицистический стиль, менее проницаемым — официально-деловой. Так, научная терминология может встретиться и за пределами научного стиля. Например: *Ты сама себе диагноз поставила?* Разговорные элементы широко проникают в публицистический стиль. Например: *Заметную прибавку продуктов к народному столу способны дать подсобные хозяйства предприятий, личные хозяйства рабочих и служащих на селе* («Правда», 1981, 25 ноября).

Поэтому, рассматривая стилистическую окраску языковых единиц в их соотнесенности с функциональными стилями, можно говорить лишь об ограниченном или преимущественном использовании тех или иных стилистически окрашенных языковых средств в том или ином функциональном стиле.

Стили дифференцированы не только стилистически окрашенными языковыми средствами, но и нейтральными, составляющими основу любого функционального стиля. Содержательная направленность стиля обуславливает отбор тематически ограниченной группы слов.

Особенность лексического состава научного стиля и языка газеты отразили изданные в последние годы частотные словари русского языка¹. Частотные словари стилей отразили такую их характерную особенность, как различия в активности языковых единиц при употреблении в разных стилях. Данные, приведенные в статистических исследованиях русского языка², показали, что высокой стилеобразующей способностью могут обладать как широко используемые, так и малоупотребительные в различных видах речи языковые единицы. Для «опознания» стилей особенно большое значение имеют такие элементы языка, численность которых существенно отличается в разных стилях. Так, например, предлоги менее частотны в публицистическом стиле, чем в научном; союзы частотнее в художественной речи, чем в научной и публицистической. Глаголы страдательного залога являются стилеобразующими для научного стиля, а действительного залога — для публицистики.

Итак, языково-речевые функциональные стили представляют систему взаимообусловленных единиц всех языковых уровней, практическую реализацию коммуникативных задач общения в определенной сфере человеческой деятельности. Поэтому каждый стиль характеризуется совокупностью однородно и специфически окрашенных языковых средств, а также всех элементов языка, употребление которых обусловлено целью общения в данной сфере. Целевая установка в отборе всех языковых средств, а не только стилистически маркированных, и создает речевую системность каждого функционального стиля. Так, цельная взаимосвязанная система научного стиля порождена целью общения в научной сфере (необходимостью передать объективную научную информацию), а стержнем этой системы, определяющей отбор и сочетание элементов, является аб-

¹ Частотный словарь общенаучной лексики / Под ред. Е. М. Степановой. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1970; Полякова Г. П., Солганик Г. Я. Частотный словарь языка газеты. М., 1971; Денисов П. Н., Морковкин В. В., Сафьян Ю. А. Комплексный частотный словарь русской научной и технической лексики. М., 1978.

² См.: Головин Б. Н. Язык и стилистика. М., 1971; Он же. Вопросы статистической стилистики. — В кн.: Языковая норма и статистика. М., 1977.

страктивация. Поэтому в научном тексте частотны безличные конструкции, отсутствуют слова, выражающие эмоции. Все языковые средства, какими располагает данная сфера общения и употребление которых обусловлено нуждами общения в данной сфере, образуют взаимосвязанную структуру — речевую системность стиля.

Функциональные стили разграничены не только сферами общения, которые они обслуживают, но и типом языкового отбора.

Рассмотрим следующий пример:

— *Где книга?*

— *На столе. На письменном, вон там, с краю.*

— *Ты ее прочитал?*

— *Не-е-т. Не было времени.*

Содержание и назначение речи связано с общением (вопросо-ответное построение). Обстановка неофициальная (обращение на «ты»). Форма речи устная (письменная фиксация является вторичной). Диалог при непосредственном контакте собеседников (использование указательного жеста при словах «вон там»). Речь ранее не готовилась (спонтанная), в ней имеются нарушения норм построения предложения (присоединения: «На письменном...»). Структура неполных предложений (*Где книга?*) характерна для разговорного стиля, а пропуск слов — для диалогической речи (*На столе.*).

Фонетические особенности отражены на письме удлинением гласного «е» (*Не-е-т*), что характерно для неофициального общения. Данный текст и по сфере употребления, и по лингвистическим показателям относится к разговорному стилю.

Каждый из стилей имеет свои подстили. Если стиль — это общественно осознанная разновидность языка-речи, то подстиль — общественно-осознанная разновидность стиля. Как и стиль в целом, подстиль характеризуется совокупностью средств, их отбором и системно-речевой организацией, свойственной только данному типу текстов.

Разграничение всех стилей на подстили лишено единого основания, поскольку их дифференциация основана не на «базовых» (по терминологии М. Н. Кожинной) стилеобразующих факторах, а на дополнительных, специфичных для каждого стиля.

Специфика различных видов научного общения (характер адресата, цель) привела к выделению в научном стиле трех подстилей: собственно научного, научно-учебного и научно-популярного.

Разновидности публицистического стиля связаны прежде всего со спецификой средств массовой информации, с учетом которой оформляется публицистический текст. В этом стиле можно выделить газетно-публицистический, радио-, тележурналистский и ораторский подстили.

В официально-деловом стиле сложились подстили в зависимости от назначения текстов: собственно законодательный (язык законов), дипломатический (язык международных документов) и канцелярский (деловые бумаги).

Особенности разговорного стиля во многом зависят от обстановки общения — официальной (разговорно-официальный подстиль) и неофициальной (разговорно-бытовой подстиль).

Любой стиль, а следовательно и подстиль, реально существует как совокупность определенных типов текстов. Так, собственно научный — это доклад, монография, диссертация и т. д., а научно-учебный — это учебник, учебное пособие, семинарский доклад, курсовая работа. Каждый из этих типов текстов можно назвать жанром. Термин «жанр», традиционно применяемый для обозначения рода, разновидностей произведений в составе художественной литературы (поэма, лирическое стихотворение, роман, повесть и др.), в последнее время стал использоваться и по отношению ко всем функциональным сферам употребления языка¹. В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой жанр кроме литературоведческого определения имеет лингвистическое: «Жанр — это разновидность речи, определяемая данными условиями ситуации с целью употребления».

Специфика жанров, как и всего стиля в целом, порождена действием экстралингвистических факторов.

¹ См., напр.: Ризель Э. Г. К вопросу об иерархии стилистических систем и основных текстологических единиц. — Иностр. яз. в школе, 1975, № 6, с. 10.

Так, например, протокол, акт порождены потребностью общества в делопроизводстве.

Хотя языковые средства не закреплены, как правило, за определенным жанром, однако сам их отбор и организация создают специфику каждого жанра. Так, в газетно-публицистическом подстиле жанровая форма передовой статьи существенно отличается от репортажа, очерка, фельетона не только в структурно-композиционном отношении, но и по ряду лексических и грамматических признаков.

Жанры образуют систему только в рамках определенного стиля. Они объединяются и противопоставляются на основе таких особенностей, которые присущи стилю в целом. Поэтому каждый жанр представляет собой своеобразное видоизменение функционального стиля.

Внутри жанра некоторые исследователи выделяют внутрижанровые разновидности. Так, в теории газетных жанров рассматриваются следующие виды очерка: зарисовка (малая форма очерка), портретный, событийный, проблемный, путевой очерки. В таком жанре официально-делового стиля, как объявление, специфическую группу текстов составляют рекламы.

Тексты, относящиеся к одному и тому же жанру, можно объединить в определенные группы — внутрижанровые разновидности. Однако до настоящего времени ни сами жанры функциональных стилей, ни их внутрижанровые разновидности в русском языке еще полностью не описаны. Относительно «повезло» газетно-публицистическим жанрам¹, жанрам делового стиля², в последние годы появляются работы, посвященные описанию жанров научного стиля³.

Любой жанр состоит из текстов (высказываний), соотносимых с определенным актом речи. Каждый текст на основе содержания, структурно-композиционного оформления и характерных языковых особенностей можно соотнести с определенным стилем, подстилем и жанром. Так, например, даже незаконченное высказы-

¹ Вакуров В. Н., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978.

² Иссерлин Е. М. Официально-деловой стиль. М., 1970.

³ Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976.

вание «Мы, нижеподписавшиеся...» (название пьесы А. Гельмана) имеет приметы официально-делового стиля, канцелярского подстиля, жанра акта.

Но каждый текст индивидуален в большей или меньшей степени. Текст отражает характер личности автора, поскольку в конечном счете только говорящий решает проблему выбора языковых средств из ряда возможных. Чем более кодифицирован (нормирован) стиль и жанр, тем меньше возможностей у говорящего проявить свою индивидуальность и тем резче обозначены типичные черты, присущие стилю и жанру. Например, многие жанры деловых бумаг вообще не допускают варьирования. Хроникальная информация (жанр газетно-публицистического стиля) лишена индивидуально-стилистических особенностей. Все творчество пишущего заключается в умелом варьировании готовых речевых форм и комбинировании их.

Однако большая часть текстов, особенно публицистического стиля, несет печать индивидуальности их авторов. Поэтому так различны по стилю очерки А. Аграновского и М. Шагинян, фельетоны Л. Лиходеева и Г. Рыклина, выступления политических обозревателей В. Зорина и Ф. Сейфуль-Мулюкова.

Итак, функционально-стилистическая система современного русского литературного языка складывается из особенностей, свойственных функциональному стилю, подстилю и жанру. Каждая из этих стилистических категорий находит реализацию в конкретных текстах, а в целом представляет собой научную абстракцию. Такой абстракцией высшего порядка является функциональный стиль, низшего — жанр. Функциональный стиль определяет общую установку на отбор и организацию речевых средств. Подстиль эту установку конкретизирует в соответствии с частными условиями и задачами общения, а жанр диктует свои законы выбора языковых средств, ограничивая их соответствие конкретным условиям и законам жанровой формы. Только в тексте происходит материализация, воплощение стилистических ресурсов русского языка с учетом соответствия формы содержанию, целям, условиям, в которых осуществляется данный акт речи. Поэтому материальной единицей стилистической структуры языка является отдельное речевое произведение, а ее типизацией — стиль и под-

стиль. Эту иерархию стилистической структуры можно представить в следующей схеме:

речевое произведение
жанр
подстиль
стиль
язык

Показатели нескольких стилей могут сосуществовать в одном тексте. Имеются смешанные стилевые жанры. Например, в критической статье совмещены два стиля — научный и публицистический, в рецензии — научный и деловой. Но чаще всего один из стилей выступает в качестве главного, а на его фоне проявляются элементы «чужих» стилей.

Функциональные стили сложились из потребности общества в дифференциации языковых средств в зависимости от той социальной сферы, которую язык обслуживает. Функциональный стиль отражает характерный для этой сферы тип мышления. Поскольку эти экстралингвистические факторы являются общими для всех языков, постольку в разных языках реализуются одни и те же требования к речи, обслуживающей определенную сферу. Но при реализации в каждом языке они имеют свои особенности, обусловленные системой языка. Так, например, подчеркнутая языковыми средствами связность научного текста в языках с закрепленным порядком слов в предложении будет иная, чем в языках, допускающих их свободное варьирование. Стремление к лаконичности, устранение избыточности словесных единиц текста может реализоваться разными средствами даже в близкородственных языках.

Сопоставительная стилистика остается наименее исследованной областью в сопоставительно-типологическом описании языков. Она требует предварительной большой работы по описанию конкретных языков в одном аспекте. Существующие в настоящее время описания стилистической системы языков народов СССР отличаются большим разнообразием приемов и методов, что затрудняет их сопоставление в функционально-стилистическом плане. Автор сопоставительной стилистики русского и белорусского языков М. Г. Булахов отме-

чает: «При нынешнем состоянии научной разработки стилистики белорусского языка мы еще не можем дать систематического сопоставления всех стилей (научного, делового, публицистического и др.) двух языков»¹.

Функционально-стилистическое сопоставление двух и более языков имеет не только большое теоретическое, но и практическое значение: такое описание необходимо переводчикам, преподавателям вузов, учителям школ.

§ 55. Разговорный и книжный стили. Две формы реализации стилей — письменная и устная

Функциональные стили по ряду признаков неоднородны и находятся между собой в отношениях большей или меньшей близости. В числе признаков, дифференцирующих одни стили и сближающих другие, могут быть как экстралингвистические, так и собственно лингвистические показатели стилей. По совокупности этих признаков противопоставлены две группы стилей: **книжные** (научный, официально-деловой и публицистический), с одной стороны, и **разговорный** — с другой.

Разграничение книжных и разговорного стилей основано на таких особенностях, которые имеют характер преимущественного, но не обязательного условия. Так, книжные стили используются почти исключительно в обстановке официального общения, в виде монолога в письменной форме. Книжная речь заранее продумывается, «подгоняется» под нормы литературного языка, поэтому книжный стиль отражает особенности кодифицированной речи, т. е. речи, подчиненной законам литературного языка. Стилистически окрашенные языковые средства в этом типе речи, как правило, относятся к книжным пластам лексики, фразеологии и грамматики. Стиль произношения — книжный или нейтральный.

Разговорный стиль используется в семейно-бытовой, т. е. неофициальной, сфере общения, в виде диалога, в

¹ Булахов М. Г. Основные вопросы сопоставительной стилистики русского и белорусского языков. Минск, 1979, с. 4.

устной форме. Разговорная речь заранее не готовится — она спонтанна, поэтому в ней частотны повторы, самоперебивы, паузы, различные отклонения от норм литературного языка. Стилистически окрашенные языковые средства в этом типе речи, как правило, относятся к разговорным пластам лексики, фразеологии и грамматики. Стил ь произношения — разговорный или нейтральный.

Сравним два текста:

1. Лингвистика является наукой, лишь поскольку она овладевает своим предметом — языком. Язык лингвистики определяется чисто лингвистическим мышлением. Единичное конкретное высказывание всегда дано в ценностно-смысловом культурном контексте — в научном, художественном, политическом и ином, или в контексте единичной лично-жизненной ситуации; только в этих контекстах отдельное высказывание живо и осмысленно: оно истинно или ложно, красиво или безобразно, искренне или лукаво, откровенно, цинично, авторитетно и пр., — нейтральных высказываний нет и быть не может; но лингвистика видит в них лишь явления языка, относит их лишь к единству языка, но отнюдь не к единству познания, жизненной практики, истории, характера лица и т. п. (М. М. Бахтин).

2. — Что, Москва нравится?

— А я ее вижу, Москву? До вечера на работе, потом в магазин, купишь чего-нибудь поесть, придешь в общежитие, поешь — уже девять часов... Это если в клинике все в порядке.

— А если не в порядке?

Павел Синюков отвечает:

— Тогда все ясно. Остаешься. Бывает — до шести, бывает — до восьми вечера. Бывает — вместе с дежурной бригадой на ночь. Это же мой больной, куда уйдешь? (А. Грич).

Все особенности первого текста связаны с содержанием и целью общения — передача научной информации, а второго — с бытовым общением; монолог и диалог, логически продуманное научное сообщение и обмен репликами, которые формируются в акте речи; речь, рассчитанная на читателя, и речь, рассчитанная на слушателя; использование книжной лексики, в том числе

терминов, и слова разговорные; сложные синтаксические построения и простые, неполные предложения.

В этих текстах представлены «идеальные» образцы соответствия стилей их общепризнанным нормам и обычным формам реализации. Однако в реальной речевой практике возможны различные случаи нарушения таких соответствий. Так, например, научная дискуссия, как правило, строится по законам диалогической речи, а письмо к другу оформляется как письменный монолог; в разговоре на специальную научную тему используются книжные слова, а в публицистике нередко разговорные элементы. Такое нарушение привычных соответствий, если оно не обусловлено специальным стилистическим использованием, может восприниматься как ошибка. Так, например, в рассказе Ю. Трифонова «Обмен» один из персонажей — Дмитриев — не может спокойно воспринимать речь своего тестя из-за обилия в ней книжных, «красивых» слов: *В этом отношении, Ксения Федоровна, я вам скажу от себя следующую аксиому. Или: Я никогда не был техническим исполнителем отца и от Елены требовал аналогичного.*

Это происходит потому, что в книжных стилях книжная стилистическая окраска слов и форм как бы не замечается, нейтрализуется, т. к. является нормой этих стилей, тогда как в разговорном она усиливается. Поэтому разговорные слова в книжных стилях и книжные в разговорном, как правило, экспрессивны.

Книжная речь в диалоге, а разговорная — в монологе сближаются по своим показателям, соответственно первая — с разговорным, а вторая — с книжными стилями.

Большое значение для характеристики речи имеет форма ее реализации — письменная, специфичная для книжных стилей, устная — для разговорного.

Иллюстрацией различий в структуре письменного и устного сообщения, с одной стороны, а с другой — взаимопроникновения элементов книжного и разговорного языка может служить язык телевизионных передач. Так, сопоставление подготовленного письменного текста с реально прозвучавшим в передаче показывает, что лексико-фразеологические различия в письменном и устном текстах почти отсутствуют, тогда как в синтаксическом отношении устный текст подвергся значитель-

ным изменениям. В нем появились свободно присоединяемые ряды простых предложений (вместо подчинительных конструкций), изменился порядок слов в предложении (вынос нового в начало фразы), увеличилось количество вводных конструкций и т. п.

Текст публичной лекции строится также непременно с учетом ее устного воспроизведения. Существуют специальные рекомендации о том, как приблизить книжную речь к условиям живого общения со слушателем.

Разговорная речь в письменной форме используется в том случае, когда отсутствует непосредственный контакт между собеседниками (например, в письмах); как отражение разговорного стиля на письме воспринимается речь персонажей художественного произведения, стилизация под устные рассказы (например, рассказ И. Тургенева «Первая любовь», большая часть рассказа М. Шолохова «Судьба человека»). Однако стиль, проявленный не в «своей» форме, отражает черты «чужого» стиля. Так, в устной форме книжного стиля в той или иной степени отражаются черты разговорного, а в письменной форме разговорного — черты книжного стиля. Поэтому бытовой разговор, воспроизведенный в письме, неизбежно окажется лаконичнее самого диалога: в нем будут устранены все повторы, заполнители пауз, существенно может измениться лексика, обязательно перестроены окажутся синтаксические конструкции.

Группировка стилей на книжные и разговорный основывается не только на дифференцирующих признаках, названных выше. Большое значение имеют также особенности, которые свойственны внутренней организации речевой структуры текста: собирательность, метафоричность, аналитичность и некоторые другие¹. На основе этих признаков в составе групп сближаются одни стили и разграничиваются другие. Так, научный и официально-деловой стили имеют много общестилевых черт, на основании которых они противопоставляются публицистическому стилю. Например, выражение эмоционально-экспрессивных и оценочных значений для публицистического стиля является ведущей чертой,

¹ Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка, М., 1976, с. 60.

тогда как в научном и официально-деловом стилях языковые средства с таким значением употребляются сравнительно редко. В научном и официально-деловом стилях отсутствуют элементы с яркой стилистической окраской из иных стилей, а в публицистическом отмечается экспансия всех стилей, в том числе и разговорного. Стандартизация языка свойственна всем книжным стилям, но публицистический и в этом отношении значительно отличается от научного и делового — в нем свои стереотипы. Однако противопоставленность внутри книжных стилей проявляется не так отчетливо, как между книжными и разговорными стилями.

1. НАУЧНЫЙ СТИЛЬ

§ 56. Общая характеристика научного стиля

Научный стиль обслуживает сферу науки, т. е. сферу человеческой деятельности, функцией которой является выработка и теоретическое осмысление объективных знаний о действительности. Как способ освоения действительности наука отличается стремлением к максимально обобщенному, объективному, обезличенному знанию. Науку характеризует интеллектуально-понятийный образ мышления.

Эти особенности научного познания воплощаются в содержании и отражаются в языковой форме научных произведений. Содержанием научных произведений являются идеи и факты, законы и категории, открытые учеными.

Ранние научные произведения создавались в жанрах трактатов, диалогов, рассуждений и даже поэтических произведений (оды и поэмы). Современными формами научных текстов являются монографии, статьи, доклады, сообщения, рецензии, описания (очерки), рефераты, авторефераты, тезисы докладов и сообщений, отчеты о научно-исследовательской работе, диссертации.

Научно-техническая революция середины XX века вызвала «информационный взрыв» — поток научных публикаций. Это обусловило необходимость до минимума сокращать объем статей, сообщений, докладов, пуб-

ликуемых в периодических изданиях. Увеличивается издание тезисов и кратких сообщений. Уменьшение объема научного текста потребовало выработки особых приемов устранения в нем избыточности — приемов компрессии.

Выделилась в самостоятельный вид научных произведений научно-информационная литература. Ее содержанием является переработка первичных научных публикаций в виде библиографических описаний, рефератов, сокращенных публикаций или обзоров. Получают распространение научно-справочные издания.

Кроме собственно научных текстов, написанных специалистами и рассчитанных на специалистов, существуют научно-популярные и научно-учебные произведения. Научно-популярные произведения пишутся не только специалистами в данной научной области, но и журналистами, писателями; они рассчитаны на распространение знаний среди широких слоев населения. В научно-популярных произведениях свой стиль изложения. Учебно-научные произведения рассчитаны на обучение специальности. Содержание и стиль учебников и учебных пособий, учебных лекций приспособлены к задачам и условиям обучения.

Научный стиль отражает те особенности научного познания и научного мышления, которые находят отражение в языковой форме, т. е. в определенном отборе и организации языкового материала.

Цель научного произведения — доказать истинность выдвинутой гипотезы. Поэтому все языковые средства в научном тексте направлены на реализацию двух задач: информативной и воздействующей. Но в отличие от публицистического стиля, сила воздействия научного текста непосредственно зависит от того, насколько доказательны аргументы, приводимые автором, насколько логично, ясно и точно изложено содержание в научном тексте.

Такие качества, как логичность, ясность, точность, не являются спецификой только научной речи. Они необходимы и деловому языку, и публицистическому, желательны и в разговорном. Однако в научном стиле эти качества являются требованием самой науки, без этих качеств научное произведение не может существовать.

Л о г и ч е с к о с т ь — это последовательность расположения всех единиц текста и наличие смысловых связей между ними. Последовательностью обладает только такой текст, в котором выводы вытекают из содержания, они непротиворечивы, а текст разбит на отдельные смысловые отрезки, отражающие движение мысли от частного к общему или от общего к частному.

Рассмотрим логическую структуру текста:

В любом языке мира насчитываются тысячи, десятки тысяч, а то и сотни тысяч различных слов, как, например, в русском, английском, немецком, французском и других языках, имеющих давнюю письменную традицию. Все слова не знает даже носитель языка (вряд ли кто из русских знает значение тех четырехсот сорока тысяч слов, что собраны в академической картотеке Института русского языка).

Значит, изучая иностранный язык, мы должны заучить не все, а самые нужные, самые важные слова. Именно их должен включать словарь-минимум, который прилагается почти к каждому учебнику языка. Но тут возникает вопрос: сколько же слов должно быть в этом словаре-минимуме?

Одни специалисты полагают, что для чтения учебного текста достаточно и семисот пятидесяти слов, а при запасе в две с половиной тысячи можно читать простой неадаптированный текст с помощью словаря. Другие называют тысячу восьмьсот — столетних слов, по их мнению, достаточно, чтобы понимать речь на чужом языке и вести на нем повседневное общение (А. М. Кондратов).

Весь текст служит ответом на вопрос: сколько нужно знать слов? Последовательность подачи материала выделена графически — абзацами. Каждый абзац имеет свою тему: сколько вообще слов в языке? можно ли их все выучить? сколько слов в словаре-минимуме? Смысловая связь между частями текста отражена в формальных ее показателях. Второй абзац начинается со слова *значит*, которое подчеркивает причинно-следственный характер отношений между первым и вторым. Третий и четвертый абзацы являются ответами на вопрос, заключенный во втором: сколько слов должно быть в словаре-минимуме?

Связаны между собой не только абзацы, но и более мелкие части текста — предложения внутри каждого из них. Например, во втором абзаце слова «именно их», «но тут» отсылают к предыдущим предложениям.

Научный стиль располагает большим запасом средств связи самостоятельных предложений и отдельных информативных частей текста.

Для связи частей текста используются специальные средства (слова, словосочетания и предложения), указывающие на последовательность развития мыслей (*вначале, потом, затем, прежде всего, предварительно* и др.), на связь предыдущей и последующей информации (*как указывалось, как уже говорилось, как отмечалось, рассмотренный* и др.), на причинно-следственные отношения (*но, поэтому, благодаря этому, следовательно, в связи с тем что, вследствие этого* и др.), на переход к новой теме (*рассмотрим теперь... , перейдем к рассмотрению... и др.*), на итог, вывод (*итак, таким образом, в заключение укажем, что... и др.*), на близость, тождественность предметов, обстоятельств, признаков (*он, тот же, такой, так, тут, здесь* и др.).

Ясность как качество научной речи предполагает понятность, доступность. Поэтому собственно научные, научно-учебные и научно-популярные тексты отличаются как по отбору материала, так и по способу его языкового оформления.

Сопоставим несколько научных текстов:

I. «Ездовой», морфологически возводимый к «ездить», семантически является индикатором агентивной валентности «возить». По сравнению со словами «ездок» и «наездник» более сложное по структуре, это производное объективирует связь немаркированных категорий в составе противопоставленных биномов (Е. Л. Гинзбург. Словообразование и синтаксис).

II. Сопоставляя родственные слова *лес — лесной, лесок, лесозаготовки, обезлесить; ... серебро, серебряный, серебристый*, можно отметить в них одинаковые по значению части *лес-, серебр-*. Сопоставляя ряд одинаково построенных слов *серебряный, глиняный, кожаный, стеклянный, ...* также можно выделить части одинакового значения *-ан-(-ян-), -яни-* и *-ый*. Каждая из частей *-ан-(-ян-), -яни-* обозначает

отношение к тому, что названо в первой части слова (отношение к веществу, материалу), часть **-ый** в каждом слове имеет свои более отвлеченные значения (значение мужского рода, ед. числа, им. падежа прилагательных). Такие значимые части слова принято называть **морфемами**. (Современный русский язык. Ч. 1. Под ред. Д. Э. Розенталя.)

III. Наше «анатомическое» путешествие внутрь слова мы можем начать с «разреза», а затем и анализа предлога *внутри*, имеющего омоформного двойника — наречие (ср. *находиться внутри комнаты* и *находиться внутри*).

Неказистое и ничем не примечательное как будто слово поставит перед нами не один вопрос и окажется в конце концов любопытным и интересным.

Начнем с самого элементарного и необходимого — с разбора предлога «внутри» по составу. Членится ли он на морфемы? Если членится, то на какие? (Н. М. Шанский. В мире слов.)

Первый текст относится к собственно научному стилю. Насыщенность терминами лингвистики (*морфологически, семантически, агентивный*), терминами, которые используются и в других науках (*индикатор, валентность, структура, немаркированная категория, бином*), книжной лексикой и выражениями (*возводимый, объективирует связь, противопоставленных*), не имеющими широкого, общезыкового употребления, делает этот текст непонятным для неспециалистов, его необходимо «перевести», чтобы понять: слово *ездовой* по образованию связано со словом *ездить*, но по своему значению и употреблению близко к слову *возить*, т. е. обозначает человека, который не ездит, а возит.

Во втором тексте, взятом из учебника русского языка для вуза, термин «морфема» вводится как обобщение наблюдений над отдельными ее проявлениями в словах. Такая логическая последовательность расположения материала — от частного к общему — наиболее широко используется в дидактических целях.

Третий текст взят из пособия для учителя, написанного живо, увлекательно, в стиле научно-популярной литературы. Близость этого стиля к художественному отразилась в насыщенности текста образными средствами — метафорами, эпитетами, в использовании олице-

творений (*путешествие внутрь слова, неказистое слово* и др.). В нем использованы термины лингвистики «предлог», «омоформный», «наречие», «морфема», которые не объясняются, так как должны быть известны читателю (учителю русского языка). Наряду с терминами и книжными словами и оборотами (*поставить вопрос, членится*) использовано разговорное *неказистый*.

В синтаксическом отношении первый текст оказывается значительно сложнее, чем второй и третий.

Изобразительные качества третьего текста направлены на повышение внимания к содержанию. Этому же служит и цепь вопросительных предложений, необычное использование слов *анатомическое* и *разрез*. Первый и второй тексты не содержат элементов «интимизации» описания, они предельно объективны.

Третье качество научной речи — **т о ч н о с т ь** — предполагает однозначность понимания, отсутствие расхождения между означаемым и означающим. Поэтому в собственно научных текстах, как правило, отсутствуют образные, экспрессивные средства; слова используются преимущественно в прямом значении, частотность терминов также способствует однозначности текста.

Жесткие требования точности, предъявляемые к научному тексту, делают почти невозможным использование в нем образных средств языка — метафор, эпитетов, художественных сравнений, пословиц и т. п. Однако такие средства могут проникать в научные произведения, т. к. научный стиль стремится не только к точности, но и к убедительности, доказательности. Образные средства во многих случаях необходимы и для реализации требования ясности, доходчивости изложения.

В силу своей малой употребительности образные средства в научном тексте непредсказуемы, всегда неожиданны. Поэтому они оказывают сильное впечатление на читателя или слушателя, так как активизируют не только интеллектуально-понятийное, но и образное мышление. Эти качества особенно необходимы научно-популярным и научно-учебным произведениям, поэтому именно в этих текстах образные средства используются особенно часто. Так, например, исключительной образностью отличается язык учебника М. В. Панова «Современный русский язык. Фонетика» (1979). Вот некоторые примеры: *Письмо — одежда устной речи* (с. 5). *Вот пор-*

трет слова (с. 63). Некоторые метафоры и сравнения образуют целую картину: звонок телефона, красный цвет пожарной машины, светофора — знак языка (с. 8—9). У какого-то слова было две падежные формы, например, одна — для именительного падежа, другая — для всех косвенных. Вторая форма исчезла, перестала употребляться. Сколько падежных форм у слова? Ответ: ни одной, оно не изменяется по падежам. «Без племянников человек не дядя» (с. 7).

Эмоциональность, как и экспрессивность, в научном стиле, который требует объективного, «интеллектуального» изложения научных данных, выражается иначе, чем в других стилях. Восприятие научного произведения может вызывать определенные чувства у читателя, но не как ответную реакцию на эмоциональность автора, а как осознание самого научного факта. Хотя научное открытие воздействует независимо от способа его передачи, сам автор научного произведения не всегда отказывается от эмоционально-оценочного отношения к излагаемым событиям и фактам. В наиболее значительных в смысловом отношении частях текста могут появиться такие языковые средства, которые открыто выражают авторское отношение, авторские эмоции. Так, известный исследователь стилистики русского языка М. Н. Кожина в своей статье «О некоторых вопросах диахронической стилистики»¹, сопоставляя книги двух разных авторов пишет: «Цели и задачи у авторов одинаковые, сфера общения — та же, предмет речи и содержание одни и те же, одинаков и жанр произведения. Но при всем том какое различие!» Это восклицание «выдало» эмоции автора: удивление, восхищение самим фактом. Эта «открытость» оказывает большое воздействие и на читателя, вызывая ответную реакцию. Таким образом, выражение чувств языковыми средствами в научном стиле воспринимается как отступление от норм стиля и потому особенно значимо. В научном тексте имеются свои приемы ввода эмоциональных и экспрессивных языковых единиц. Сначала автор излагает свою мысль в понятийных категориях, а затем переводит ее в эмоционально-экспрессивный план. Сочетание поня-

¹ См. кн.: Лингвостилистические исследования научной речи. М., 1979, с. 12—36.

тийного и образного вызывает у читателя ответную реакцию — «сомышление» и сопереживание.

Отсутствие открыто выраженной эмоциональности в научном тексте связано и с такой его особенностью, как ограниченность авторского, личностного начала. В научной литературе отмечается тенденция к сокращению употребительности местоимения *я* и соответствующих ему личных форм глагола. При необходимости называть говорящего в научном тексте обычно используется первое лицо множественного числа *мы*, слово *автор*, безличные конструкции, неопределенно-личные предложения, страдательные обороты и т. п.

Типичными конструкциями в научной речи являются, например, такие: *можно признать, следует добавить, как было сказано, опыты показали, необходимо сделать вывод, думается, когда мы говорим, автор считает* и некоторые другие.

Стремление к ограниченному использованию авторского «я» — это не дань этикету, а проявление отвлеченно-обобщенной стилевой черты научной речи, отражающей форму мышления. Отвлеченно-обобщенный, абстрагирующий характер мышления проявляется в научной речи на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Например, в лексике — широкое использование слов с отвлеченным значением, частотность слов, обозначающих широкое понятие (*множество, система, структура*), в морфологии — устраненность конкретного временного плана глагола, в синтаксисе — использование безличных и неопределенно-личных предложений, страдательных оборотов и т. п. Поэтому отсутствие морфологически выраженного авторского «я» не является обязательной чертой любого научного текста. Во многом это зависит от индивидуального стиля пишущего, от сознательно выбранной манеры изложения. Так, известный советский ученый Р. А. Будагов в предисловии к своей книге «Филология и культура» (1980) отмечает: «В настоящее время автор пишет от первого лица, в более ранних работах — от первого лица множественного числа».

Наиндивидуальный характер научной речи связан и с тенденцией к стандартизации. Она проявляется как по отношению к структуре всего текста, так и к использованию в нем языковых средств.

Многие виды описательных текстов строятся по установившемуся строгому стандарту, отступать от которого не рекомендуется.

Так, например, научная статья начинается с изложения истории вопроса, обоснования актуальности выбора объекта исследования, определения задачи и метода исследования. В главной части содержатся факты, полученные в результате исследования, их систематизация, объяснение. В третьей части формируются выводы как следствие того, о чем было сказано во второй части, содержится заключение — краткое повторение основных положений работы. Статья обычно заканчивается списком литературы, а также в отдельных случаях приложением — иллюстрациями.

Композиционная схема аннотации еще более жесткая, что объясняется той целью, которая перед ней стоит: кратко информировать читателя о теме и содержании работы. Например, аннотация к книге А. С. Молина «История Земли»:

В книге излагаются современные сведения о всех 4,6 млрд. лет истории Земли — о росте ядра и эволюции ее оболочек, происхождении и эволюции атмосферы и гидросферы, образовании и эволюции океанической и континентальной земной коры, геологических периодах последних 600 млн. лет истории Земли.

Специальные главы посвящены истории жизни на Земле, палеомагнитным данным об обращениях полярности земного магнитного поля, данным об образовании и распаде суперконтинентов и движении континентов и полюсов и, наконец, истории климата, включая ледниковые периоды. Библ. назв. — 58, табл. — 11, рис. — 81.

Имеются определенные правила оформления композиционных частей автореферата диссертации и требования к содержанию этих частей.

Стандартизация структуры текста поддерживается и стандартностью языкового оформления. Чем выше требования стандарта и композиции, тем чаще используются языковые стандарты. Так, например, в автореферате диссертации: *цель работы — дать новый материал, способствовать изучению . . . ; автор основывается на выводах . . . ; научная значимость работы состоит в*

том . . .; ход и результаты работы были обсуждены . . . и т. д.

Научные тексты оформляются в виде отдельных законченных произведений, структура которых подчинена законам жанра. Можно выделить следующие жанры научной прозы: монография, журнальная статья, рецензия, учебник (учебное пособие), лекция, доклад, информационное сообщение (о состоявшейся конференции, симпозиуме, конгрессе), устное выступление (на конференции, симпозиуме и т. д.), диссертация, научный отчет. Эти жанры относятся к первичным, т. е. созданным автором впервые. К вторичным текстам, т. е. текстам, составленным на основе уже имеющихся, относятся: реферат, автореферат, конспект, тезисы, аннотация. При подготовке вторичных текстов происходит свертывание информации в целях сокращения объема текста.

К жанрам учебно-научного подстиля относятся: лекция, семинарский доклад, курсовая работа, реферативное сообщение.

Жанровое разнообразие научного стиля соответственно отражается на отборе и функционировании языковых единиц. При этом одни жанры замкнутые, более стандартные (например, рецензия), другие допускают варьирование в зависимости от того, какую конкретную цель преследует данное произведение, для какой аудитории предназначается и т. п. Так, например, журнальная статья может содержать описательный материал, носить полемический характер, заключать обзор литературы. Статьи-обзоры также могут быть различными в зависимости от объема материала, задач и т. п.

Некоторые жанры закреплены за письменной формой (монография, статья и т. п.), другие — за устной (лекция, доклад и т. п.), но все устные жанры могут проявляться и в письменной форме. Например, доклад может быть прочитан и напечатан. Все научные сообщения готовятся заранее и обычно читаются по письменному тексту (отсюда и употребление слова *читать*: *читать доклад, лекцию* и пр.).

Современные научные произведения представлены главным образом в форме *м о н о л о г а*. Монологическая форма в наибольшей степени соответствует содержанию и задачам научных произведений.

В научной речи представлены все три основных типа монолога: описание, повествование и рассуждение. Кроме этих трех типов, характерных и для других книжных стилей, некоторые авторы, например М. Н. Кожина¹, выделяют четвертый тип, характерный только для научной речи — критико-полемический. Это такой способ изложения, который направлен на оценку различных точек зрения и отстаивание своей. Монолог — главная, но не единственная форма научного стиля.

Научный диалог, по сравнению с монологом, имеет ряд преимуществ: 1) он позволяет оперативно обмениваться суждениями по тем вопросам, по которым в науке нет однозначного решения; 2) дает возможность свободно переходить от изложения одной мысли к другой, даже без видимых связей между ними. Поэтому научный диалог — более свободная, раскованная форма, не требующая такого строгого подчинения законам научного стиля, как монолог.

Исследователи современного научного стиля² выделяют несколько видов научного диалога: 1) интеллектуальная беседа, 2) научная дискуссия, 3) монография, построенная по схеме диалога, 4) элементы диалога в монологическом повествовании.

Беседа в зависимости от обстановки может быть более или менее официальной. Например, разговор о проблемах творчества между близко знакомыми в домашней обстановке и беседа на ту же тему в официальной обстановке. Существенно различен стиль научной диалогической речи в устной и письменной формах.

В диалоге отражаются основные черты научного стиля, которые свойственны и произведению монологической формы. Однако в диалоге они имеют специфическое проявление, обусловленное особенностями его построения.

Так, логичность в диалоге — это не «последовательно развивающаяся нить изложения» (М. Н. Кожина), проходящая через весь текст, а соединение высказываний, подчиненных одной теме, но иногда прямо проти-

¹ Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972, с. 93—95.

² См.: Славгородская Л. В. О логико-смысловых связях в научном диалоге. — В кн.: Лингвостилистические исследования научной речи. М., 1979, с. 257—262.

воположных по смыслу. Это отличие научного монолога от диалога наглядно продемонстрировала Л. В. Славгородская следующим образом: «...если в связном монологическом тексте мы говорим, что этот предмет черный, то мы не можем без всякого объяснения тут же заявить, что он белый», но «не будет ничего противоестественного, если обратное будет утверждать наш собеседник»¹.

Существенным отличием научного диалога от научного монолога является предельная выраженность в нем авторского «я». Это конкретное лицо, выступающее от своего имени.

Поэтому диалогическая научная речь обладает такими качествами, которые противопоставлены строго научному стилю: эксплицитно (внешне) выраженная эмоциональность и экспрессивность, включение элементов сниженных стилистических пластов. Рассмотрим отрывок из дискуссии писателя Эльчина и критика В. Коробова о роли сюжета в современной прозе («Литературная газета», 1979, 22 авг.).

В. К о р о б о в. Что же получается? Писатель, не думай о читателе?! Читатель поглощает книги, написанные плохо, которые изготавливают ловкие люди, причем с учетом читательских потребностей — с использованием динамичного сюжета, приключений и т. п., а прекрасные мастера современной прозы пишут для избранных?! Серьезная, настоящая литература может уйти от своего читателя. Дайте хороший сюжетный роман — подлинную прозу, тем самым вы воспитаєте и взыскательный вкус. Почему, к примеру, пользуется таким широким успехом роман Ч. Амирэджиби «Дата Туташхиа»? Да потому, что он, кроме всего прочего, отлично сюжетно скомпонован: читается он, как самый захватывающий детектив. Но ведь дело не ограничивается только тем, что автор ведет нас по лабиринтам царской охраны и т. п. «Дата Туташхиа» — роман философский, поднимающий вечные проблемы соотношения добра и зла в человеческом поступке, нравственного и безнравственного, и герой его — герой прежде всего действующий. . .

¹ Славгородская Л. В. Указ. соч., с. 259.

Несогласие критика с высказанным ранее взглядом Эльчина о том, что занимательность — не цель писателя, выражено предельно эмоционально: цепь риторических вопросов (в тексте одновременно использовано два знака — вопросительный и восклицательный), вопросо-ответная форма («Почему, к примеру, пользуется таким широким успехом...?» «Да потому, что он...») и другие характерные черты «эмоционального» синтаксиса.

Научный диалог по некоторым показателям сближается с разговорным, чему способствует не только его построение, но и условия, в которых он используется: устное, контактное общение. Влияние разговорного стиля на научный диалог особенно ощутимо в области синтаксиса: неполные предложения, повторы, подхваты и др. Менее заметно это влияние на лексическом и морфологическом уровне, однако и здесь оно неизбежно возникает. Названный диалог-дискуссия включил следующие разговорные элементы: *думаю даже, я не говорю уж, а ведь, в том-то и дело, не сказал бы* и др.

Нередко элементы диалогической речи включаются в научный монолог. Характер и цель таких включений могут быть различными: это и отражение полемики с оппонентом, и средство привлечь внимание читателя к тексту. Наиболее часто этим приемом включения пользуются авторы научно-популярных работ. Например: «Читателя пытливого и дотошного может заинтересовать вопрос: «А как же письменность, когда-то созданная древними финикийцами для своего языка, могла быть сначала приспособлена к звуковой системе совсем другого языка и народа, притом другой языковой семьи?» (Л. Успенский).

§ 57. Фонетические, лексико-фразеологические и грамматические особенности научного стиля

Фонетические особенности научного стиля. Для научного стиля первичной формой является письменная. Звучащая научная речь в значительной степени испытывает влияние книжно-письменного ее варианта, так как большинство устных научных выступлений читается по заготовленному заранее письменному тексту. Такая речь чаще всего монотонна и обладает малой

выразительностью, поскольку в ней отсутствует эмоциональная окраска. Речь в дискуссии отличается большей эмоциональностью и экспрессивностью, она почти не уступает художественной разнообразием ритмомелодических рисунков.

Стиль произношения в научной речи книжный, полный, с логическим выделением смысловых центров. В этих особенностях отражается требование ясности, точности, адекватности восприятия звучащего научного текста.

Лексико-фразеологический состав научного стиля. Лексико-фразеологический состав научного стиля с точки зрения семантики можно разделить на три группы. К первой относятся слова и выражения, свойственные общенациональному русскому литературному языку и используемые в книжной речи с тем же значением, которое закрепилось в языке. Они составляют основу лексики и фразеологии книжного стиля, но не создают его своеобразия. Например: *исполнять, рассматривать, основы, опыт, результаты* и др.

Ко второй группе относятся слова и выражения общенационального русского литературного языка, которые в научном стиле изменили свою семантику и стали терминами. Поэтому не само их наличие в тексте, а специфика значения может служить указанием на принадлежность текста к научному стилю, например употребление слов *мышление, предлог, кора* в выражениях: «Мышление реализуется в речи»; «Предлог — служебная часть речи»; «Земная кора подвержена колебаниям».

К третьей группе принадлежат специальные слова и сочетания, которые нигде, кроме как в научной речи, не употребляются. Сюда относится узкоспециальная и общенаучная терминология, например: *известкование, гранулирование, сфера, атмосфера, симптом, импульс* и др.

В современной научной литературе получил широкое распространение способ создания терминов-окказионализмов за счет метафорического переосмысления общеупотребительных слов. Эти экспрессивные термины появляются в том случае, когда автору не хватает таких слов, которые могли бы точно обозначить предмет, охарактеризовать действия, назвать признак и т. п. Такая

метафоризация свойственна в большей степени языку произведений научно-популярного подстиля. Например: «*Должность*» буквы «г» у нас достаточно хлопотлива (Л. Успенский).

Процесс деметафоризации, как отмечает А. Н. Васильева, свойствен терминам одной науки, перенесенным в сферу другой. Так, например, в выражении *индикатор стиля* слово *индикатор* перенесено из терминологии естественных наук. Экспансия терминов — одна из особенностей современной научной речи.

Специфика лексики научного стиля связана с выветриванием лексического значения наиболее употребительных глаголов. Как отмечают исследователи¹, кроме глаголов-связок общенационального языка (*быть, казаться, становиться* и др.) в составе словосочетаний используются глаголы с ослабленным лексическим значением: *подвергать анализу* (воздействию), *проводить анализ* (опыт, наблюдения) и др. Многочисленна группа глаголов, имеющих обобщенное значение действия или состояния: *существовать, подвергаться, встречаться, изменяться* и др.

В научной речи частотны слова иноязычного происхождения, особенно в составе терминов. Интернационализация науки порождает и интернационализацию ее языка. Так, например, за последние двадцать лет появилось много новых названий наук, их методов, направлений, объектов и т. п., большую часть которых составляют образования от заимствованных основ: *бионика, футурология, гнотобиология, голография, квазар* и др.

Определенная часть заимствованной терминологии пополнила научную речь дублетами — полными синонимами. Например, в лингвистике: *генетив* — *родительный падеж*, *инфинитив* — *неопределенная форма глагола*, *адвербиальный* — *наречный*, *акцент* — *ударение*, *префикс* — *приставка*, *флексия* — *окончание* и др.

В качестве синонимов-дублетов в научном стиле используются различные символические обозначения. В специальных лингвистических трудах по фонетике применяется система графического обозначения мягко-

¹ См.: Митрофанова О. Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. М., 1976, с. 40.

сти (м'), редуцированных гласных (ь, э), используют наклонную черту, показывающую повышение тона.

В научной речи распространен и такой вид символики, который связан с образным представлением, является своеобразной метафорой. Например: *П-образная цепь*, *S-образный изгиб*. Графическая метафора, в отличие от словесной, гораздо лаконичнее, более однозначна, а следовательно, объективна.

Синонимия терминов, т. е. неполное совпадение их значений, в научной речи — нежелательное явление: оно свидетельствует о неустоявшихся процессах становления термина. С течением времени, как правило, один из конкурирующих терминов-синонимов остается, другой исчезает.

Явление полисемии терминов нарушает основное из предъявляемых к ним требований — требование однозначности. Именно однозначность термина обеспечивает необходимую точность информации в науке. Так, например, термин «предложение» в лингвистике приобрел такую многозначность, что во многих случаях требует обязательного уточнения, какое понятие в этом тексте слово *предложение* обозначает.

Часто многозначность термина порождена развитием самой науки, появлением в ней новых направлений, новых методов, которые продолжают использовать традиционную терминологию, как, например, и произошло с термином «предложение» в разных направлениях современной лингвистики.

Явление омонимии и многозначности связано, с одной стороны, с использованием одного и того же термина в нескольких научных сферах. Например: *морфология* — в естествознании, языкознании; *донор* — в медицине, химии, технике и др. Это — «межнаучная терминологическая омонимия»¹. С другой стороны, омонимия и многозначность возникают в результате терминологизации значения общелитературного слова. Например: *память человека* и *память машины*, *усталость человека* и *усталость металла*.

Антонимия терминов — явление весьма развитое в

¹ Даниленко В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов. — В кн.: Исследования по русской терминологии. М., 1971, с. 19.

научной речи. Оно отражает тот факт, что в науке сами понятия существуют парами: *частица — античастица, высокое — низкое давление, макроструктура — микро-структура, препозиция — постпозиция, твердые — мягкие согласные.*

Морфология научной речи. Характерная особенность научного стиля — его обобщенно-абстрагирующий характер — проявляется в последовательном устранении таких морфологических форм, которые служат выражению конкретности. Так, глагол используется главным образом в форме настоящего времени несовершенного вида со значением постоянного (вневременного) действия: *существительное обозначает предмет, на каждую частицу действуют силы со стороны соседних частиц, окислы неметаллов реагируют с водой.*

Характерно отсутствие форм 1-го и 2-го лица, что также связано с устранением конкретности.

Наиболее употребительными в научной речи являются имена существительные. Категория числа существительных здесь имеет свои особенности, связанные с необходимостью обозначать множество через один предмет (*на тело действуют неуравновешенные силы*), а также обозначать разнородные признаки, названные одним словом (*кислоты, соли*).

Частотны существительные, обозначающие абстрактные понятия: *величина, объем, возможность* и др.

По употребительности прилагательных научный стиль превосходит все остальные стили: в научном стиле прилагательные составляют около 13 %, в деловом — около 10 %, в художественном — около 7 %, в разговорном — около 3,5 %.

Частотность прилагательных связана с использованием их в составных терминах: *угольная кислота, сложное предложение, точечный маятник.*

В научном стиле частотны причастия всех видо-временных форм.

Специфической чертой научного стиля является использование полнознаменательных слов в роли предлогов: *по мере, в течение, в случае, путем, посредством.*

Специфика словоупотребления научной речи отражает ее интернациональный характер: в ней частотны инязычные корни, приставки, суффиксы: *бикарбонат, микрочастица, антитела, ренит.*

Научный стиль использует все типы словообразования, свойственные общенациональному русскому языку, но больший удельный вес в нем занимают сложные образования: *сложносочиненные, выпукло-вогнутые* и др.

Синтаксис научного стиля. Со спецификой научного мышления связано преобладание предложений, в которых конкретное лицо говорящего не указывается: безличные, неопределенно-личные, номинативные, предложения с именным составным сказуемым и нулевой связкой.

Информативная насыщенность текста требует сложных синтаксических построений. Поэтому в научном тексте более половины всех предложений — сложные, а простые осложнены однородными членами, вводными и вставными конструкциями.

В синтаксисе наиболее отчетливо проявляются такие качества научной речи, как подчеркнутая логичность и связность в изложении мысли. Эти качества находят отражение и в монтаже всего текста, и в использовании различных средств связности.

В научной речи многочисленны и разнообразны по составу средства связи самостоятельных предложений, абзацев, разных по величине отрезков текста. Для связи предложений и абзацев используются: лексический повтор, указательные и личные местоимения 3-го лица, вводные слова *так, таким образом, следовательно, наконец*; наречия и наречные слова *сюда, тогда, здесь, оттого, сейчас, сначала, после, выше*; союзы *и, а, но, да, однако, однако же*. Для связи частей текста употребляются специальные синтаксические конструкции: *рассмотрим; необходимо подчеркнуть, что; можно доказать, что; ясно, что; как уже говорилось; как будет показано в дальнейшем*.

Как показали последние исследования¹, в научном произведении связность осуществляется не только определенными грамматическими средствами, но и повторением фраз, абзацев, целых отрезков текста.

¹ *Кожина М. Н.* Об отношении стилистики к лингвистике текста. — В кн.: *Функциональный стиль научной прозы*. М., 1980, с. 13—14; *Котюрова М. П.* О связи предложений и абзацев в научной речи. — В кн.: *Лингвостилистические исследования научной речи*. М., 1979, с. 179—180.

Рассмотрим средства связи, использованные Р. А. Будаговым в работе «Что такое развитие и совершенствование языка?» (М., 1977).

Во второй главе этой книги «Совершенствование языка в области лексики» одиннадцать разделов, в каждом из которых последовательно развивается проблема, обозначенная в заглавии. Все разделы связаны не только тематически, но и специальными средствами связи. Так, например, первый раздел заканчивается фразой *Об этом — речь еще впереди*. Это предложение — связующий мостик между той мыслью, которая уже высказана (*об этом*), и той, которая ждет читателя впереди.

Первое предложение третьего раздела — *В приведенных примерах лингвист обычно оперирует большими масштабами времени, столетиями* — содержит отсылку к тому, что уже было высказано в предыдущем тексте. Второе предложение этого раздела — *Ну а как обнаружить различные типы полисемии, приближаясь к нашему времени?* — отсылает к последующему изложению.

Многочисленны и разнообразны средства связи отдельных абзацев и нескольких абзацев в одно композиционное единство. Приведем примеры таких средств в порядке их употребления в третьем разделе второй главы: *вначале попытаемся ...; сказанное, разумеется, не означает ...; итак ...; и здесь могут быть хотя бы намечены ...; как мы уже знаем ...; дополнительно к приведенным материалам и соображениям ...; как было подчеркнуто ...; соотношения здесь могут быть ...; несомненно и другое ...; и здесь вновь возникает вопрос ...*

Все названные средства, а также лексические повторы сконцентрированы в начале абзаца. Это усиливает их функцию внешних выразителей логической связности текста, построенного по типу рассуждения.

Рассмотрим межфразовую связь на примере одного абзаца:

Характер и особенности словосочетаний в любом языке зависят от уровня развития культуры (в широком смысле). Подобная зависимость не подлежит сомнению. Поэтому нельзя не сожалеть, что и этот вопрос мало изучен в филологии.

Содержательная связь трех предложений, входящих в этот абзац, усилена формальными средствами связно-

сти. Второе предложение начинается со слов *подобная зависимость*, которые вмещают содержание всего первого предложения. Причинно-следственные отношения между двумя первыми и третьим предложениями подчеркнуты союзом *поэтому*. Связь всех предложений этого абзаца акцентирована местоименно-именным сочетанием *и этот вопрос*, где *и* связывает весь абзац с содержанием предыдущего текста.

Итак, научный стиль, отражая специфику той сферы, которую он обслуживает, — сферы науки, во всех лингвистических проявлениях отражает присущую этой сфере форму мышления. Он направлен на реализацию не только функции общения, но и функции познания, т. к. в процессе развертывания речи происходит доработка и упорядочение самой мысли.

2. ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ СТИЛЬ

§ 58. Общая характеристика официально-делового стиля

Официально-деловой стиль обслуживает сферу правовых отношений — законодательство и делопроизводство. В его составе выделяются подстили: 1) собственно законодательный (закон, указ, гражданские и уголовные акты, уставы), 2) административно-канцелярский (акт, распоряжение, приказ, деловые бумаги: заявление, характеристика, автобиография, доверенность, расписка), 3) дипломатический (нота, меморандум, коммюнике, соглашение, конвенция).

Официально-деловой стиль реализуется почти исключительно в письменной форме, устными могут быть такие его жанры, как доклады на деловых совещаниях, выступления на заседаниях, служебный диалог.

В деловой речи реализуются две функции языка — *информативная* (сообщение) и *волеятативная* (повеление). Например, в справке заключена информация, в приказе — повеление, в протоколе — и информация («Слушали...»), и повеление («Постановили...»).

К деловым текстам предъявляются те же требования, что и к текстам других функциональных стилей: содержательная полнота, точность, ясность, лаконич-

ность. Однако для деловых текстов эти требования, в отличие от остальных, являются жизненно важными: без них деловой текст не может стать документом. Так, например, требование содержательной полноты предписывает при составлении протокола указывать номер, дату, присутствующих, повестку дня и пр. Вот образец оформления протокола:

Протокол № 3
заседания местного комитета
школы № 24 г. Кировабада.

23 апреля 1981 г.

Присутствовали: члены месткома Исаева Н. Н., Якубов С. Я., Трофимова З. Д., Хасанов А. Х., Кузьмин Г. А.

Председатель Н. Н. Исаева.

Секретарь З. Д. Трофимова.

Повестка дня

1. Информация С. Я. Якубова о пионерлагере.
2. О распределении путевок в санатории и дома отдыха. Докладчик Н. Н. Исаева.

Слушали:

1. Информацию С. Я. Якубова о пионерлагере. Тов. Якубов сообщил, что детей вывезут в пионерлагерь «Чайка». Сбор и вывоз детей состоится 6 июня текущего года.

Постановили:

1. Информацию тов. Якубова принять к сведению. Предложить местному комитету составить списки всех детей, отъезжающих в пионерлагерь.

2. Тов. Кузьмину Г. А. организовать отправку детей в пионерлагерь, выделив для этой цели необходимое количество автобусов.

Слушали:

2. О распределении путевок в санатории и дома отдыха. Тов. Исаева сообщила, что для учителей и сотрудников школы на летние месяцы (июль — август) выделено 16 путевок; из них 8 — в дома отдыха, 8 — в санатории.

Постановили:

1. Поручить тов. Хасанову А. Х. составить списки учителей и сотрудников школы, нуждающихся в лечении и отдыхе. Списки представить в местный комитет до 15 мая текущего года.

Председатель (подпись) Н. Н. Исаева

Секретарь (подпись) З. Д. Трофимова

Стремлением к точности, однозначности порождена и такая черта делового стиля, как наличие тавтологии. Во многих деловых текстах замена одного и того же понятия разными словесными формами может создать неясность, неадекватность восприятия. Например, в приведенном ниже тексте, взятом из Основного Закона нашей страны — Конституции Союза Советских Социалистических Республик, повторение слов *право, граждане, расы, национальности* и др. является нормой стиля, его стилеобразующей чертой. Повторение способствует и созданию монументальной торжественности, подчеркивая значимость самих понятий, заключенных в этих словах.

Статья 36. Граждане СССР различных рас и национальностей имеют равные права.

Осуществление этих прав обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР, воспитанием граждан в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, возможностью пользоваться родным языком и языками других народов СССР.

Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых или косвенных преимуществ граждан по расовым и национальным признакам, равно как и всякая проповедь расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения — наказывается по закону.

В некоторых жанрах делового стиля используются особые приемы уточнения. Например, в автобиографии после слов *я, мой отец, моя мать, моя сестра, мой брат* требуется указать фамилию, имя, отчество.

В деловых текстах при замене одного наименования предмета другим на это специально указывается. Например, *Иванов Петр Александрович, в дальнейшем*

именуемый «ответчик», и Иванова Тамара Георгиевна, в дальнейшем именуемая «истец»...

Способствует точности и ясности само графическое оформление текста: членение на сегменты, цифровое обозначение частей, определенное расположение текста на странице.

Деловые тексты должны быть предельно объективны, в них устраняется всякая возможность выражения собственного авторского «я». В составлении законов, указов и других документов участвует много людей. Но даже в том случае, когда текст пишется от первого лица (например, в приказах — *Приказываю...*, в резолюциях — *Не возражаю...*), автор выступает как носитель определенных функций, как представитель определенной группы лиц, организации, предприятия и т. п.

Требование «обезличенности» текста порождает и такую типичную черту деловых бумаг, как отсутствие эмоциональности, экспрессивности. Деловой стиль поэтому часто называют «холодным». Однако этого нельзя сказать о дипломатическом подстиле, где эмоциональность и экспрессивность выражаются открыто и связаны с самим содержанием текстов.

Наиболее яркая черта делового стиля — высокая степень стандартизации языка, особенно в канцелярском подстиле. О деловых бумагах принято говорить, что они «составляются», а не «пишутся», т. е. воспроизводятся по готовым шаблонам. Стандарт определяет не только выбор языковых средств, но и форму документа, взаимное расположение в нем частей, выбор шрифта и т. п.

Только при соблюдении единообразия в оформлении деловых бумаг может существовать совершенная система документирования, необходимая для создания деловой обстановки в государстве, для налаживания четкой работы всех его органов.

Стандартизованный и кодифицированный, стабильный и замкнутый деловой стиль превращается в своеобразный «подъязык» русского языка.

Деловые стандарты получают отрицательную оценку со стороны говорящих, если используются не по назначению. Так, проникая в публицистику, канцеляризм лишают язык яркости, эмоциональности, способствуют появлению того, что в постановлении ЦК КПСС

«О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (26 апреля 1979 г.) было названо словом «казенщина». Писатель К. Чуковский назвал их «канцеляритом» — «канцелярской болезнью». В своей книге «Живой как жизнь» он приводит многочисленные примеры использования канцелярских штампов в разговорной, художественной и публицистической речи. Вот некоторые из них: «Мы с женой не конфликтуем», «Ты по какому вопросу плачешь?», «Прием стеклобанок из-под консервной продукции». Одну из причин проникновения канцеляризмов в живую разговорную речь К. И. Чуковский видит в неправильном понимании некоторыми говорящими выражения «культурная речь»: «Та женщина, которая в разговоре со мной называла зеленым массивом милые ее сердцу леса, несомненно, считала, что этак «гораздо культурнее». Ей, я уверен, чудилось, что, употребив это ведомственное слово, она выкажет себя перед собеседником в наиболее благоприятном и выгодном свете»¹.

Итак, наличие штампов в деловой речи направлено на реализацию требования точности, однозначности. При этом стандарты содействуют ускорению и упрощению деловой коммуникации. Однако именно штампы приводят к словесной избыточности: деловая бумага загромождается лишними словами, содержание оказывается скрытым за пустословием. Например: «Необходимо усилить контроль за проведением мероприятий по подготовке отопительной системы к работе в зимних условиях». Ничто не мешает пишущему выразить ту же мысль нейтральными языковыми средствами: «Нужно усилить контроль за подготовкой отопительной системы к зиме».

В нашей стране принята Единая государственная система делопроизводства². Все документы по степени регламентации можно разделить на три группы: 1) документы, которые должны точно соответствовать принятому в обществе стандарту, иначе они не имеют юридической силы (сюда относятся паспорт, диплом, свидетельство и др.). Они готовятся типографским спосо-

¹ Чуковский К. И. Живой как жизнь. М., 1966, с. 121.

² Единая государственная система делопроизводства. Основные положения. М., 1974.

бом, и дело пишущего — внести в них недостающую информацию; 2) документы, в которых нет такой строгой обязательности, но которые для удобства и быстроты оформляются заранее: справка, заявление, квитанция, договор и др.; 3) документы, в которых общественно закреплён общий принцип составления, но сами языковые средства должен подобрать пишущий. Требования к таким документам разработаны Всесоюзным научно-исследовательским институтом стандартизации Государственного комитета стандартов Совета Министров СССР.

§ 59. Лексико-фразеологические, морфологические и синтаксические особенности официально-делового стиля

Своим лексико-фразеологическим составом официально-деловой стиль существенно отличается от других книжных стилей и наиболее ярко противопоставлен разговорному.

Существенной чертой лексики делового стиля является ее замкнутость. Деловая речь не допускает иностилевых включений. В ее составе могут быть только единицы нейтральных и книжных пластов. Поэтому фраза из выступления студента «У нас в группе пятеро хвостистов» в протоколе будет оформлена так: «В нашей группе пять академзадолжников».

В деловом стиле имеется своя особая лексика и фразеология.

В состав терминов делового стиля входят:

1) общелитературные слова, получившие специальные значения. Это: а) наименование лиц по действию, состоянию и т. п.: *свидетель, усыновитель, квартиросъемщик, вкладчик, сторона* (в значении «лицо, группа лиц, учреждение»); б) названия документов: *акт, протокол, доверенность, справка* и др.; в) обозначение обязательных элементов документа, всевозможных действий официальных лиц, служебных процедур: *повестка дня, не возражаю, согласовано, в приказ* и пр.;

2) слова-канцеляризмы, т. е. такие лексические единицы, которые за пределами официально-делового стиля не употребляются: *надлежащий, вышеуказанный, нижеподписавшиеся, поименованный, доверитель* и др.;

3) архаическая, малочастотная лексика общелитературного языка, активная в дипломатическом подстиле. Например: а) наименования глав государств, официальных представителей в соответствии с правилами «международной вежливости»: *господин (госпожа), король (королева), Его Высочество, Его превосходительство* и др.; б) использование штампов, принятых в данном дипломатическом документе: *имеет честь сообщить, примите уверения в почтении* и др.;

4) сложносокращенные слова при строго установленных правилах их сокращения: *Госплан, Минпрос, технадзор, обком*;

5) унифицированные графические сокращения: *область — обл., район — р-н, село — с., сельский совет — с. с., заместитель — зам., заведующий — зав., академик — акад., профессор — проф., член-корреспондент — чл.-корр., и так далее — и т. д., смотри — см., страница — с., глава — гл.*;

6) эмоционально-окрашенная лексика общенационального языка при использовании в этикетных формулах нейтрализуется, утрачивает свою оценочность. Например, в обращениях *уважаемый коллега, дорогой друг* и др.

Фразеология делового стиля отражает его стремление к стандартизации языка, лишена образности и эмоциональности.

Характерная примета делового стиля — устойчивые словосочетания. Словосочетания используются как: а) наименования документов (*свидетельство о рождении*), б) стандартные формы изложения документа (*принимая во внимание, в целях обеспечения, на основании вышеизложенного*).

Морфологические особенности делового стиля складываются, как и в других стилях, из частотности употребления определенных разрядов слов. Так, наибольшей частотностью обладают существительные, особенно отглагольные. Они входят в устойчивые сочетания (*выполнение решений, принятие постановлений, вручение наград*), наименования документов и их части (*постановление, решение, указание*), образуют словосочетания с неполнозначными глаголами (*принимать участие, выразить сожаление, иметь применение*).

При такой активности отглагольных существительных в деловом стиле неизбежно возникает и активность родительного падежа зависимых существительных, что приводит к их «нанизыванию». Например: . . . *важность укрепления режима нераспространения ядерного оружия путем присоединения к договору о нераспространении как можно большего числа стран и усиления контроля за поставками ядерного материала.*

Низкой частотностью в официально-деловом стиле отличаются междометия, личные формы 1-го лица единственного числа глагола, но большей частотностью обладает инфинитив, особенно в значении императива: *зачислить, уволить, назначить*, а также в сочетании со словами *необходимо, рекомендуется* и др.: *одобрить инициативу, рекомендуется держать.*

Из частных особенностей делового стиля можно отметить: 1) использование форм мужского рода при наименовании женщин по профессии. Например: *учитель М. Ф. Иванова, начальник управления Т. Х. Хамраева*; 2) замену собирательных числительных количественными; 3) замену простых предлогов *из-за, по* именными *ввиду, в связи, согласно*; 4) частотность предлога *по* со значением причины: *по болезни, по семейным обстоятельствам*; 5) использование прописной буквы в личном и притяжательном местоимении: *Вас, Вашего согласия* (вежливая форма).

Синтаксис официально-делового стиля. Для делового стиля характерно широкое использование сложных синтаксических построений: простое предложение не может отразить последовательность фактов, причины и мотивы, различные обстоятельственные их характеристики. Большой частотностью отличается период, но с иным, чем в публицистическом стиле, назначением. Если в публицистике он усиливает воздействие речи на слушателя за счет своей необычности, экспрессивности, то в деловом стиле период выполняет конструктивную функцию: собрать воедино все части смыслового целого. В деловом стиле широко употребляются неполные, безличные и инфинитивные предложения со значением императивности, необходимости (*необходимо улучшить, поручить учащимся, предоставить старосте класса*), а также страдательные обороты типа: *направлен на работу, был избран в члены редколлегии.*

Характерным для простых предложений деловой речи также является: 1) их обязательная распространенность; 2) прямой порядок слов, т. е. подлежащее находится перед сказуемым, согласованное определение перед определяемым словом, обстоятельство образа действия перед глаголом-сказуемым, прямое дополнение после слова, к которому оно относится; 3) наличие однородных членов, обособленных групп, вводных и вставных конструкций. Например:

Фонд материального поощрения расходуется на премирование работников, оказание им материальной помощи, выплату вознаграждения по итогам годовой работы и другие цели (Ст. 84 «Кодекса законов о труде РСФСР»).

Логическая спаянность предложений в деловом тексте достигается особым словопорядком, который отражает последовательную смену рем и тем. Поэтому нередко в начале последующего предложения и в конце предшествующего повторяются одни и те же слова. Например:

Статья 137. Высшим органом государственной власти союзной республики является Верховный Совет союзной республики.

Верховный Совет союзной республики правомочен решать все вопросы, отнесенные к ведению союзной республики Конституцией СССР и Конституцией союзной республики (Конституция СССР).

Итак, официально-деловой стиль, обслуживающий сферу официальных отношений, представляет наиболее замкнутую языковую систему средств, направленных на реализацию информативной и воздействующей функций. Специфику стиля обуславливает назначение официально-деловых текстов, которые функционируют в обществе в качестве документов.

3. ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

§ 60. Общая характеристика публицистического стиля

Публицистический стиль обслуживает сферу общественных отношений: политико-идеологическую, общественно-экономическую, культурную и др. Он является

наиболее популярным из всех книжных стилей, поскольку его распространению способствуют средства массовой информации и пропаганды — пресса, радио, кино, телевидение. Он используется также в речи выступающих на съездах, пленумах, собраниях и митингах, в лекциях пропагандистов и агитаторов.

Публицистический стиль представлен на страницах газет и журналов, в оперативно издаваемых книгах и брошюрах, в материалах радио-, кино- и тележурналистики, в публичных лекциях.

Тексты, относящиеся к этому стилю, отличаются разнообразием тем и языкового оформления. Один и тот же жанр, например жанр репортажа, будет существенно различным в газете, на радио и на телевидении. Но газетный репортаж, в свою очередь, по реализации в нем языковых средств существенно отличается от других газетных жанров — информации, очерка, фельетона и др. При этом жанровые различия в тексте отражаются значительно сильнее, чем индивидуальный стиль автора, работающего в разных жанрах.

Однако все жанры публицистики, все тексты имеют много общих черт, позволяющих объединить их в одно сложное единство и рассматривать как проявление одного стиля. Эти общие черты обусловлены главным экстралингвистическим фактором — назначением публицистики в обществе.

Публицистика призвана информировать широкие круги читателей, слушателей и зрителей по наиболее актуальным вопросам современности. Она призвана воздействовать на сознание людей путем убеждения и формировать определенное общественное мнение. Только советская публицистика осуществляет организаторские функции, функции управления обществом. В. И. Ленин писал: «Газета — не только коллективный пропагандист и коллективный агитатор, но также и коллективный организатор»¹.

Эти функции публицистики взаимосвязаны и реализуются одновременно.

Содержание публицистических материалов, даже сам их отбор, всегда включает два элемента — информативный и оценочный, т. е. сам факт и осмысление его

¹ Ленин В. И. С чего начать? — Полн. собр. соч., т. 5, с. 11.

с классовых, партийных позиций. Воздействующее влияние оказывают оба элемента — событийная информация и ее политическая оценка. Однако воздействующее влияние публицистики предполагает достижение и практических социальных результатов, перерастания слова в дело.

В. И. Ленин считал, что в публицистике нужно писать так, «чтобы способствовать расширению движения, сознательному выбору средств, приемов и методов борьбы, способных при наименьшей затрате сил дать наибольшие и наиболее прочные результаты»¹.

Основные функции публицистики в обществе определяют ее основные черты и способствуют выделению характерных особенностей публицистического стиля: императивности, повышенной эмоциональности, открыто выраженного оценочного отношения к сообщаемому факту, явлению, событию. Суметь убедить читателя или слушателя в важности и справедливости высказанного положения, увлечь может только тот, кто пишет или говорит убежденно и убедительно. От действительности публицистики во многом зависит эффективность всей идеологической работы.

Вот почему такое огромное внимание в нашей стране уделяется действительности советской публицистики, ее языковому стилю. В специальном постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» от 26 апреля 1979 года, сформулировавшем актуальные задачи всей идеологической работы, указана необходимость повышать информативную насыщенность публикуемых в газетах и журналах материалов, теле- и радиопередач; разнообразить жанры; уделять особое внимание стилю, языку; преодолевать многословие и казенщину; заботиться об оперативности, убедительности и доходчивости выступлений.

Яркими образцами публицистического стиля являются работы В. И. Ленина, М. И. Калинина, А. В. Луначарского и других политических деятелей; публицистические произведения советских писателей М. Горького, А. Толстого, А. Фадеева, И. Эренбурга, М. Шагинян,

¹ Ленин В. И. Революционные дни. — Полн. собр. соч., т. 9, с. 208.

К. Симонова и др.; многих советских журналистов, работающих в газете, на радио и телевидении: А. Агапова, А. Аграновского, В. Зорина, В. Пескова, Т. Тэсс.

Особая роль в развитии публицистического стиля русского языка принадлежит В. И. Ленину. Сама публицистическая практика В. И. Ленина, его высказывания по вопросам печати внесли неоценимый вклад в становление и развитие советской публицистики.

В. И. Ленин определил публицистичность как особое качество речи. «Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора, — писал В. И. Ленин, — в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой»¹.

Функция воздействия отражается прежде всего в присущей публицистическому стилю особой экспрессии и оценочной эмоциональности. В создании этих черт публицистического стиля участвуют все лексические и грамматические единицы языка, а также графические в письменной и интонационные в устной речи.

Так, например, все исследователи языка Ленина-публициста отмечают исключительное богатство средств создания открытой оценочности, так как слово для Ленина — идеолога пролетарской революции, теоретика марксизма — было орудием революционной борьбы и политического воздействия. Среди многих приемов создания необычайно выразительного языка Ленина-публициста, Ленина-оратора большое место занимает использование в одном сочетании слов с разной оценочностью, с различной экспрессивной и стилистической окраской. Например: «пустая претенциозная болтовня», «пустяковинные увертки». Экспрессивно-стилистическая контрастность, как отмечает исследователь языка В. И. Ленина Г. П. Князькова², свойственна не только именным, но и глагольным сочетаниям. Например: «Друзья народа» так захватили, истаскали и испачкали

¹ Ленин В. И. О лозунгах и о постановке думской и внедумской с.-д. работы. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 21.

² Князькова Г. П. О лексике ленинского памфлета. — В сб.: Слово в языке произведений В. И. Ленина. М., Наука, 1979,

эти теории, что русским социалистам, державшимся этих теорий, неминуемо предстоит дилемма — либо пересмотреть заново эти теории, либо откинуть их совершенно. . .»¹

Для беспощадного разоблачения классовых врагов, для оценки их взглядов, программ, практических действий В. И. Ленин использовал все богатство русского словообразования («газетина», «мудрененько», «архи-глупо», «высокопарно-трусливый»), переносно-оценочные значения слов («лакей буржуазии» применительно к Каутскому), фразеологические сочетания, пословицы и поговорки. Исследование своеобразия употребления пословиц В. И. Лениным² показывает, что их роль главным образом связана с прямой характеристикой и оценкой явления. Например: «Русские социал-демократы не слишком близки еще к тому, чтобы быть в силах «убить своего медведя» (совершить демократический переворот), но вопрос в том, «смеем» ли мы убивать его, имеет для всего будущего России и для будущего русской социал-демократии крайне серьезное значение»³.

Меткие, образные, эмоциональные замечания по поводу сказанного содержат вставочные конструкции, обычно используемые в качестве комментария при цитировании. Например: «Разве тот самый г. Струве, идеально-умеренный и аккуратный г. Струве, не говорит (увы, только говорит, чтобы отговориться!) о том, что «открытый характер революционных действий» (вот мы как нынче!) «в настоящее время есть одно из важнейших условий воспитательного влияния на народные массы»?»⁴ В этом примере интересным является и прием, связанный с использованием знаков препинания: ирония, сарказм, свойственные замечаниям В. И. Ленина по поводу высказывания Струве, передаются «эмоциональными» знаками, которые усиливают роль вставок.

Функциональная роль экспрессии в публицистическом стиле состоит в использовании ее для выделения

¹ Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 306—307.

² Морозова Л. А. Пословицы в публицистике В. И. Ленина. — В сб.: Слово в языке произведений В. И. Ленина. М., 1979.

³ Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. — Полн. собр. соч., т. 11, с. 99.

⁴ Там же, с. 60—61.

главного в сообщении, привлечения внимания читателя непривычностью слово- или формоупотребления, особым синтаксическим строем. Экспрессия публицистического стиля подчинена задаче сделать речь нагляднее и легче запоминаемой.

Потребность в выразительных и изобразительных средствах в публицистике особенно высока, но она вступает в противоречие с необходимостью оперативно откликаться на все события современности, с существованием каждодневного газетного производства. Поэтому для создания экспрессии в публицистике, особенно в газетной ее разновидности, используются главным образом типовые приемы. Например, в метафорические сочетания вступают определенные разряды слов, фразеологизмы обновляются стандартными приемами и т. п. Поэтому характерной особенностью публицистического стиля является наличие в нем речевых стандартов, стереотипов. Стандарты — нейтрально-стилистическая категория. Являясь готовыми речевыми формами, соотнесенными с определенной ситуацией, они значительно облегчают общение, поэтому особенно удобны для использования их в средствах массовой информации. Преобладающая часть общественно-политических ситуаций обладает повторяемостью, длительностью, что и вызывает необходимость использования для стереотипных событий стереотипных описаний. Характер работы журналиста требует оперативности подачи информации, умения писать быстро. Однако писать быстро и о сходных явлениях, не прибегая к стандартам, почти невозможно.

Языковые стандарты облегчают и читателю получение нужной ему информации, поскольку текст, воспринимаемый в привычной форме, усваивается быстро, целыми смысловыми блоками.

Речевые газетные стереотипы чаще всего используются в тех жанрах, которые требуют экономичной и сжатой формы и которые оперативно связаны с самим событием, например: официальное сообщение, информация, обзор печати, отчет о заседаниях, конференциях и т. п. В других жанрах (очерках, фельетонах, памфлетах, эссе и т. п.) речевых стандартов значительно меньше, на первый план выдвигаются оригинальные выразительные приемы, речь индивидуализирована.

Единство экспрессии и стандарта, как показали исследования В. Г. Костомарова¹, составляют конструктивный принцип газетного языка. При этом только чередование этих контрастных явлений, их полное равновесие и создает, по мнению исследователя, идеальные образцы газетных жанров.

Специфика газетно-публицистических стандартов, отличающих их от стандартов деловой речи, заключается в их социально-оценочном характере. Например: *холодная война, волчий закон капитализма, разбойничье нападение*.

В противоположность стандартам штампы — отрицательное стилистическое явление публицистической речи. В штампах слова теряют свое лексическое значение и присущую им образность. Например: *небесная (воздушная, огненная) стихия, белое (черное, зеленое, жидкое, ароматное) золото*. Штампы придают речи сухость, безликость, они могут сделать даже самую важную и интересную мысль неубедительной.

Преодоление многословия и казенщины, о котором говорится в постановлении ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г. «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы», непосредственно связано и с отказом от таких штампов в публицистической речи, в которых действительное содержание выветрено, информативная ценность равна нулю. Например: *Вместе с тем оратор на ряде убедительных примеров показывает, как некоторые организации еще слабо используют свои возможности*.

Одной из главных особенностей публицистики является «открытое», прямое, непосредственное выражение в ней авторского «я».

Повествование во многих публицистических жанрах (репортаже, корреспонденции, очерке и др.) нередко ведется от первого лица и воспринимается как рассказ об очевидном, увиденном конкретным лицом. Например: *Февральским метельным днем был я в совхозе имени Кирова* («Известия», 1972, 2 июля). Но даже в тех публицистических текстах, где повествование ведется от третьего лица, слышен голос автора, его оценка событий и фактов. При этом автор публицистического текста —

¹ Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.

лицо собирательное (по терминологии А. Н. Васильевой¹), представитель определенной социальной группы людей, позицию которых он выражает. Поэтому оценочность в публицистике носит надличностный, надиндивидуальный характер. В. И. Ленин писал, что привычка заниматься политикой означает «разбирать явления с массовой, а не личной точки зрения»².

Прямое «вмешательство» автора в материал, оценка и анализ увиденного усиливают воздействие публицистического текста, увлеченность автора передается читателю или слушателю.

Этой же цели способствует введение в текст обращений к читателю (слушателю), элементов спора с возможным оппонентом, использование императивных форм.

Максимальная приближенность текста к собеседнику усиливает его воздействующее влияние. Поэтому в публицистическом стиле имеется большой выбор средств, помогающих сблизить автора с собеседником, т. е. способных создать «интимизацию» изложения: обращение, повелительное наклонение глагола, местоимения *мы* и *вы*, модальные слова и частицы, разговорно-просторечная лексика, монолог с элементами диалога и др. Например: *Поглядите внимательно на лицо женщины. Кем она была в жизни? Вы скажете: это учительница. Школа непостижимым путем отмечает лица своих служителей. Зинаида Петровна Кокорина почти тридцать лет была учителем и директором школы* (В. Песков).

Обращенность к собеседнику особенно характерна для телепередач, когда автор привлекает зрителя к совместному осмыслению событий: *«Вдумайтесь, товарищи, в это», «Я хочу попросить вас взглядеться в лица», «Обратите внимание на его жест»* и т. п. Включение собеседника в речь существенно изменяет тип монолога в публицистике. Монологическая речь своей обращенностью к собеседнику воспринимается как «односторонний» диалог. Такую форму речи Н. Ю. Шведова назы-

¹ Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976, с. 37.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 220.

вает разговорным монологом. «Разговорный монолог есть форма непринужденного рассказа, непосредственно обращенного к слушателю или слушателям»¹.

§ 61. Подстили и жанры публицистики

Отличительной особенностью публицистики является ее многожанровость и связанное с ней большое разнообразие стилового оформления текстов. Газетные жанры настолько разнообразны, что стилевые и стилистические категории в них часто противоречат друг другу и ведущее значение приобретает явление поляризации жанров.

Газетные жанры противопоставлены прежде всего по степени выраженности в них индивидуально-авторского стиля. Так, жанр хроникальных информационных требует полной устраненности авторского «я». Эти информации предельно объективны и обычно строятся по определенному шаблону. Например: *Сегодня ... по приглашению ... с официальным (дружеским) визитом прибыл ... На аэродроме, украшенном государственными флагами ... главу ... государства встречали товарищи ... и другие официальные лица.*

Менее стандартна неофициальная информация, но и она лишена индивидуально-авторского стиля, поскольку все «творчество» пишущего обычно направлено на конструирование текста из готовых блоков-стереотипов. Когда говорят о специфичной газетной лексике, стандартах газетного стиля, то в большей степени это относится именно к жанру информации.

Прямую противоположность информативному жанру по степени отраженности авторского «я» представляет собой очерк — самый «субъективный» публицистический жанр. Любое слово в очерке воспринимается от автора, все языковые средства отражают его индивидуальную манеру, авторскими эмоциями окрашено все повествование. Поэтому так отличаются друг от друга очерки, написанные О. Берггольц, М. Шагинян, А. Аграновским, В. Песковым и другими крупнейшими советскими журналистами.

¹ Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960, с. 281.

По характеру использования языковых средств очерк, как и фельетон, относится к художественно-публицистическим жанрам.

В очерке, как и в литературно-художественном произведении, действительность отражается в образах. Однако образность в публицистике гораздо лаконичнее и не образует системы. Микрообразы обычно создаются путем использования метафоры, эпитета или иного тропа.

Приведем, например, начало очерка «Русский берег» В. Летова: *Ее надо увидеть самому — эту речку Улью. Часами смотрю, как ее светлые воды стучатся в свинцовый накат Охотского моря, рождают в нем кипень. Смотрю и не могу насмотреться. Ах, Улья, Улья, шаловливая и упорная* («Известия», 1979, 14 июля). В нем *воды стучатся, шаловливая и упорная речка* — тропы, основанные на приеме олицетворения, создают конкретный микрообраз речки Ульи. Повышенная эмоциональность текста имеет субъективно-оценочное значение — восторг, удивление самого автора. Все это, а также использование риторического обращения (*Ах, Улья, Улья...*) сближает этот отрывок из очерка с отрывком из литературно-художественного произведения.

Рассмотрим другой отрывок из того же очерка, заключительную часть: *Помимо сельди в море студеное числится еще 275 видов рыб, но для лова и обработки освоено едва ли с десяток... Впереди много предстоит сделать, но этот город населяют оптимисты.*

Стиль этого отрывка — информативно-публицистический: точно указано количество видов рыб, сколько из них «освоено», что предстоит сделать. Только сочетание *в море студеное* по своей стилистической окраске не соответствует этому тексту и сближается с началом очерка. Такая разностильность, перебивы стиля — характерная черта очеркового жанра. Поэтому лексика очерка представляет собой сплав разговорных и книжных, высоких и просторечных слов; грамматические формы и синтаксические конструкции очеркист выбирает из разных стилистических пластов.

На язык публицистики активное воздействие оказывает разговорная речь.

Особенно сильное влияние разговорная речь оказывает на устную форму публицистики — в жанрах радио-, теле- и киножурналистики¹.

Специфика устной публицистики изучена не так основательно, как язык прессы.

Видимо, поэтому в большинстве научных исследований и в учебных пособиях по стилистике русского языка рассмотрение публицистического стиля ограничено языком газеты.

Специфику стиля речи на радио и телевидении прежде всего определяет характер передач. Есть передачи подготовленные, т. е. передачи с заранее написанным текстом, который воспроизводится диктором (например, официальная информация в программе «Время», «Новости»). Есть передачи неподготовленные, т. е. текст заранее не готовится или служит опорой для импровизации, например выступления журналистов перед телекамерой.

Первый тип передач ориентирован на книжную письменную речь, второй представляет книжно-разговорный вариант литературного языка. Например, отрывок из телепередачи в жанре интервью:

— А что вас здесь привлекает?

— Ну, как вам сказать что... Здесь очень природа красивая, воздух чистый... Романтика (хотя я уже старая для романтики).

— Значит, романтика вас привлекает? ..
А условия здесь хорошие жилищные?

— Жилищные хорошие.

— А другие?

— Ну, а другие не очень.

— Не очень... Скучно?

— Да нет, не очень. По сравнению с городами, конечно, скучно².

Вопросо-ответное построение диалога, переспросы, паузы, порядок слов, эллиптические конструкции — все эти приметы устно-разговорного стиля порождены ситуацией непосредственного общения журналиста с де-вушкой-строителем.

¹ В дальнейшем киножурналистика объединяется с тележурналистикой в целях краткости.

² Светлана С. В. Телевизионная речь. М., 1976, с. 95.

Жанры телепублицистики разграничены и ф о р м о й речи — одни тяготеют к монологу (выступления телекомментаторов), другие — к диалогу (беседа, интервью). Но в отличие от газеты монологическое построение текста телепередач всегда ориентировано на невидимого собеседника.

В телевизионное выступление вводятся формы непосредственного обращения к зрителю: *Здравствуйте, товарищи! Посмотрите на эти лица. Вдумайтесь в эти цифры* и т. п.

Отбор языковых средств, их организация для текстов телепередач производится с учетом следующих факторов: законов восприятия устной речи и двухканальным способом передачи информации, т. е. при помощи слова и изображения. В сфере телевидения имеются свои закономерности функционирования языковых единиц, свои стилистические возможности их использования.

Рассмотрим некоторые из этих особенностей. В телевизионной речи возрастает нагрузка на слово, в словесный текст, сопровождающий изображение, отбирается только такая информация, которая не дублирует экранную. Все, что может быть показано, из текста исключается. Поэтому, по мнению тележурналистов, газетную информацию для телевидения можно сократить на 75%. Только 15% словесной информации совпадает со зрительной: слово и изображение выступают в роли своеобразных синонимов, если совпадают по смыслу, или становятся антонимами при смысловом контрасте. Используя эти возможности, тележурналисты добиваются лучшего восприятия: информация становится легче усвояемой и тверже запечатлеваемой. Так, например, в телефильме «Семь дней» о Вьетнаме в закадровом тексте перечисляются названия храмов, деревень, а в это время на экране старинный храм уже не храм и деревня не деревня. «Вот что осталось от района, опустошенного Б-52 и напалмом», — заключает тележурналист.

Особое положение в публицистических жанрах и подстилях занимает ораторская речь. Ораторская речь — это речь публичная, т. е. обращенная к многочисленной аудитории. В ней особенно усилена такая черта публицистического стиля, как направленность на убеждение, воздействие не только на ум, но и на чув-

ства слушателей, побуждение их к активным действиям. Ораторская речь отличается особой композицией, использованием определенных выразительных и изобразительных средств.

Ораторское искусство (красноречие) имеет многовековую историю. Оно возникло еще в V в. до н. э. в Древней Греции и связано с такими именами, как Демосфен, Демокрит, Аристотель. Древнегреческие философы были не только практиками, но и теоретиками искусства красноречия — риториками, как его тогда называли. Особенно большой вклад в теорию риторики внес Аристотель. Он создал специальный труд — «Риторику», где изложил основные требования к ораторской речи. Аристотель считал главным достоинством речи ее ясность и понятность.

Дальнейшее развитие ораторского искусства связано с Римом (II—I вв. до н. э.), с именем Марка Туллия Цицерона. Главной силой красноречия Цицерон считал содержание, которое облекается в яркую и доходчивую форму.

В средние века на территории Грузии, Армении, стран мусульманского Востока большое развитие получило религиозное красноречие. Одновременно существовала и светская; философская риторика. Так, на территории нынешних Узбекистана и Таджикистана прогрессивные мыслители и поэты были замечательными ораторами — Ибн Сина, Шерози, Алишер Навои.

В эпоху Возрождения (XIV—XVIII вв.) выросло два направления в ораторском искусстве: связанное с крестьянским движением (Ян Гус) и буржуазное (Жан Поль Марат, Максимилиен Робеспьер).

Развитие риторики в России связано с именем М. В. Ломоносова и замечательной плеядой профессоров Московского и Петербургского университетов — А. Ф. Мерзляковым, Т. Н. Грановским, И. М. Сеченовым, В. О. Ключевским и др.

Социально-политическое красноречие в России достигало высокого развития в наиболее острые периоды общественной борьбы, когда необходимо было организовать массы, повести их за собой. Непревзойденным образцом революционной пропаганды являются речи В. И. Ленина.

Речь Ленина-оратора отличалась исключительным воздействием на слушателей своей неизменной содержательностью, внутренней убежденностью, ясностью и простотой изложения. А. М. Горький вспоминал о Ленине: «Первый раз слышал я, что о сложнейших вопросах политики можно говорить так просто. Этот не пытался сочинять красивые фразы, а подавал каждое слово на ладони, изумительно легко обнажая его точный смысл. . .

Слитность, законченность, прямота и сила его речи, весь он на кафедре, — точно произведение классического искусства: всё есть и ничего лишнего, никаких украшений, а если они были — их не видно, они так же естественно необходимы, как два глаза на лице, пять пальцев на руке.

По счету времени он говорил меньше ораторов, которые выступали до него, а по впечатлению — значительно больше; не один я чувствовал это, сзади меня восторженно шептали: — Густо говорит. . .»¹

В основу своих выступлений В. И. Ленин положил принцип: «Максимум марксизма = максимум популярности и простоты»².

В. И. Ленин хорошо знал состав той аудитории, перед которой ему предстояло выступать, и с первых же фраз находил с ней контакт. Этому в немалой степени способствовал и правильно выбранный стиль. Оратор постоянно помнил об аудитории, обращался к ней, вовлекал в совместные размышления. Это доверительное отношение к аудитории повышало интерес к содержанию речи, заставляя думать. Монологические по форме, выступления В. И. Ленина оказывались по существу диалогами. Ленин-оратор часто использовал вопросо-ответную манеру изложения. Так, в своей «Речи об обмане народа лозунгами свободы и равенства»³, произнесенной 19 мая 1919 г. на Первом Всероссийском съезде работников внешкольного образования, В. И. Ленин 35 раз ставил перед аудиторией вопросы: «Срашивает-

¹ Цит. по сб.: Об ораторском искусстве. М., 1973, с. 152.

² Ленин В. И. План доклада об итогах VII (апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) на собрании Петроградской организации 8 (21) мая 1917 г. — Полн. собр. соч., т. 32, с. 442.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 333—372.

ся ...?», «Я вас спрашиваю ...?», «Можно ли предположить ...?» и др.¹ Как отмечают исследователи², в выступлениях В. И. Ленина широко использовались ораторские приемы украшения речи, но никогда они не были самоцелью. Только стремлением точнее, эмоциональнее и доходчивее выразить содержание продиктовано использование фигур красноречия. Вот некоторые примеры.

1. Повтор и антитеза (резкое противопоставление):

«Мы прекрасно знаем, что должны бороться со всемирным капиталом, мы прекрасно знаем, что всемирный капитал в свое время имел перед собой задачу создания свободы, что он сбросил феодальное рабство, что он буржуазную свободу создал, мы прекрасно знаем, что это всемирно-исторический прогресс. И мы заявляем, что мы против капитализма вообще идем, против капитализма республиканского, против капитализма демократического, против капитализма свободного...»³

2. Градация (каждая последующая часть высказывания сильнее предыдущей):

«Друзья народа» так захватывали, истаскали и испачкали эти теории, что русским социалистам, державшимся этих теорий, неминуемо предстоит дилемма — либо пересмотреть заново эти теории, либо откинуть их совершенно...»⁴

3. Сегментация предложения (членение предложения на смысловые части). Отвечая на вопрос Каутского, В. И. Ленин подтвердил, что гражданская война людей в плен не берет, а убивает:

«Совершенно верно. Это факт. Правильность этого наблюдения мы подтверждаем. Тут говорить нечего.

¹ *Апресян Г. З.* Ораторское искусство В. И. Ленина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971, с. 21.

² *Адамов Е. А.* Речи В. И. Ленина — вершина ораторского искусства современности. — В кн.: Основы ораторского мастерства. М.: Мысль, 1980; *Здоровега В.* Слово тоже есть дело. М.: Мысль, 1979; Об искусстве полемики. М.: Политиздат, 1980; *Апресян Г. З.* Великий оратор революции. М.: Знание, 1974; *Воронов Ю. С.* Ораторский стиль Ленина. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1970.

³ *Ленин В. И.* Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 347.

⁴ *Ленин В. И.* Что такое «друзья» народа и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 306—307.

Гражданская война — более серьезная и жестокая, чем всякая другая»¹.

4. Период (сильно распространенное простое или сложное предложение, характеризующееся полнотой и законченностью выражения мысли, единством темы и интонационно распадающееся на две части: повышение и понижение):

«Когда люди видели, как их отцы и матери жили под гнетом помещиков и капиталистов, когда они сами участвовали в тех муках, которые обрушивались на тех, кто начинал борьбу против эксплуататоров, когда они видели, каких жертв стоило продолжить эту борьбу, чтобы отстоять завоеванное, каким бешеным врагом являются помещики и капиталисты, — тогда эти люди воспитываются в этой обстановке коммунистами»².

Исключительно богат словарный и фразеологический состав ленинских речей. Народные слова и выражения, разговорная лексика, возвышенная, книжная, архаическая — все это усиливало образность ленинской речи, оживляло ее, подчеркивало ее демократический характер.

«...Слово тоже есть дело...»³ — подчеркивал В. И. Ленин. И это отношение к слову демонстрирует ораторский стиль В. И. Ленина.

§ 62. Фонетические, лексико-фразеологические и морфологические черты публицистического стиля

Обращенная к многомиллионной аудитории, рассчитанная на массового читателя, слушателя и зрителя, публицистическая речь должна быть общепринятой и общепонятной. Эта особенность диктует требования строить речь в соответствии с общепринятыми канонами, в соответствии с нормами литературного русского языка, избегать языковых средств, имеющих узкую сферу распространения (узкоспециальных терминов, профессионализмов, иноязычных слов и т. п.).

¹ Ленин В. И. Речь об обмане народа лозунгами свободы и равенства. — Полн. собр. соч., т. 38, с. 366.

² Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. — Полн. собр. соч., т. 41, с. 313.

³ Ленин В. И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. — Полн. собр. соч., т. 11, с. 59.

В публицистике функционирует литературный язык, целенаправленно организованный на выполнение двух функций — информативной и воздействующей. Эти функции реализуются в интеллектуальных и эмоциональных языковых средствах. Их контрастность, по мнению В. Г. Костомарова, и создает функционально-стилевое единство публицистического стиля.

Фонетические особенности публицистического стиля связаны с устной формой его реализации. В устной публицистике используется все богатство и разнообразие интонации: от высокой, торжественной, митинговой до разговорно-бытовой, от приподнятой до сниженной. Каждому жанру устной публицистики свойственно свое произношение. Например, книжное нейтральное произношение у диктора, читающего официальную хронику (программа «Время», «Новости»), книжное торжественное — у диктора, читающего важное правительственное сообщение.

Чередование разных типов интонации характерно для таких публицистических передач, как «Поиск» С. Смирнова, «От всей души» В. Леонтьевой.

В современной устной публицистике, по сравнению с предыдущими периодами ее развития, существенно изменился стиль произношения. Известный советский киножурналист Роман Кармен писал: «Сейчас кажется архаической крикливая, назойливая, излишне патетическая, граничащая с напыщенностью тональность дикторского текста. Зритель предпочитает сейчас, быть может, лишенный профессионализма актерской дикции, чуть хриловатый, но зато человечный, душевный разговор Михаила Ромма в «Обыкновенном фашизме» или грассирующую речь Константина Симонова в фильме «Гренада, Гренада, Гренада моя...».

Итак, основой произношения в устной публицистике является нейтральный и книжный стили. Как отклонение, имеющее стилистическую значимость, воспринимаются возвышенный (митинговый) и разговорный стили. Интонация в публичной речи, в отличие от разговорной, является осознанным, преднамеренным средством воздействия на слушателя с целью вызвать у него определенную эмоциональную и волевую реакцию.

Лексико-фразеологический состав публицистического стиля разнообразен так же, как разнообразен сам

круг тем, получивший отражение в публицистике: область идеологии, политики, производства, общественной жизни, культуры, спорта и т. п. Но наибольшую активность и частотность имеет общественно-политическая терминология, связанная с самой важной для публицистики областью — областью идеологии. Концентрация в тексте общественно-политической лексики — стилевая черта публицистического стиля.

Характерной чертой публицистического стиля является частотность в нем оценочных слов. Так, например, в телеочерке В. Зорина «Миф о Форде» использовано примерно 50% оценочной лексики. Говоря о Форде, В. Зорин употребляет слова: *чистоган, толстосумы, держиморды, мракобес, шулер, ловчила, выжига, выжиматель, высокомерный сноб, ретроград* и др.

Разряд оценочных слов в публицистическом стиле пополняется за счет переосмысления нейтральных. Так, например, в публицистике положительная окраска свойственна словам *эстафета, заветы, правофланговый, инициатива, почин*; отрицательная — словам *клика, хунта, марионетки, вояж, откровения, визитер, потуги, верхушка*. Приобретение оценочности связано с расширением значения этих слов и увеличением сферы их сочетаемости. Например: *высокие рубежи, рубежи пятилетки, рубежи соревнования, намечать новые рубежи* и др.

Публицистический стиль изобилует устойчивыми сочетаниями, словесными блоками. Они могут быть как нейтральными (*уровень жизни, положить конец*), так и эмоционально окрашенными (*грязная война, бандитское нападение*). В создании таких устойчивых сочетаний большую роль играет присущая публицистическому стилю метафоризация определенной группы слов: *атмосфера* (разрядки), *пульс* (эпохи), *диалог* (глав правительств), *рубежи* (пятилетки), *курс* (на разоружение) и др. Публицистический стиль имеет свой набор синонимов — экспрессивно окрашенных слов и описательных оборотов. Например, наименования профессий: *пилоты — командиры воздушных кораблей — хозяева пятого океана — покорители голубых трасс; милиционеры — часовые нашего покоя — люди доброго мужества; геологи — колумбы подземных богатств — разведчики черного золота; хоккеисты — зо-*

лотые ребята — герои ледяных баталлий. Многие из подобных сочетаний в результате многократного повторения утратили свою образность и превратились в газетные штампы. Например, сочетания со словом «золото»: *белое золото* (хлопок), *черное золото* (уголь), *жидкое золото* (нефть), *зеленое золото* (лес), *желтое золото* (пшеница) и др.

Морфология публицистического стиля не дает ярких образцов стилевой закреплённости. Некоторые особенности публицистического стиля отражаются в области словообразования. Исследователи (М. Н. Кожина, А. Н. Васильева и др.) отмечают активность суффиксов иноязычного происхождения *-ия, -ция, -ация, -изация* (*индустрия, продукция, организация, механизация*), суффиксов *-изм* (*коллективизм*), *-щина* (*штурмовщина*), *-ничать* (*хозяйничать*) и др.

Частной особенностью публицистического стиля является употребление несчисляемых существительных в форме множественного числа: *разговоры, поиски, власти, свободы, инициативы, настроения, круги, нужды* и др.

К числу особенностей публицистического стиля можно отнести и частотность императивных форм глагола. Они являются стилеобразующей чертой в воззваниях, призывах. Например: *Трудящиеся Советского Союза! Крепите трудовую дисциплину, берегите каждую рабочую минуту! Экономьте металл, сырье, эффективно используйте топливно-энергетические ресурсы!* (Призывы ЦК КПСС к 1 Мая 1979 г.).

Повелительное наклонение глагола используется и как средство активизации внимания собеседника: *посмотрите, давайте подумаем, давайте совершим путешествие* и др.: *Приглядитесь, как бережно берут куриловцы ломтики хлеба. . . Обратите внимание, с какой важностью. . . надевают новый костюм в гости* («Правда», 1979, 29 июля). Форма 1-го лица единственного числа глагола и местоимения частотна в тех публицистических жанрах, которым свойственно повествование от первого лица: очерк, репортаж. Например: *Знаю его давно, но при каждой встрече испытываю чувство радостного приобретения* («Правда», 1979, 1 июля).

Стилевую окраску получает субстантивация прилагательных и причастий со значением лица: *правофланговые, пример лучших, работать без отстающих*.

Излюбленным приемом актуализации сообщения в публицистике является использование местоимений перед словом, на которое оно указывает. Например: *Трое их без отца осталось, братьев Кулаковых. Вот куда целят они, дети военных лет* («Правда», 1979, 29 июля).

Местоимения в тексте телепередачи отсылают не к тому, что уже названо, а к синхронно идущему изображению. Так, например, в телеочерке В. Зорина «Владыки без масок» (ЦТ, 15 ноября 1970) три раза употреблено местоимение «это»: *Это — Техас. И это — Техас. И это — тоже Техас*. Синхронно с первым шло изображение спокойного, мирного ландшафта; со вторым — вышки, факел газового пламени, с третьим — машина президента Кеннеди, прицел винтовки, выстрелы, вдова над гробом.

Синтаксис публицистического стиля представляет определенный синтез книжных и разговорных конструкций. По подсчетам исследователей¹, в современной (послевоенной) публицистике на 100 предложений текста в среднем приходится 35,8 сложных предложений и 44,1 предложений с обособлением. Эти черты книжного синтаксиса в большей степени присущи таким жанрам публицистического стиля, как передовая статья, международный обзор, лекции на общественно-политические темы. В этих жанрах большую роль играют синтаксические фигуры украшения речи: анафора, параллелизм, антитеза, инверсия и др.

В таких газетных жанрах, как репортаж, очерк, фельетон, и в жанрах радио- и тележурналистики заметно влияние разговорного синтаксиса.

В настоящее время расширяется сфера использования присоединительных конструкций. Например, двучленные сегментированные конструкции стали часто употребляться в последние годы в произведениях газетного жанра. Например: *Спартакиадная лыжня. На этот раз на нее вышли женщины* («Правда», 1974, 12 марта).

¹ Сиротинина О. Б. Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики. — В кн.: Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968, с. 110—113.

Расчленение высказывания на части не только облегчает восприятие его смысла (что особенно важно для устной формы публицистики), но и придает тексту напряженность, динамичность, экспрессивное подчеркивание той или иной части высказывания. Максимальная выразительность достигается при использовании присоединения с повтором. Например, начало очерка О. Очаковской «Память обязывает» («Известия», 1979, 28 окт.):

Чем дальше по времени от нас война, тем пристальнее вглядываемся мы в ее лицо. Жестокое, суровое, горькое. Уже выросли и стали взрослыми дети, рожденные в военные годы. И юные вдовы состарились и сделались бабушками. И только мертвые остались молодыми.

Мы много вспоминаем о прошлом. Мы разыскиваем без вести пропавших и семьи погибших. Мы ищем храбрецов, живых и павших, чтобы воздать им по заслугам. Так появляются новые фильмы о войне, новые книги, новые песни. И новые имена героев, которые еще вчера считались безымянными.

Итак, социальные, культурные и пропагандистские задачи публицистики в обществе обусловили ее многожанровую и многостилевую структуру. Единство публицистического стиля создает функциональное назначение языковых средств. В любом публицистическом жанре отбор лексических и грамматических единиц подчинен главной цели — наилучшим образом обеспечить выполнение информационной и воздействующей функции текста.

Большую роль в усилении экспрессии текста играют и неязыковые средства: графические — в письменной форме публицистики (знаки препинания, шрифтовое выделение и т. п.), сочетание слова со звуком и изображением — в радио- и телепублицистике.

4. РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ

§ 63. Общая характеристика разговорного стиля

Разговорный стиль связан с выполнением основной функции языка — функции общения. Он самый распространенный из всех функциональных стилей, так как

обслуживает сферу непринужденного общения людей в быту, в семье, сферу неофициальных отношений на производстве и т. п.

Непринужденность предполагает, что близкие или нейтральные отношения между говорящими не требуют специально направленного внимания к речевой форме, кроме тех немногих случаев, когда говорящий намеренно вводит элементы «оживления» речи. Выбор стиля — разговорного или книжного — в сфере деловых отношений во многом определяется конкретной ситуацией общения и принятыми правилами речевого этикета. Так, например, в разговоре с врачом, с продавцом, с незнакомым человеком используется как разговорный, так и книжный стиль, однако предпочтение обычно отдается последнему или используется смешанный, книжно-разговорный стиль.

Разговорно-профессиональная речь связана с общением людей на производстве. В ситуациях профессионального общения нельзя обойтись без описания предметов, процессов, понятий, которые являются специфичными для данной профессиональной области. В книжной речи они имеют традиционное терминологическое обозначение, в разговорной используются профессионализмы. Вот примеры: 1) *Звери, как говорят охотники, «вышли на чистую» — оделись в зимние меха.* 2) *И я стал здесь, как говорят журналисты, «копать».*

Свойственная разговорной речи экономия речевых средств порождена условиями непосредственного устного общения, когда часть словесной информации можно заменить жестами, особой интонацией: *Вот такая трава. Ну и дела-а-а!*

Сокращению речи способствует и общая для говорящих обстановка общения. Так, например, у кассы кинотеатра, где продаются билеты только на очередной сеанс, обычно говорят: «Один пятый» или «Два билета, любой ряд». При покупке газеты или журнала говорящие только называют: «Известия», «Смену», «Неделю».

Противоположное качество разговорной речи — избыточность, т. е. полное или частичное повторение сообщений, использование неэкономных средств передачи информации, возникает как следствие неподготовленности (спонтанности) речи. Например, из разговора о попугае: *Ему в общем-то нужно... иногда и поч...*

(иститься). Чистятся они, конечно, весь день, сидят в клетке, весь день они чистятся, моются. Но купание... особенно летом, конечно... доставляет им большую радость¹.

Условия общения порождают и такие противоречивые черты разговорной речи, как высокую степень стандартизации языка, с одной стороны, и проявление индивидуальных черт стиля речи говорящего — с другой.

Типизированные, стандартные конструкции удобны в спонтанной речи. Говорящему не приходится подыскивать языковые средства: они уже отработаны общественной практикой использования языка в данной ситуации общения. Поэтому для каждой типичной ситуации имеются свои стереотипы, т. е. типические, устойчивые, повторяющиеся конструкции. Исследователи разговорной речи обычно выделяют два типа высокочастотных ситуаций и связанных с ними две разновидности стереотипов: 1) стереотипы этикета (*Добрый день, как дела? Что новенького?*) и 2) городские стереотипы — «Транспорт» (*На следующей выходите?*), «Магазин» (*Выбейте рубль двадцать.*), «Улица» (*Скажите, метро, сюда?*) и др.

Проявление в разговорной речи черт индивидуального стиля говорящего также обусловлено обстановкой непринужденного, раскованного общения, вседозволенности в выборе языковых средств. Говорящий вправе употребить как привычные, типизированные, так и свободные и даже окказиональные языковые средства. В любой другой речевой сфере, связанной с официальной обстановкой общения, существуют жесткие требования: возможности выбора ограничены нормами стиля. Разговорная же речь в большей степени способствует самовыражению: каков человек, такова и его речь. Этим разговорная речь сближается с художественной, где требование индивидуализации стиля обусловлено самой ее спецификой. Разговорная речь служит не только целям сообщения, но и целям воздействия. Этой двунаправленностью порождены такие качества разговорной речи, как: 1) экспрессивность и эмоциональность, 2) наглядность и образность, 3) синонимическое богатство, 4) использование изобразительных средств (гипер-

¹ Русская разговорная речь. Тексты. М., 1976, с. 60.

болы, литоты, сравнения и т. п.). Эти черты также сближают разговорную и художественную речь. Например: *Плакать хочется — плачь. Не эконошь. Слезы — это вода. А человек — он ведь на девяносто процентов из воды состоит, из слез, иначе говоря* (Б. Рахманин).

Изобразительные средства, используемые в разговорной речи, могут стать и своеобразным штампом, когда выходят за рамки индивидуального употребления: например, образные просторечные слова, появившиеся в современной разговорной речи: *отфутболить* (избавиться от чего-нибудь, передав его другим, в другие инстанции), *голосовать* (поднятием руки останавливать попутную автомашину), *выбить* (с трудом добиться, получить что-нибудь).

Разговорный стиль находит отражение в публицистике и художественной литературе. Ориентация на разговорность свойственна всем устным жанрам публицистического стиля (публичное выступление, телеочерк и др.), а также определенным газетным жанрам (фельетон, очерк и др.).

Устно-разговорные средства широко используются русской художественной литературой. Разговорная речь, отраженная в художественном произведении, при всей своей близости к реальной речи остается обработанной, т. е. лишенной одного из своих главных качеств — спонтанности. При этом не все типизированные устно-разговорные конструкции допускаются в текст художественного произведения. Автор отбирает только такие, которые могут служить сигналом разговорного стиля, способствуют стилизации под разговорность.

Использование разговорного стиля за пределами обычных для него сфер функционирования придает общению раскованность, интимность, способствует более легкому установлению контакта между людьми. Поэтому разговорный стиль используется во всех случаях, когда необходимо создать обстановку доверительности. Например, включение в официальную беседу разговорных элементов снимает излишнюю официальность.

Разговорный стиль оказывает воздействие на другие функциональные стили, особенно на их устные формы: доклад, лекция, дискуссия и т. п. Сильное воздействие разговорный стиль оказывает на газетно-публицистический и научно-популярный подстили.

В современном языковом общении отмечается и обратная тенденция: влияние всех функциональных стилей на разговорный. В разговорной речи встречаются научные и технические термины, канцелярские и газетные штампы. Наличие и удельный вес таких элементов в разговорной речи зависят от условий общения, тематики речи, индивидуального стиля речи говорящего.

Разговорный стиль, больше, чем книжные, связанный с экстралингвистическими факторами, имеет одинаковые черты в разных языках: спонтанность и порожденная ею неполнооформленность структур, повторы, вставки; тенденция к сокращению речи и ее избыточность, высокая степень стандартизации и проявление индивидуальных черт стиля и др. Однако в каждом конкретном языке одинаковые тенденции находят разное языковое воплощение.

Русская разговорная речь имеет свои нормы, которые еще мало известны и полностью не описаны. Поэтому, вероятно, когда говорят о нормах русского языка, обычно имеют в виду нормы книжной речи. Однако во многих случаях книжные и разговорные нормы не совпадают. Так, например, с точки зрения норм книжной речи сочетание «два молока» невозможно: молоко — несчитаемый предмет. С точки зрения разговорной речи в ситуации общения покупателя с продавцом такое сочетание обычно. Например: *Дайте мне два молока и одну сметану.*

Сопоставляя три варианта вопроса: 1) *Будьте любезны, скажите, пожалуйста, вы на следующей остановке выходите?* 2) *Вы на следующей остановке выходите?* 3) *На следующей сойдете?*, исследователь русской разговорной речи Е. А. Земская отмечает: «Первый представляет преувеличенно вежливую форму, реально не употребляемую, второй — вежливо нейтральную форму, третий — форму, типичную для разговорной речи»¹.

Нормы разговорной речи, в отличие от книжной — кодифицированной, никем сознательно не поддерживаются, они установлены узусом (обычаем). Однако все носители русского языка чувствуют эти нормы и любое

¹ Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979, с. 14,

немотивированное отступление от них воспринимают как ошибку. Человек, который говорит как пишет, производит впечатление неискреннего, жеманного. Например:

...Ах, Павлик, зрелость наступает, чтобы исправлять ошибки молодости. Судьба дает эту возможность, судьба вознаградила вас, Павлик, и меня тоже, мы с вами наконец дождались.

Раздражала ее выпренность и то, как она прижимала руки к груди. Кузьмин видел, что все это было искренне, и от этого становилось еще досаднее (Д. Гранин).

Итак, разговорный стиль, с одной стороны, и кодифицированные книжные стили, с другой, имеют свои, не совпадающие системы норм. Нормы книжных стилей устанавливаются и сознательно поддерживаются (они закреплены в словарях, справочниках, грамматиках), нормы разговорной речи определяются узусом, т. е. они условны, имеют характер коллективной договоренности.

Специфические черты разговорной речи в области фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса являются приметами разговорного стиля.

§ 64. Фонетические признаки разговорного стиля

Разговорная речь характеризуется особым разговорным стилем произношения и исключительным богатством интонационного варьирования. Разговорный стиль произношения, в отличие от высокого и нейтрального, характеризуется ненапряженной (вялой) артикуляцией. Поэтому звуки в разговорном стиле подвергаются большим изменениям, появляется нечеткое произношение. Усиленной редукции подвергаются безударные гласные, особенно в заударных слогах. Например: *нового* произносится как [новѣѣ]. Гласные под ударением также произносятся неотчетливо. Так, например, ударное *а* после мягких согласных может звучать как [э]. В результате сказанное *тебя* может быть услышано как «тебе». Сильной редукции подвержены сочетания гласных. Например: *вообще* произносится как в[Λ]бще, *победать* как п[Λ]бедать.

Для согласных также характерно ослабленное произношение и выпадение согласного в неудобных для быстрого произнесения сочетаниях. Например: *спокойной ночи* произносится без начального [с]; *столько* — без [л], *то есть как* — без сочетания [с'т]. В разговорном стиле, в отличие от книжного и нейтрального, усилена и ассимиляция согласных. Например, ассимиляция по мягкости: [с']ветлый, а[r']мия, [с']виду; ассимиляция по звонкости: во[д] гудит!

Кроме редукции и выпадения отдельных звуков в разговорном стиле наблюдается выпадение слогов и целых частей слова. Например: *человек* произносится как [ч'эк, ч'ьк], *здравствуйте* — как [зрс, др'ьс', з'ьс'].

Наибольшей фонетической деформации подвержены словосочетания, слова и формы слов, наиболее частотные в разговорной речи: слова приветствия и прощания, имена и отчества, числительные, сочетания *честное слово, может быть, так сказать* и др. Например: «Она [грит], а нельзя ли как-нибудь билет продать? А я [грю] — наэно нет».

В одно фонетическое слово сливаются несколько единиц. Например: *холодно же было* [хольдн'ьж'ьбыль].

Интонация разговорной речи, по сравнению с книжной, отличается богатством и разнообразием ритмическо-мелодических вариантов: от спокойной, бесцветной, еле слышной речи до максимально экспрессивной, громкой. Такое разнообразие видов интонации обусловлено разнообразием той обстановки, в которой используется разговорная речь. Но при всех контрастах разговорная речь всегда эмоциональна, в отличие от книжной устной речи, которая или безэмоциональна, или сдержанна. К повышенной эмоциональности располагает камерная (непубличная) обстановка общения, непосредственный контакт с собеседниками в момент речи и отношения близкого знакомства. Все это допускает возможность всплеска эмоций. Поэтому ровная, спокойная интонация книжного стиля в разговорно-обиходной речи покажется неуместной, искусственной, а следовательно, экспрессивной: она может свидетельствовать о крайне напряженном эмоциональном состоянии человека, пытающегося скрыть это за маской спокойствия.

Богатство интонации восполняет в разговорной речи недостаточную словесную выраженность. Так, в вока-

тивных предложениях с помощью интонации может выражаться призыв, просьба, запрет, удивление и т. п. Например: *Ричард поразился: — Вы не хотите? Сергей Ильич! — Глаза, руки, брови, все тело его выражало удивление, даже выцветшая ковбойка удивленно уставилась беленькими пуговками* (Д. Гранин).

Поэтому интонация в разговорной речи, в отличие от устной книжной, часто является не дополнительным, а основным средством выразительности и организации речи. Организующую роль выполняет интонация в бессоюзных предложениях и в предложениях со свободным соединением частей. Например: *Мы шли / был дождь*. Интонация членит предложения на отдельные части, усиливая значение каждой: *Когда ты едешь? Завтра? Рано утром?*

Большую роль в ритмической организации разговорной речи играет ее темп. В убыстренном темпе проговариваются части предложения, не несущие основной информативной нагрузки, обычные в разговорной речи стереотипы — формулы приветствия, прощания, имена и отчества и т. п. Именно поэтому такие единицы и подвергаются наибольшей деформации. Убыстренный темп используется при выражении побуждения, особенно в сочетании с эмоцией раздражения. Например: *Да замолчи ты!*

Значительно медленнее произносится основная информация в тексте. Выразительным приемом служит удлинение гласных:

а) для подчеркивания убежденности — неубежденности: *Да-а. Разуме-е-тся.*

б) для выражения удивления: *Вот это да-а!*

в) как средство иронии: *Уж он-то сде-елает! Как же!*

г) при переспросе, когда выражаются недоверие, несогласие, удивление: — *Он отличник. — Отли-ичник?! Одни тройки.*

д) для экспрессивной оценки количества, размера и т. п.: *Да, колосса-альный клуб там, колоссальный.*

§ 65. Лексико-фразеологические особенности разговорного стиля

Основной фонд разговорного стиля составляют общеупотребительные слова и выражения. В разговорной речи возможны и такие тексты, в которых сама «разго-

ворность» лексически не проявлена. Например: *Мы даже обрадовались, что погода нелетная. Оставили вещи в камере хранения и пошли смотреть город.*

Речь, лишенную лексических примет стиля, некоторые исследователи рассматривают как принадлежащую к нейтральному стилю¹.

Лексические единицы со сниженной стилистической отмеченностью (в словарях они имеют помету «разг.» и «просторечн.») не составляют основного ядра разговорной речи. Поэтому не наличие их в тексте, а возможность их использования является одной из особенностей разговорного стиля. Такие слова, как *уразуметь, тупица, орать, никудышный*, могут быть только в разговорной и как ее отражение в художественной и публицистической речи. Они не входят в лексический фонд ни научного, ни официально-делового стиля.

Повышенная эмоциональность и экспрессивность связана с использованием разговорных и просторечных слов и выражений. По сравнению с нейтральными синонимами лексические единицы сниженных стилистических пластов обладают «экспрессией чувственной конкретности»², т. е. кроме общего значения такие слова передают яркие образные представления: *идти — тащиться, задержаться — застрять, говорить — точить лясы, вмешиваться — соваться — совать нос, разбогатеть — набить карман, трудиться — гнуть спину*. Именно эта образность разговорно-просторечных слов создает особый характер метафоризации, свойственный разговорному стилю. Но в отличие от художественной речи в разговорной используются главным образом стандартизованные обезличенные метафоры, свойственные всем говорящим на русском языке. Поскольку эти метафоры не создаются, а воспроизводятся в речи, они, как правило, не ощущаются ни говорящим, ни слушающим. Так, например, метафоры, связанные с переносом названий животных, птиц, насекомых и их действий на человека: *ворона* (ротозей), *жук* (хитрый, изворотливый), *лиса* (льстец, хитрый), *ржать* (слишком громко

¹ См.: Черемисин П. Г. Русская стилистика. Ч. II. М., 1979, с. 53—54.

² См.: Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976, с. 134.

смеяться), *каркать* (говорить, предвещая что-либо недоброе).

Особенностью разговорной речи является образность, основанная на гиперболе и литоте. Например: *не съел ни крошки, с ума сойти*. Такие выражения используются для обозначения предельной степени качества, действия и т. п. Такую же функцию выполняют аналогичные сочетания: *ужасно весело, страшно смешно* и др.

К эмоционально-экспрессивным средствам разговорного стиля относится просторечная и жаргонная лексика, использованная в речи носителей русского литературного языка. Исследователи русской разговорной речи отмечают, что говорящими «менее продвинутыми в языковом отношении, употребляются почти исключительно нейтральные языковые средства, в то время как лица с более развитым чутьем языка... охотно используют сниженные средства, даже и просторечные — с целью разнообразить речь и достичь нужного стилистического эффекта»¹. Эта особенность разговорной речи, так называемое «интеллигентское просторечие», находит широкое отражение в художественных произведениях. Например:

— Ого! Настаиваете, что вы и есть этот... Забавное допущение, — в подтверждение Зубаткин энергично потер руки. — Понимаю. Примеряете как бы на себя корону, и как, нравится? То-то же! Все хотят быть талантливymi. Но... не у всех получается. Тогда начинают говорить о нравственности и тому подобной фигне (Д. Гранин).

Стремление к новизне, живости речи особенно свойственно молодежи, и в речи представителей этой социальной группы просторечных и жаргонных элементов значительно больше, чем в речи лиц старшего поколения.

Разговорная речь исключительно богата вариантами, синонимическими средствами. Однако характер этих средств и их функция в разговорной речи имеют свою специфику. В спонтанной разговорной речи у говорящих нет возможности уделять должное внимание от-

¹ Лаптева О. А. Русский разговорный синтаксис. М., 1976, с. 73.

делке своего высказывания: разнообразить речь, устранить повторения и монотонность. Однако стремление к этому есть. Например, многие говорящие избегают повторения тех слов, которые были сказаны собеседником в предыдущей реплике: — *Так вы все-таки вступили в кооператив?* — *Да, влезли в это дело.*

Синонимы в разговорной речи могут выполнять функцию усиления воздействия на собеседника, когда говорящий перечисляет на близком расстоянии большое количество известных ему замен: *Она стала худая, тощая, одни глаза на лице остались.*

Перечисление синонимов порождается спонтанным характером речи. Вынужденный подыскивать нужное слово в момент речи, говорящий вслух производит отбор наиболее подходящего: *Это просто фантазия, мечта, нет — утопия.*

Кроме синонимов разговорный стиль располагает множеством лексических вариантов для обозначения одного и того же предмета. Так, например, у слова *прищепки* (зажимы для прикрепления белья к веревке) отмечены варианты: *прищепы, защепки, защепы, зажимки, держалки, прижимки, цеплялки, закрепки, скрепки, шпильки*¹. Такая лексическая избыточность порождена спонтанностью разговорной речи, когда на поиски слова нет времени. Поэтому, если нужного наименования говорящий не знает или вспомнить не может, он тут же придумывает ему замену — «экспресс-номинацию». Наличие вариантных наименований не свидетельствует о словарном богатстве разговорной речи. Во-первых, эти варианты «сиюминутны», они производятся в самом акте общения и, за редким исключением, не закрепляются в языке, не становятся достоянием всех говорящих. Во-вторых, эти варианты создаются, как правило, из названий других предметов, т. е. порождаются омонимы. Таким образом, дублетные наименования приводят к уменьшению словарного запаса разговорного стиля, т. е. из употребления выпадают действительные наименования предметов, закрепленные в языке.

Об относительной бедности лексикона разговорной речи, сравнительно с книжной, говорят данные частот-

¹ Русская разговорная речь. М., 1973, с. 442.

ных словарей. Так, в словаре книжной речи на 400 000 словоупотреблений разные — 24 224 слова, а в словаре разговорной речи то же количество словоупотреблений дало только 14 300 разных слов¹.

В разговорной речи обнаруживается семантическое своеобразие слов как собственно разговорных, так и совпадающих по форме со словами книжного языка.

В составе разговорных и просторечных слов заключается бóльшая семантическая емкость, чем в их нейтральных и книжных синонимах. Например, сопоставим значение нейтрального слова *говорить* с его разговорными синонимами: *болтать* — бегло говорить на каком-либо языке в пределах обычных обиходных отношений; *лопотать* — говорить непонятно для слушающего; *лепетать* — неглубоко, поверхностно владеть каким-либо языком; *тараторить* — говорить быстро, без умолку; *трещать* — говорить громким голосом, быстро и без пауз; *тарахтеть* — говорить быстро, не умолкая, с оценкой пренебрежительной, шутливой, иронической; *часть* — говорить очень быстро; *стрекотать* — говорить быстро, чаще весело и взволнованно (обычно — о женской или детской речи).

В разговорной речи имеются и семантически опустошенные слова, т. е. не имеющие своего значения и используемые вместо почти любого слова. Например: *дело, штука, вещь, музыка, история, пироги* (обычно в сочетании: *вот такие...*) — в значении предмета; *бах, лупить, чесать, жарить* — в значении действия; *такой, что прямо* — в значении признака; *так, что прямо...* — обстоятельства: *У нас были такие разговоры, просто не описать. Мне так хочется уехать! Я не спешу. Я просто так бахнула.*

Одной из характерных черт разговорного стиля является насыщенность его фразеологизмами и речевыми стереотипами. «Почти все разговорно-бытовые фразеологизмы имеют образный характер и вносят в речь оттенок непринужденности и простоты и, более того, даже некоторой «вольности»: *заморить червячка; свинью*

¹ Морковкин В. В. Сравнительный список наиболее употребительных русских слов. — В кн.: Лексические минимумы русского языка. М., 1972, с. 22,

*подложить; ни за понюшку табаку; танцевать от пачки; как сельди в бочке; сколько лет, сколько зим...»*¹

Речевые стереотипы «экономят усилия» говорящих, они освобождают от необходимости создавать оригинальные формы для выражения одного содержания в типичных ситуациях общения. Например, в русской разговорной речи общественная практика использования языка закрепила формулы приветствия: *Здравствуйте! Рад вас видеть*; прощания: *Всего хорошего! Передавайте привет...*; выражения благодарности: *Спасибо. Я так вам признателен*; удивления: *Неужели это правда? Не может быть! Как же так?*; сочувствия: *Как жаль! Тебе не везет!*; просьбы: *У меня к тебе просьба* и др.

В любом тексте лексику и фразеологию разговорного стиля можно заменить нейтральными единицами. Однако это лишит текст своеобразной привлекательности, которую создает непринужденный, спонтанный характер речи. Ср., например: *У Галины Андреевны на работе бывали дни ничего, терпимые; но случилось — шло одно к одному: и посетители нервные, и куча писанины, и такой образовывался кавардак, что голова кругом* (А. Чупров) — и перевод в нейтральные единицы: *У Галины Андреевны на работе бывали дни довольно хорошие, сносные, но случилось — целый ряд неприятностей следовал друг за другом: и посетители нервные, и большое количество деловых бумаг, и такой образовывался беспорядок, что наступало состояние растерянности от обилия дел и забот.*

§ 66. Морфологические особенности разговорного стиля

Морфологическую специфику разговорного стиля составляют: 1) определенный, «свой» набор грамматических форм и отсутствие некоторых форм, характерных для книжных стилей; 2) количественное соотношение грамматических категорий и форм; 3) особенность использования ряда грамматических единиц.

¹ Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка, М., 1972, с. 252,

Наибольшей частотностью и своеобразием употребления в разговорной речи отличаются местоимения. Специфика использования местоимений в разговорном и книжных стилях наиболее отчетливо выявляется при выборе способов их конкретизации. Так, в книжных стилях местоимения выполняют отсылочную функцию: они второй раз называют то, что было названо ранее. Такая роль отсылки характерна и для разговорного стиля, но при этом конкретизировать местоимение может не отдельное слово или предшествующий текст, как в книжных стилях, а вся предшествующая ситуация общения.

Только в разговорной речи местоимения могут наполняться определенным лексическим содержанием, выступать вне соотнесенности их с определенным существительным и прилагательным. Например: *Он уже до сих пор (жест) дорос. Дайте мне всего вот столько (жест). Нет, мне не эту (жест), а вон ту (жест).* Если жест оказывается невозможным, говорящий прибавляет к местоимению определение. Например: *Этот, в джинсах, мне не нравится. А сколько стоит этот, над дверью?* Местоимение в сочетании с инфинитивом может заменить наименование предмета, т. е. исключить существительное. Например: *Купи чем стирать. Принеси что почитать. Захвати на чем сидеть.*

Местоимения делают ненужным использование прилагательных: интонация, мимика, эмоциональный жест наполняют местоимение собственным значением признака. Например: *В горах таки-ие обвалы! Он тако-ой агроном! Та-ак нас встречали!* Слова, конкретизирующие значение местоимений, в разговорной речи обычно располагаются после них, тогда как в книжной они предшествуют местоимениям. Например: 1) *Там была такая нервотрепка! Ну просто жуткая нервотрепка!* 2) *Такая жара, что просто ужас!*

Говорящий может начать свою речь с местоимения и только к концу высказывания подберет слово, конкретизирующее его значение: *А он глубокий — пруд? А он весь промок — зонтик-то.*

Частотность местоимений в разговорной речи связана и с особенностями их синтаксического употребления. Кроме тех функций, которые свойственны местоимениям во всех стилях речи (функция подлежащего, опреде-

ления и т. п.), в разговорной речи местоимениям присуща и специфическая функция — выделение смыслового центра предложения. Так, вопросительные местоимения находятся перед тем словом, которое является важным для говорящего: 1) *Он что? Все еще в школе?* 2) *У нас заседание что? Ровно в одиннадцать?* 3) *А он какой? Новый?* Функцию актуализаторов выполняют местоимения в конструкциях с удвоением: имя существительное в именительном падеже как бы повторяется в следующем за ним местоимении: *Перегородка — она только мешает. Эти журналы — их давно выбросить пора. Зайцева — к ней лучше и не обращаться.*

Местоимения — заполнители пауз полностью утрачивают свое значение: *А что... этот... как его... Алексей, тоже едет? Пришел врач... этот... эпидемиолог, кажется.* Только разговорному стилю свойственна субстантивация притяжательных и определительных местоимений: *Наши давно вернулись. Будут мне тут всякие указывать!*

Итак, высокая частотность местоимений в разговорном стиле является следствием их полифункциональности.

Второе место по частотности среди знаменательных частей речи занимают глаголы. Разговорный стиль — «самый глагольный» из всех функциональных стилей. В разговорном стиле представлены все наклонения глагола, при широком использовании повелительного и сослагательного; все три времени с преобладанием настоящего и прошедшего; используются все общерусские значения времен и наклонений, активен инфинитив. Даже в небольшом отрывке из диалогической речи могут быть использованы почти все глагольные формы русского языка: *Мне показалось, что навстречу идете вы. Но я не была уверена, что это вы, поэтому и не решилась поздороваться: вдруг оказалось бы — не вы. — Нет, мы в этом году на юг не ездили. Собираемся на будущий, а в этом отдыхали под Москвой. — Вот я и говорю, что ошиблась. Ну да ладно, расскажите, как отдыхалось?*

Употребительность всех времен объясняется тематикой разговора: речь может идти о событиях настоящего, прошедшего и будущего (как в приведенном выше тексте).

В разговорной речи отмечается активность переносного употребления форм времени: говорящий усиливает экспрессию речи и эмоциональное воздействие на собеседника заменой формы прошедшего и будущего времени формой настоящего. Например, в приведенном выше диалоге форма *идете* обозначает событие прошлого. Возможна и обратная замена: прошедшее совершенное употребляется в значении настоящего. Например: *Куда вы пошли?* (вместо: *Куда вы идете?*)

Типической чертой разговорной речи является употребление форм повелительного наклонения в значении условия: *Скажи ты раньше, сделал бы*; уступки: *Старайся не старайся — ничего не изменишь*; следствия: *Сделал уроки — бегай сколько хочешь*; пожелания: *Избави бог!* Интересные наблюдения над функционированием формы императива в разговорной речи сделаны А. Н. Васильевой¹. Она выделяет: а) «субъективно-оценочный императив при вольном цитировании», т. е. когда говорящий цитирует реального или возможного собеседника: *Который час? — Час ему скажи! Работать надо, а не на часы глядеть*; б) императив со значением неожиданного действия, «как будто кем-то подсказанного»: *Думаю я: хоть бы Марии Михайловны здесь не было. А она возьми и приди.*

Характерной особенностью разговорной речи является употребление повелительного наклонения с личными и возвратными местоимениями: *Ты приготовь себе книги заранее. Скажи мне свой номер телефона. Да перестаньте вы разговаривать!*

Для передачи императива, актуального для разговорной речи, используются формы изъявительного и сослагательного наклонения: *Идем скорее. Ну, пошли, пошли! Подумал бы хорошенько, а потом уж говорил.*

Большая частотность инфинитива в разговорном стиле обусловлена широким использованием его в функции определения. Если в книжных стилях инфинитив сочетается с ограниченным кругом существительных (со значением отвлеченного действия, лица), то в разговорном стиле такого лексического ограничения нет: инфинитив может присоединяться практически к любому су-

¹ Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. М., 1976, с. 207.

ществительному: *Дайте бумагу писать. Где кисточка рисовать?*

В разговорной речи отсутствуют причастия действительного залога и страдательные причастия прошедшего времени, а употребительны деепричастия типа «сидя», «лежа», «стоя», т. е. типа отглагольных наречий. О неупотребительности причастий в разговорной речи хорошо заметил еще А. С. Пушкин. Он писал: «Может ли письменный язык быть совершенно подобным разговорному? Нет, так же, как разговорный язык никогда не может быть совершенно подобным письменному. Не одни местоимения «сей» и «оний», но и причастия вообще и множество слов, необходимых обыкновенно, избегаются в разговоре. Мы не говорим: карета, скачущая по мосту, слуга, метущий комнату; мы говорим: которая скачет, который метет и пр., заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом». Большая часть используемых в разговорной речи причастий перешла в разряд прилагательных или существительных: *работающий* (человек), *подходящие* (условия), *настоящее* (дело), *неописуемый* (восторг), а деепричастия стали частотны в устойчивых оборотах: *не сходя с места, говорить не переставая, слушать затаив дыхание, попросту говоря*.

Имена существительные, прилагательные и числительные в разговорной речи гораздо менее частотны, чем в других сферах использования языка.

Специфичным для разговорного стиля является использование формы именительного падежа существительных. Исследователи разговорного стиля по-разному объясняют активность именительного падежа в разговорной речи: невольные ошибки, закономерные в условиях непосредственного общения¹; особые синтаксические структуры, свойственные разговорному стилю². Однако все эти частные причины порождены условиями общения — спонтанностью речи, когда высказывание формируется на ходу, в момент речи. Нужное слово возникает в основной форме и присоединяется к другим

¹ Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974, с. 86.

² Русская разговорная речь. М., 1973, с. 242—264; Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979, с. 75—76.

единицам предложения без синтаксической связи: *Ему одиннадцать лет, пятый класс. Там сыр, остатки.* Часто существительное в именительном падеже выдвигается на первое место предложения, так как служит средством актуализации (выделения главного). Например: *Аптека, как пройти? ЦУМ, где выходить?*

По степени употребительности в разговорном стиле все падежные формы можно расположить в определенном порядке. Самым употребительным является именительный падеж, затем винительный, родительный, предложный, творительный, дательный.

В разговорной речи имеется своя особая звательная форма, которая используется в функции обращения: *мам, Юр, Сонь, Кать, дядь Коль, тетя Мань.*

Показателями разговорного стиля, связанными с использованием существительных, также являются:

1) употребление существительных множественного числа с окончанием *-а* при варианте *-ы*: *бухгалтера, ветра*;

2) употребление существительных мужского рода с окончанием *-у(-ю)* в родительном и предложном падеже единственного числа: *стакан чаю, килограмм сахару, в отпуску*;

3) употребление существительных мужского рода в родительном падеже множественного числа с нулевым окончанием при наличии варианта *-ов(-ев)*: *много гектар, килограмм помидор, пара носок*;

4) несклонение первой части составных наименований: *к Семен Ивановичу*;

5) склонение аббревиатур: *во МХАТе*;

6) использование множественного числа при обозначении одного предмета (*гости, экзамены, полы, праздники*) и единственного в значении множественного (*Огурец в этом году вкусный*);

7) употребление существительных с суффиксами *-ш(а), -их(а)*: *кассирша, врачиха*;

8) употребление существительных в уменьшительных формах экспрессивного значения: *дайте справочку, прочтите страничку, пятикопеечная монетка*;

9) употребление существительных с суффиксом *-к(а)*, заменяющих словосочетание: *зачетка, читалка*.

Имена прилагательные в разговорном стиле представлены главным образом разрядом качественных. Со-

кращению общего числа прилагательных, в том числе относительных, способствует типичная для разговорной речи тенденция выражения признака именем существительным. Вследствие пассивности родительного приименного в разговорном стиле значение признака может передаваться и формой именительного падежа. Например: *У Игоря была чашка, тонкий фарфор. У тебя платье, шелк или шерсть?* В разговорной речи используются преимущественно полные формы прилагательных в роли предиката: *Она чудесная. Погода отличная.*

Значителен лексический запас слов категории состояния, получивших разговорную стилистическую маркировку: *здорово, тошно, противно, туго, нормально, порядок, хоть куда* и др.

По количеству незначительных слов разговорная речь превосходит все остальные стили языка. В разговорной речи имеются свои (разговорные) союзы (*пока, раз*), частицы (*что ли, прямо, вроде, ну*), междометия (*батюшки, вот тебе и на, фу ты*). Особую экспрессивность придают разговорной речи частотные в ней междометные глаголы: *бах, бац, трах, дзинь, шмяк* и др.

Среди незначительных частей речи в разговорной речи наиболее употребительны частицы. Чаще всего они используются как фонетический материал, из которого посредством интонации создаются разные значения. Например, частица *ну* в разных ситуациях при различном интонировании может передавать значение удивления, побуждения, согласия и т. п. Частица *ну* в разговорной речи может начинать или заканчивать общение. Например:

1) — *Ну ладно. Давайте обедать. — Что? Обедать? — Ну да-да, обедать. Мне скоро уходить.* 2) — *Никому я не нужна? — Нет. — Ну тогда я пойду.*

Многозначна частица *вот*. Она используется для обозначения оценки, побуждения, усиления и т. п., а также в роли вставки, необходимой для интонационного оформления фразы, обозначения начала или конца речи. Например: 1) *Книги вот купили.* 2) *Вот и вся история.* 3) *Вот я и думаю... Случись что... Плохо нам будет.* 4) *Вот-вот должен прийти.* 5) *Вот еще что придумали!*

В синтаксисе наиболее отчетливо проявляется своеобразие разговорного стиля, его зависимость от условий функционирования.

Общим стилистическим признаком разговорного синтаксиса является неполноструктурность, т. е. отсутствие словесного выражения тех или иных членов, необходимых в грамматическом или семантическом отношении.

В живой речи, тесно связанной с определенной ситуацией, нет необходимости словесно обозначать все, что и так понятно собеседнику. Например: *Дайте в клеточку* (при покупке тетради). *Покажите зеленую* (при покупке сумки). *Передайте, пожалуйста, вон ту* (указательный жест в сторону книги).

Неполнота (эллипсис) формируется в процессе речи, а при длительном употреблении «в определенном кругу контекстов эта конструкция приобретает устойчивость; она как бы впитывает в себя эти контексты и ситуации и вместе с тем отрывается от них, становится самостоятельно значимой»¹. Поэтому в разговорной речи многие слова с конкретным значением используются как «наименование ситуации», а не как обозначение предмета. Например: 1) *Выключи рыбу, а то сгорит.* 2) — *Галя, ты боишься форточки? — Вообще-то, ты знаешь, да, потому что я немножко того. — Давай закроем.*

Неполноструктурные построения в разговорной речи могут быть двух видов: 1) узкоситуативные и 2) типизированные.

Эллипсис в первом случае обусловлен только данной ситуацией, а во втором он используется всеми говорящими, понятен вне определенного акта общения. Чтобы речь успевала за мыслью, чтобы убыстрялся процесс общения, в разговорной речи отработаны особые синтаксические формы усеченных словосочетаний и неполных предложений.

Усеченные словосочетания образуются за счет «сгущения» семантики. Эта возможность появляется в том

¹ Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка, М., 1976, с. 221.

случае, когда устойчивые сочетания используются в стереотипных обстоятельствах. Наиболее частотной является утрата определения при определяемых словах: *сад* (детский), *сестра* (медицинская), *песок* (сахарный), *давление* (высокое, низкое), *воздух* (свежий), *температура* (высокая), *сердце* (больное) и др. Например: *Что-нибудь от сердца у вас есть? Наконец-то устроила дочку в садик. Дайте килограмм песку.*

Атрибутивное словосочетание может сокращаться и за счет определяемого слова: *исторический* (факультет), *растворимый* (кофе), *механический* (цех), *больничный* (лист), *декретный* (отпуск), *зубной* (врач). Например: *У нас сегодня отчетно-выборное. Я на больничном. Я по зарубежной не все прочла.*

Усеченные атрибутивные сочетания могут иметь как общеречевое распространение, так и более узкое, например в профессиональной среде: *на кафедре* (на заседании кафедры), *на дирекции* (на заседании), *на отчетно-выборном* (на собрании), *на активе* (на совещании).

Сокращаться могут и глагольно-именные сочетания путем устранения управляемого слова. Широкое распространение в разговорной речи получило безобъектное употребление следующих глаголов: *окончить* (школу, институт, техникум), *поступить* (в институт, в техникум), *сдать* (экзамены, зачеты), *отметить* (праздник), *участвовать* (в чем-либо) и др. Например: *Я уже все оформила, сдаю досрочно.*

Большую роль в сокращении словосочетаний играет метонимический перенос. Метонимия в разговорной речи представлена гораздо большим числом слов и гораздо большим числом отношений, чем в книжной:

1) автор и произведение. Например, в книжном магазине: *Киплинг прошел уже? А Евтушенко?*;

2) человек и предмет одежды: *Я стою за синим пальто* (Я стою в очереди за человеком в синем пальто);

3) человек и место работы, жительства: *Институтские выиграли.*

Метонимические переносы расширяют круг сочетаемости слов. Так, в разговорной речи в количественно-именные сочетания вступают существительные, семантика которых препятствует этому. Например: *две сметаны, половина супа, три кефира.*

Сокращение словосочетаний не является специфической особенностью только разговорной речи, такие возможности заложены в самой языковой системе и реализуются во всех стилях. Например: *накладная, сопроводительная* — в официально-деловом; *наружное, жаропонижающее* — в научном; *посевная, хлопкоуборочная* — в публицистическом. Однако в разговорном стиле такие сочетания наиболее частотны и потому являются его стилеобразующей чертой.

Эллипсис на уровне предложения, как и словосочетание, с одной стороны, является следствием условий функционирования разговорной речи, а с другой — определяется возможностями самой системы языка. В первом случае предложения ситуативно неполные, а во втором — их неполнота типизирована. Например, в диалоге — *Ну? — Пять!* содержание реплик становится ясным только в ситуации: студент вышел из аудитории, где сдавал экзамен. Предложения же типа: *Ты куда? Что с вами? Всего хорошего!* — тоже неполные, но они понимаются однозначно всеми говорящими независимо от конкретной ситуации общения.

Наиболее частотны в разговорной речи предложения с нулевым сказуемым со значением:

1) движения (*ходить, ездить, летать* и др.): *Ты почему так поздно? Ты куда? — Я в театр. Ты с работы прямо домой или по магазинам? Мы на самолете. Я по делу.*

2) речи (*говорить, рассказывать, рассуждать* и др.): *Я не об этом. Ты серьезно? — Нет, я в шутку. Ты покороче.*

3) пожелания: *Спокойной ночи! С Новым годом! С праздником! Всего хорошего.*

Нулевой может быть часть сказуемого. Например: *Я люблю пешком (ходить). Я не мог об этом (сказать). Нельзя так (поступать). Пора (идти).* Нулевым может быть модальное слово (*можно, надо, возможно*) в модально-инфинитивных конструкциях: *Его теперь не (нельзя) узнать. Где (можно) остановиться?*

В разговорной речи существуют свои закономерности словорасположения. Свою речь говорящий, как правило, начинает с самого главного, наиболее важного для сообщения. Например: *Ветер сильный подул* (ср.: *Подул сильный ветер*). *Побыстрее это надо делать* (Это

надо побыстрее делать). *Брата жена завтра приезжает* (Завтра приезжает жена брата).

Для выделения важной части сообщения в разговорной речи кроме порядка слов часто используются логическое ударение, специальные частицы и местоимения.

Например: *Вот эту я взяла книгу* (частица *вот*, логическое ударение, выдвижение в начало фразы делает слово *эту* смысловым центром предложения).

Порядок слов и интонация взаимно дополняют друг друга и при делении предложения на отдельные смысловые блоки, так как информация в устных высказываниях подается по частям, отдельными порциями, для удобства и говорящего, и слушающего. Например: *А один у нас / вот талантливый очень мальчик / он ездил в Вену / как раз тут был конкурс / а его послали в Вену // И вот он там стажировался значит в Вене / и вот сейчас он приехал / и он лауреат //*¹.

Поскольку предложение в разговорной речи формируется на ходу, в самом акте общения, в нем могут отсутствовать словесно выраженные мысли, которые возникли у говорящего позднее, уже после того, как высказывание было начато. Такие опущенные части информации вставляются в любое место предложения, нарушая его синтаксическую структуру. Конструкции добавления относятся также к специфическим чертам разговорного стиля. Например: *Собачку они завели недавно. Мохнатенькую такую.*

Характерными только для разговорной речи являются конструкции с именительным темы, позволяющие расчленить высказывание на две части: 1) о чем сообщается и 2) что сообщается. В первой части обозначением темы служит именительный падеж, во второй, где передается основная информация, используется местоимение — коррелят именительного темы. Например: *А дочка ваша, она историк?* Конструкции с «именительным темы» относятся к элементам экспрессивного синтаксиса, поэтому они не употребляются в научном и официально-деловом стилях².

¹ Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978, с. 123.

² Об ошибочном отнесении конструкций с «именительным темы» к нарушениям синтаксических норм см.: Валгина Н. С. Ошибки — они бывают разные. — Рус. речь, 1979, № 4.

Слова-предложения, часто встречающиеся в разговорной речи, разнообразны по содержанию и оформлению. К ним относятся формулы речевого этикета: *Здравствуйте. Спасибо*, выражения согласия-несогласия: *Да. Нет. Разумеется*, выражение эмоционального отношения к речи, собеседнику и обстановке общения: *А как же! Вот еще! Позвольте! Скажите, пожалуйста.*

Разговорный стиль располагает особым типом сложных предложений, которые трудно поддаются классификации на основе той, которая принята в общелитературном языке: союзные и бессоюзные, сочиненные и подчиненные. Например: *А ты где был, я тебе звонила?* В одно целое могут объединяться несколько высказываний, лишенных синтаксической и видимой семантической связи. Связь между такими высказываниями восстанавливается из ситуации. Например: *Ты ничего не купила, я поеду?* (Если не купила ничего, то я поеду и куплю.)

Разговорная речь по преимуществу диалогическая. Поэтому синтаксическая организация высказывания одного из говорящих обусловлена структурой реплики собеседника. Диалог имеет свои речевые стереотипы, которые облегчают общение, свои типы неполных предложений; в диалоге в большей степени, чем в монологе, речь ситуативно обусловлена. Обычной формой диалога является вопросо-ответная. Например:

В. Плащ или пальто одевать?

А. А сколько градусов?

В. Пять — семь сказали // Без осадков // Прекрасная погода!

А. Ну ты как думаешь / что одевать?

В. Не знаю // Как хочешь // Плащ надень / холодно? Очень вчера было холодно?

А. Да // Холодно // (пауза) Ладно // Пойду в плаще // ¹.

Итак, специфические черты разговорного синтаксиса обусловлены особенностями функционирования разговорной речи, среди которых на синтаксическую организацию высказывания наибольшее влияние оказывают: спонтанность, диалогичность, преимущественное использование устной формы, ситуативность. Действия

¹ Русская разговорная речь. Тексты. М., 1978, с. 243.

этих условий порождают одно из основных свойств синтаксиса разговорной речи — обилие неполных (эллиптических) предложений и сокращенных словосочетаний.

Автоматизм спонтанной речи обуславливает, с одной стороны, стремление не создавать каждый раз заново то, что может быть использовано в сходных условиях (отсюда речевые клише), а с другой — порождает многочисленные отступления от норм синтаксического построения высказываний, свойственных кодифицированному языку. Предложения диалогической речи имеют особую синтаксическую структуру.

5. ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

§ 68. Общая характеристика

Язык художественной литературы представляет собой наиболее полное выражение литературного языка и во многих случаях выходит за его пределы в область языка национального, общенародного.

Если функциональные стили являются разновидностями литературного языка, его частными подсистемами, то язык художественной литературы способен включить все богатство литературного и в значительной мере общенародного языка: все пласты русской лексики во всем разнообразии ее семантики, экспрессивных и функционально-стилистических оттенков (от просторечия до высокой книжной), со всеми ее значениями — прямыми и переносными, всю русскую фразеологию, почти все средства грамматики и прежде всего — огромное разнообразие синтаксических конструкций, типов предложений.

Язык художественной литературы может включать также языковые черты и даже целые фрагменты функциональных стилей (научного, официально-делового, публицистического).

Особенно широко представлен в художественной речи стиль разговорный, что обусловлено самой структурой художественных произведений, широко включающей в себя форму диалога, монолога и сказа.

Художественная речь в зависимости от объекта изображения (среды, в которой происходит действие) может

включать и внелитературные языковые средства: диалектизмы, жаргонизмы и т. п. Например, в языке М. Шолохова: *гутарить* (говорить), *летник* (дорога, по которой ездят только летом) — или у других авторов: *слега* (длинная тонкая жердь), *подземка* (низкая печурка, дымоход которой проходит под полом) и др. В зависимости от жанра (исторический роман, например) язык художественной литературы может использовать устаревшие слова — архаизмы: *град*, *око*, *вежды*, *лик* — и историзмы: *подзачий*, *челобитная*, *кольчуга*.

Писатель или поэт использует и потенциальные возможности языка и создает слова и формы, которых нет в современном языке, — неологизмы и окказионализмы (от латинского *occasio* — случайность), т. е. слова, образованные на случай (например, у С. Есенина — *лунность*, *морозь*, *водь*; у Блока — *надвьюжный*; у В. Маяковского — *громадить*, *многопудье*, *молоткастый*; у В. Белинского — *москводушие*; у Е. Евтушенко — *индивидуумша* и т. д.).

Наряду с возможностью и допустимостью выхода за нормы и пределы литературного языка (в основном в сфере лексики и словообразования), язык художественной литературы отличается и строгой нормативностью, которая заключается в требовании высокой точности, четкости, тщательной отобранности слова, безукоризненной грамотности и совершенства авторской речи.

Роль языка художественной литературы, и особенно русской классической литературы и ее великих творцов, в формировании национального литературного языка огромна, недаром его развитие связывают с именами выдающихся писателей, и прежде всего с именем А. С. Пушкина.

Однако нормативность художественной речи складывается из других высших критериев и норм, которые обусловлены особым положением и ролью художественной речи по отношению к литературному языку и его стилям. Язык художественной литературы — это язык искусства слова, главной функцией которого является функция эстетическая (другими словами — функция образно-художественная), хотя и коммуникативная функция проявляется здесь в полной мере. И высшей нормой языка художественной литературы является, как справедливо отмечает Л. Ю. Максимов, «эстетическая моти-

вированность того или иного языкового средства, обеспечивающая индивидуальность выражения»¹. Только этой высшей нормой — эстетической мотивированностью — объясняется употребление перечисленных выше и всех других непременных языковых средств во имя художественного отражения человеческого бытия, а также личности и самобытности художественного мышления писателя.

Эстетической функцией и эстетической мотивированностью языка художественной литературы объясняется и другая норма художественной речи, ставящая ее в особое положение по отношению к функциональным стилям. Это недопустимость стандарта, стереотипа, шаблона в языке². Именно языковые стереотипы являются одним из категориальных признаков таких стилей, как официально-деловой, научный и даже публицистический.

§ 69. Отношение языка художественной литературы к системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Содержание понятия «стиль» в художественной литературе

Вопрос об отношении языка художественной литературы к функциональным стилям и о его месте в системе русского литературного языка не решается в лингвистике и филологической науке однозначно. Существует точка зрения, отстаиваемая рядом лингвистов (Р. А. Будагов, А. И. Ефимов, И. Р. Гальперин, Э. Г. Ризель, М. Н. Кожина, Б. Н. Головин, А. Н. Васильева), исходя из которой выделяется понятие художественного стиля, включаемого в систему функциональных стилей русского языка наряду с официально-деловым, научным, публицистическим и разговорным на основе использования элементов других стилей в особой, эстетической функции.

¹ Максимов Л. Ю. Литературный язык и язык художественной литературы. — В кн.: Анализ художественного текста. М., 1975, с. 15.

² Исключение составляют только фольклорные зачины сказок («В некотором царстве, в некотором государстве...», «Жили-были...» и др.).

Существует и другая точка зрения, другое понимание места языка художественной литературы по отношению к функциональным стилям русского литературного языка как явления более сложного и принципиально иного порядка, выходящего за рамки общепризнанных функциональных стилей литературного языка. Это понимание основано на целом ряде специфических черт и особенностей функции языка в художественной литературе и на проявлении этой функции в произведениях художественной литературы (Л. Ю. Максимов, Н. М. Шанский, Н. А. Мещерский, К. А. Панфилов и др.). Отчасти об этом речь шла выше. Мы исходим из последней точки зрения. Однако она требует глубокого рассмотрения и научного обоснования всех сторон решения данной проблемы.

В филологической и лингвистической науке давно возникло разграничение, с одной стороны, литературного языка, с другой — языка художественной литературы. Это разграничение и лежит в основе выделения и самостоятельного существования и развития двух дисциплин: 1) стилистики русского литературного языка и 2) стилистики художественной литературы.

Если стилистика русского литературного языка является прежде всего лингвистической дисциплиной, то стилистика художественной литературы (или художественной речи) — научная дисциплина филологического плана. Следует подчеркнуть, что понятие стиля в той и другой области наполняется разным содержанием.

Если на основе стилистики русского языка как лингвистической дисциплины возникает понятие функционального стиля как лингвистической категории, связанной с объективной социальной дифференциацией литературного и общенародного языка, то на основе стилистики художественной литературы возникает понятие стиля как эстетической категории.

Как эстетическую категорию следует рассматривать понятие индивидуального стиля автора, а также понятие стиля произведения, стиля направления, литературной школы. Итак, помимо того, что понятие стиля в художественной литературе как категории прежде всего эстетической наполняется качественно иным содержанием, сама специфика художественной литературы, как явления чрезвычайно многосложного и многостильного,

не допускает объединяющего унифицированного понимания единого стиля художественной литературы. По отношению к художественной литературе целесообразнее говорить о стилях (во множественном числе), будь то стили индивидуальные, стили направлений, литературных школ, стили отдельных произведений.

Выделение эстетической функции еще не дает, на наш взгляд, права на выделение функционального унифицированного художественного стиля речи. Это затемняет многомерную диалектическую сложность такого феномена, как художественная литература и, кроме всего прочего, ведет к путанице и недифференцированности терминов, прежде всего слова-термина «стиль», уже и так слишком многозначного.

Разграничение, с одной стороны, стиля как лингвистического понятия и стиля как категории эстетической — с другой стороны, основано и на качественно различном характере системности, заложенном в понятии «стиль» в социально-коммуникативном, языковом и в эстетическом плане.

Понятие системности входит как необходимый компонент в понятие «стиль». Но если функциональный речевой стиль является одной из систем литературного языка, которая обусловлена его социальной дифференциацией, то в художественном произведении понятие стиля складывается из систем иного порядка. С одной стороны, это система образов произведения, определяемая идейно-тематическим замыслом, с другой — это система индивидуального стиля писателя. Обе эти системы выражаются через языковые уровни текста произведения (отбор языковых средств), за которыми стоят самобытные формы образной выразительности и изобразительности. И все это вместе формирует систему общей образности произведения.

Прежде чем более подробно остановиться на эстетической, т. е. образно-художественной, функции языка в художественной литературе, следует рассмотреть кратко в историческом плане понятие стиля как эстетической категории, и прежде всего стиля индивидуального, т. е. становление этого понятия в истории развития литературы, хотя оно и не имеет к лингвистической стилистике прямого отношения.

Дело в том, что безоговорочное отнесение языка художественной литературы к функциональным стилям русского языка в качестве особого функционального стиля объясняется неисторическим подходом к решению этого вопроса. Ознакомление с историей развития литературных языков разных народов приводит к выводу, что место языка художественной литературы по отношению к системе функциональных стилей литературного языка исторически изменчиво и его следует определять лишь применительно к каждому национальному языку в отдельности в определенный период его исторического развития. Столь же исторически изменчива и роль индивидуально-авторского начала в истории развития художественной литературы.

В истории русской литературы был длительный период (прежде всего это относится к древнерусской литературе), когда роль индивидуально-авторского начала, значение индивидуального стиля были почти минимальны. Древнерусская литература была в основном анонимна, наиндивидуальна, и в основе ее лежали объективные жанровые каноны. Индивидуальный стиль как «структурное выражение личности», по утверждению академика Д. С. Лихачева, появился в русской литературе значительно позже (VIII век), а в полной мере получил свое выражение в реалистическом, отчасти — романтическом словесном искусстве.

Эпоха классицизма в русской литературе характеризуется превалирующей ролью объективно-нормативных требований и канонов. Строгое соблюдение объективных, вечно значимых и якобы независимых от человека эстетических законов и правил — основное требование эстетики классицизма. Даже теория «трех штилей» М. В. Ломоносова отражает по существу такое состояние языка художественной литературы, в котором объективная языковая нормативность, так же как и «пуризм» в области языка многих жанров, ставила язык художественной литературы до некоторой степени в один ряд с функциональными разновидностями литературного языка¹.

¹ Следует отметить, что применительно к эпохе классицизма можно говорить о существовании разговорно-обиходного и канцелярского стилей. Научного и публицистического стилей в современном их понимании тогда еще не было.

Чисто лирические жанры, в силу присущего им субъективно-личного, эмоционального, сугубо индивидуального начала, в поэтике и литературе классицизма играли весьма малую роль.

Следовательно, место и роль языка художественной литературы по отношению к литературному языку и его стилям в зависимости от эпохи в развитии общенародного языка и художественной литературы могут существенно меняться.

Все вышеизложенное составляет область истории литературы и истории литературного языка, которую иначе называют исторической стилистикой. В стилистике же современного русского литературного языка объектом изучения является стилистический аспект прежде всего современного состояния русского языка. Поэтому при рассмотрении в ней вопроса о месте языка художественной литературы неизбежно приходится принимать во внимание опыт художественной литературы эпохи реализма (и критического, и социалистического).

В литературе реалистического направления, как уже отмечалось, роль индивидуально-авторского начала становится столь велика, что выступает как главный, определяющий фактор структурной организации текста художественного произведения. «В реализме индивидуальные стили приобретают такое значение, — пишет академик Д. С. Лихачев, — что необходимость в смене реализма другими стилями и направлениями уменьшается до минимума. Потребность в новом удовлетворяется в реализме в пределах самого реализма — новыми индивидуальными стилями»¹.

Так обстоит дело с эстетической категорией стиля в нашу эпоху.

Прежде чем снова обратиться к понятию стиля как эстетической категории, следует более тщательно проанализировать понятие эстетической функции языка. Необходимо отметить, что эстетические качества языка, такие, как совершенство формы, ее полная гармония с содержанием, ясность, четкость, лаконизм, изящная простота и логическая стройность изложения мысли

¹ Лихачев Д. С. Будущее литературы как предмет изучения. — Нов. мир, 1969, № 9, с. 182.

и прочие, могут присутствовать и в речи научной, даже официально-деловой, тем более в публицистической.

Речь разговорная, особенно народная, в зависимости от ее носителя, может быть воплощением подлинной эстетики слова, причем именно народно-разговорной речи бывает свойственна особая выразительность, пластика и даже в немалой степени — образность.

Но вопрос заключается в соотношении функций: главной, определяющей во всех перечисленных языковых стилях является все-таки функция коммуникативная (в ее модификациях, разновидностях: непосредственного общения, сообщения, информации и др.). Эстетическая функция, точнее эстетические качества, если и присутствует, играет подчиненную, второстепенную роль.

Иное дело в языке художественной литературы. Эстетическая функция, эстетика слова здесь выступает на первый план, оттесняя на второй план функцию коммуникативную. Понятие эстетической функции и эстетики слова по отношению к произведениям словесного искусства, будь то художественная проза, драматургия, тем более — поэзия, наполняется в данном случае качественно иным специфическим содержанием. Эстетическая функция слова, языка в художественной литературе, как это видно из вышеизложенного, это прежде всего образно-художественная функция.

Чтобы понять особенность эстетической функции языка в художественной литературе, необходимо хотя бы кратко остановиться на специфике художественной литературы как рода искусства и как формы общественного сознания.

Художественная литература отражает мир, человеческое бытие в чувственно-конкретной форме через систему образов произведения, которую называют еще художественной моделью мира. Центром художественного отражения мира в произведении является человек, и не только с социальной стороны, как, например, в социологии, но как личность, характер, часто во всей сложности его внутреннего мира, его чувств и переживаний.

Отражение мира здесь не фотографично, т. е. не полностью адекватно самой действительности, так как сопряжено с художественным вымыслом, а также от-

ражает и личность автора (образ автора — по В. В. Виноградову). Отсюда двойная информативность художественного текста — и об объекте изображения, и об авторе, особенностях его мироощущения, мировоззрения, которые выражаются в стиле произведения, в его подтекстах, в самой подаче материала.

Художественное произведение — это всегда система взаимообусловленных и взаимосвязанных образов разных масштабов и типов, начиная от микрообраза, т. е. словообраза, и кончая макрообразом-характером, образом-картиной (пейзажем) и т. п. Словообраз далеко не всегда является тропом, метафорой, а просто конкретно названной деталью — предметом, качеством, состоянием, действием, — создающей конкретный зрительный или слуховой, даже обонятельный микрообраз — представление, чувственно воспринимаемое читателем. Например:

Было серенькое теплое утро. Уже несколько раз принимался идти крупный, короткий, благодатный дождь, после которого на глазах растет молодая трава и вытягиваются новые побеги. После дождя на минуту выглядывало солнце, обливая радостным сверканием облитую дождем молодую, еще нежную зелень сиреней, сплошь наполнявших мой палисадник; громче становился задорный крик воробьев на рыхлых огородных грядках; сильнее благоухали клейкие коричневые почки тополя (А. Куприн).

Характерно, что в этом подлинно художественно-образном описании нет ни одного словообраза — тропа.

Образы в произведении составляют систему динамическую, в которой каждый элемент эстетически значим и обусловлен этой целостной системой и ее динамикой. Эстетическая функция языка в произведениях искусства слова заключается в том, что языковой знак (т. е. его смысловая и звуковая характеристика) является составным элементом образа.

С этим связана и информативность самой формы в художественном произведении, когда «форма сообщения выступает не только как знак того или иного смысла, но и сама по себе оказывается значимой»¹. Так, в

¹ Максимов Л. Ю. Литературный язык и язык художественной литературы. — В сб.: Анализ художественного текста. М., 1975, с. 13.

большинстве стихотворений образ возникает не только из значений слов, но из звуковой и ритмической организации их.

Сами писатели прекрасно чувствуют системный характер подлинно художественного произведения. Вот что пишет К. Федин: «Ритм, мелодика, словарь не живут независимой жизнью, они связаны наподобие шахматных фигур. Как нельзя двинуть пешкой без того, чтобы не изменилось положение всех других фигур на доске, так нельзя «поправить» в произведении литературы только ритмику, только словарь, не повливав при этом на другие слагаемые стиля. Зачеркивая слово, я меняю строй фразы, ее музыку, ее стопу, ее отношение к окружающей сфере»¹.

Вне контекста произведения, т. е. вне системы, большинство микрообразов, не являющихся сравнением, метонимией, т. е. тропом, не имеют эстетической (образно-художественной) функции, тем более это относится к отдельному слову. Именно поэтому и возникло понятие «общей образности» произведения, следствием которой является «неизбежная образность каждого слова в произведении», о чем писал А. М. Пешковский². Так следует понимать эстетику слова и эстетическую, т. е. образно-художественную, функцию языка.

Говоря о системе образов произведения, мы говорим, по существу, о стиле произведения. Такое понятие существует, и вполне правомерно, наряду с понятием стиля направления, литературной школы, а также с понятием жанра, объективных требований жанра с его структурными и образными закономерностями (иногда говорят и о стиле жанра).

Стиль художественного произведения представляет собой как бы производное по крайней мере двух составляющих: с одной стороны, жанровых закономерностей с его нормативами, а с другой — индивидуального стиля писателя³. Но из этих составляющих доминирующей (особенно в литературе реализма) является все-таки

¹ Федин К. Писатель. Искусство. Время. М., 1957, с. 344.

² См.: Пешковский А. М. Вопросы методики русского языка, лингвистики и стилистики. М., Л., 1930.

³ Что касается идейно-тематического замысла, то он является первосновой, которая в большой степени определяет структуру произведения, систему его образов, т. е. стиль произведения.

стиль индивидуальный. Даже разножанровые произведения одного автора обладают рядом идентичных характеристик. Представленные в системном плане, по языковым уровням, они образуют языковую индивидуальность автора.

Итак, эстетическая, или образно-художественная, функция того или иного языкового элемента определяется местом и ролью его в системе образов произведения, а также в системе индивидуального стиля автора. То есть эстетическая функция языка в художественной литературе основана на принципиально ином характере системности — системности стиля как эстетической категории с присущими ему иными параметрами и измерениями (стиля индивидуального, стиля произведения; на еще более высокой степени абстрагирования — стиля направления, литературной школы).

Понятие же функционального стиля основано на качественно иной системности — системности внутриязыковой, обусловленной структурой современного состояния языка, связанной с его социальной дифференциацией. Поэтому выделение унифицированного функционального художественного стиля наряду с другими языковыми стилями лишено принципиально теоретического основания. Системы языковых признаков, охватывающей все уровни языка на основе всей художественной литературы, не получается. Слишком многопланова, многожанрова, художественно многостильна (в смысле стилей отдельных произведений, их жанров, литературных школ и индивидуальных стилей) общая «панорама» художественной литературы на современном этапе (имеется в виду литература XIX—XX вв.). Если учесть еще разные роды художественной литературы (эпос, лирика, драма), то унифицированная система языковых признаков становится еще менее реальной (системность, как уже отмечалось, здесь строится по другим параметрам — параметрам эстетическим, параметрам искусства слова).

Все вышеизложенное не говорит о том, что невозможно обобщение и абстрагирование каких-то языковых закономерностей, свойственных художественной речи, что нельзя изучать способы употребления языка в художественной литературе. Все это является объектом изучения стилистики художественной речи — дис-

циплины, как уже отмечалось, филологической. Она изучает набор особых языковых средств, не складывающихся в системы, т. е. структурные особенности художественной речи, но не системные ее отношения. Системные же отношения, существующие в стилях литературных школ и направлений, а также внутри отдельных жанров и отдельных произведений, изучает поэтика; некоторые из этих отношений призвана изучать такая сравнительно новая, тоже филологическая дисциплина, как лингвистический анализ художественного текста, хотя ее теория и методика находятся в значительной степени в стадии разработки.

Итак, системность — принадлежность понятия «стиль». По отношению к художественной литературе в целом ни понятие «система», ни понятие «стиль» (в единственном числе), с нашей точки зрения, неправомерны. Здесь можно говорить только о структуре и о стилях (во множественном числе), что и делается в ряде учебников по стилистике русского языка (например, у Д. Э. Розенталя).

Значит ли это, что невозможны сопоставления, корреляции между речью художественной и речью публицистической, научной, официально-деловой, разговорной. Нет, такие сопоставления, корреляции правомерны, но именно речи, а не стили.

Художественная речь действительно обладает рядом специфических структурных и других особенностей, в большей или меньшей степени присущих разным жанрам и стилям художественной литературы. Это, с одной стороны, повышенная эмоциональность, иногда экспрессивность речи (прежде всего это относится к поэзии и к некоторым стилям художественной прозы). Однако эти же качества в несколько иных языковых проявлениях свойственны и таким стилям, как публицистический и разговорный.

Средства экспрессивности, т. е. выразительности, как в прозе, так и в поэзии многообразны; к ним, безусловно, относятся метафоры, способы переносного употребления, а также метонимии, синекдохи, сравнения. (Художественная публицистика тоже прибегает к этим приемам.)

Сугубо художественным лексическим средством являются поэтизмы, хотя они встречаются не так уж ча-

сто, особенно в современной поэзии. В поэзии к средствам выразительности относятся ритмомелодика, а также средства рифмовки и звукописи. В прозе огромную экспрессивную роль играют конструкции так называемого поэтического синтаксиса (период, градация, анафора, эпифора и др.), но те же самые конструкции берет на вооружение и художественная публицистика.

Безусловна экспрессивная выразительность и художественная функция несобственно-прямой речи. Но даже и более простые конструкции: присоединительные с союзом *и* (благодаря своей ритмомелодической основе), а также безличные, номинативные и другие односоставные предложения — могут нести в себе большой потенциал авторской эмоциональности и подтекстного лиризма, например в стиле Чехова, Паустовского и др. Диалог с элементами разговорной экспрессии в лексике, синтаксисе также служит эмоционально-образной выразительности.

Образная художественная конкретизация совершенно правомерно выделяется многими исследователями как «наиболее широкое свойство художественной речи»¹. Совершенно верно, что перевод «понятийного плана языка в образный происходит при участии единиц всех языковых уровней: от фонетического до синтаксического»². Художественно-образная конкретизация, являясь комплексной, выражается в целой системе разноуровневых языковых средств, способствующих созданию и воплощению системы микро- и макрообразов, что воздействует на воображение читателя и активизирует его.

М. Н. Кожина выделяет целый ряд лексических и морфологических средств, которые способствуют образной конкретизации и определяют тенденцию использования их в художественном тексте. Прежде всего это конкретная лексика (особенно в прозаическом описании и повествовании) и целый ряд морфологических средств. Особенно значима здесь роль глагола, причем нагнетание глагольных форм при описании и повествовании, которое носит название глагольного речеведения (или сюжетоведения), заключается в том, что поэтапно назы-

¹ Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1977, с. 200.

² Там же.

вается каждое физическое и психическое движение и состояние и их последовательное изменение. Это способствует активизации воображения читателя, который зримо и наглядно (т. е. образно) представляет картину развивающихся событий, например:

Вышли на площадь, к церкви. Вокруг нее, в ограде густо стоял и сидел народ, здесь было сотен пять веселой молодежи и ребятишек. Толпа колыхалась, люди беспокойно поднимали головы кверху и заглядывали вдаль, во все стороны, нетерпеливо ожидая. . .

Толпа кипела, сквозь нее пробивались к знамени те, кто понял его значение, рядом с Павлом становились Мазин, Самойлов, Гусевы; наклонив голову, расталкивал людей Николай, и еще какие-то незнакомые матери люди, молодые, с горящими глазами, отталкивали ее. . . (М. Горький).

Безусловно и преобладание в таких случаях определенных временных форм глагола, прошедшего — прежде всего, а также настоящего в значении прошедшего, и крайне редкое употребление настоящего вневременного в силу его отвлеченности (оно используется в основном в научном стиле). Необходимо отметить и то свойство художественного слова, на которое впервые обратил внимание Б. А. Ларин и которое было определено им как «комбинаторное приращение смысла»¹. Это формирование значения слова широким контекстом, иногда — всем художественным произведением для выражения сквозной поэтической мысли — идеи.

Именно таким является, например, употребление слов «тонкий» и «толстый» в известном рассказе А. П. Чехова, где эти слова приобретают благодаря всему контексту и системе образов в нем расширенное социальное значение.

Подводя итоги, следует подчеркнуть еще раз главные общие черты художественной речи, т. е. языка художественной литературы. Эти черты обусловлены высшей эстетической функцией — образно-художественной — и особым положением языка художественной ли-

¹ См.: Ларин Б. А. О разновидностях художественной речи. Семантические этюды. — В сб.: Русская речь / Под ред. Л. В. Щербы. Вып. 1. 1923.

тературы в системе литературного языка. Это и смысловая двуплановость художественной речи, ее обращенность, с одной стороны, к системе литературного языка с его значениями слов и грамматических форм, с другой — к системе образов художественного произведения, сообщаящей его языковым компонентам другую, контекстуальную, образно-эстетическую значимость. Отсюда присутствие помимо словообразов (метафор, сравнений и др.) еще и «общей образности», обусловленной системой и структурой художественного целого. Из этого вытекает наиболее общая черта художественной речи — образная конкретизация и обусловленная ею эмоциональность (в некоторых стилях — и экспрессивность) изложения, которые свойственны художественной речи, хотя и в разной степени: в значительно большей — лирике и поэтической прозе.

И наконец, характерной отличительной особенностью языка художественной литературы в целом является многостильность, причем двойная: во-первых, в плане функционально-стилистическом, т. е. допустимость включения элементов и фрагментов всех функциональных стилей, и, во-вторых, в плане художественно-эстетическом, т. е. огромное многообразие стилей (как эстетических категорий) — индивидуальных, стилей произведений, стилей литературных школ и направлений, характеризующих художественную литературу в целом.

Постоянно развивающаяся область словесного искусства, по существу, не имеет ограничений в языке, кроме рамок художественности, т. к. служит отражению бесконечного разнообразия мира, богатства человеческого духа и бытия — как мира внешнего, вещного, мира природы, так и огромного и сложного мира человеческих переживаний, мыслей и чувств.

Ленин В. И. Об очистке русского языка. — Полн. собр. соч., т. 40, с. 49.

Ленин В. И. О журнале «Свобода». — Полн. собр. соч., т. 5, с. 358—359.

Ленин В. И. О характере наших газет. — Полн. собр. соч., т. 37, с. 89—91.

Барлас Л. Г. Русский язык. Стилистика. М., 1978.

Будагов Р. А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967, гл. II—VI.

Булахов М. Г. Основные вопросы сопоставительной стилистики русского и белорусского языков. Минск, 1979.

Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль речи. М., 1976.

Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка. Научный стиль речи. М., 1976.

Виноградов В. В. Итоги обсуждения вопросов стилистики. — Вопр. языкознания, 1955, № 1.

Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963.

Винокур Г. О. О задачах истории языка. — Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980.

Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. М., 1965.

Горбачевич К. С. Изменение норм русского литературного языка. М., 1971.

Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. Л. Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

Ефимов А. И. Стилистика русского языка. М., 1969.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М., 1979.

Кожина М. Н. К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968.

Кожина М. Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. Пермь, 1972.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1977.

Костомаров В. Г. О разграничении терминов «устный» и «разговорный», «письменный» и «книжный». — В кн.: Проблемы современной филологии. М., 1965.

Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.

Максимов Л. Ю. Литературный язык и язык художественной литературы. — Рус. яз. в нац. школе, 1961, № 1.

Пленкин Н. Г. Стилистика русского языка. М., 1975.

Проблемы сопоставительной стилистики восточнославянских языков. Киев, 1977.

Прокопович Б. Н. Стилистика частей речи. М., 1969.

Развитие функциональных стилей современного русского языка / Под ред. Т. Г. Винокур и Д. Н. Шмелева. М., 1968.

Рахманин Л. В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1973.

Розенталь Д. Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1974.

Сенкевич М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М., 1976.

Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.

Словарь синонимов. Справочное пособие. Л., 1975.

Солганик Г. Я. О языке газеты. М., 1968.

Солганик Г. Я. Синтаксическая стилистика. М., 1973.

Стилистические исследования. М., 1972.

Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка. Словарь-справочник. Л., 1973.

Федоров А. В. Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., 1971.

Филин Ф. П. Некоторые вопросы функционирования русского языка. — *Вопр. языкознания*, 1975, № 3.

Черемисин П. Г. Русская стилистика. Ч. 1, 2. М., 1979.

Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.

Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

«Введение», Раздел I, главы 1 и 2 написаны **БОНДАЛЕТО-
ВЫМ В. Д.** Раздел II, главы 3 и 4 написаны **ВАРТАПЕТОВОЙ С. С.**
Раздел II, глава 5 и Раздел III, главы 1—4 написаны **КУШЛИ-
НОЙ Э. Н.** Раздел II, глава 6 и Раздел III, глава 5 написаны
ЛЕОНОВОЙ Н. А.

I. Введение	3
§ 1. Предмет стилистики (3). § 2. Функционально-стилевая дифференциация языка как один из видов его варьирования (7). § 3. Основные направления и аспекты стилистики (9). § 4. Задачи стилистики как учебной дисциплины (13). § 5. Основные понятия и категории стилистики (15). § 6. Понятие о функциональных стилях, их виды (21). § 7. Вопрос о стилях языка и стилях речи (24). § 8. Синонимия, соотносительность и вариативность как база стилистики (26). § 9. Методы и приемы стилистического анализа (29). § 10. Понятие о стилевых и стилистических нормах, их отношение к нормам лексическим, грамматическим, орфоэпическим и орфографическим (38). § 11. Стилистические ошибки, их виды (43). § 12. Отличие лингвистической стилистики от литературоведческой (44). § 13. Связь «Стилистики русского языка» с курсами «Современный русский литературный язык», «История русского литературного языка», «Лингвистический анализ художественного текста» (46). § 14. Роль стилистики в воспитании речевой культуры, в достижении ее высшего уровня (49).	
II. Стилистические средства фонетики, лексики, фразеологии, словообразования, морфологии и синтаксиса русского языка	51
§ 15. Стилистическая структура языка (51).	
1. Фонетическая стилистика	57
§ 16. Из истории изучения фонетической стилистики. Основная проблематика современной фоностилистики (57).	
§ 17. Стили произношения (60). § 18. Стилистические возможности интонации и ее компонентов (63). § 19. Типы произнесения и функциональные стили (68).	
2. Лексическая стилистика	69
§ 20. Стилистическое богатство лексики (69). § 21. Стилистическая окрашенность слов в языке и речи. К стилистической парадигматике и синтагматике (72). § 22. Стилистически нейтральная, повышенная и сниженная лексика. Синонимические ряды, их виды. «Парадигма в парадигме» (75). § 23. Соотносительные и несоотносительные пласты лексики (82). § 24. Лексика книжных стилей (85). § 25. Лексика разговорного стиля (87).	

§ 26. Экспрессивно-эмоциональная окраска книжной, разговорной и нейтральной лексики (88).	
3. Стилистические средства фразеологии	90
§ 27. Стилистическое богатство русской фразеологии (90).	
§ 28. Особенности стилистической парадигмы, включающей фразеологические единицы (93). § 29. Фразеология нейтральная, разговорная, просторечная, книжная (98).	
4. Стилистические средства словообразования	104
§ 30. Словообразовательная синонимия (104). § 31. Стилистическая характеристика словообразовательных аффиксов (108). § 32. Стилистическая окрашенность словообразовательных типов (112). § 33. Стилистические возможности отдельных способов словообразования (120).	
5. Морфологическая стилистика	122
§ 34. Общая характеристика стилистических средств морфологии (122). § 35. Стилистика существительных (125). § 36. Стилистика прилагательных (132). § 37. Стилистика числительных (136). § 38. Стилистика местоимений (137). § 39. Стилистика глаголов (140). § 40. Стилистика причастий и деепричастий (145). § 41. Стилистика наречий (148). § 42. Стилистические функции предлогов, союзов, частиц (150). § 43. Стилистические функции междометий (151).	
6. Стилистические средства синтаксиса	152
§ 44. Общие замечания (152). § 45. Словосочетание (157). § 46. Простое предложение (157). § 47. Типы простых предложений (164). § 48. Простое осложненное предложение (168). § 49. Сложное предложение (171). § 50. Прямая, косвенная и несобственно-прямая речь (175). § 51. Абзац (176). § 52. Период (176).	

III. Функциональные стили русского литературного языка . 178

§ 53. Функциональные стили как наиболее общая стилистическая дифференциация языка. Краткая история вопроса (178). § 54. Состав стилей современного русского литературного языка. Подстили и жанры (184). § 55. Разговорный и книжный стили. Две формы реализации стилей — письменная и устная (192).	
1. Научный стиль	196
§ 56. Общая характеристика научного стиля (196). § 57. Фонетические, лексико-фразеологические и грамматические признаки научного стиля (208).	
2. Официально-деловой стиль	215

§ 58. Общая характеристика официально-делового стиля (215). **§ 59.** Лексико-фразеологические, морфологические и синтаксические особенности официально-делового стиля (220).

3. Публицистический стиль 223

§ 60. Общая характеристика публицистического стиля (223). **§ 61.** Подстили и жанры публицистики (231). **§ 62.** Фонетические, лексико-фразеологические и грамматические черты публицистического стиля (238).

4. Разговорный стиль 243

§ 63. Общая характеристика разговорного стиля (243).

§ 64. Фонетические признаки разговорного стиля (248).

§ 65. Лексико-фразеологические особенности разговорного стиля (250). **§ 66.** Морфологические особенности разговорного стиля (255). **§ 67.** Синтаксические особенности разговорного стиля (262).

5. Язык художественной литературы 267

§ 68. Общая характеристика (267). **§ 69.** Отношение языка художественной литературы к системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Содержание понятия «стиль» в художественной литературе (269).

**Василий Данилович Бондалетов, София Суреновна Вартапетова,
Эля Николаевна Кушлина, Нина Александровна Леонова**

Стилистика русского языка

Редактор В. И. Войцеховская. Художник Б. Н. Осенчаков. Художественный редактор В. Б. Михневич. Технический редактор А. Б. Этина. Корректор Т. В. Новик.

ИБ № 6025

Сдано в набор 09.03.82. Подписано в печать 16.07.82. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура школьная. Высокая печать. Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 15,33. Уч.-изд. л. 14,85. Тираж 16000 экз. Заказ № 346. Цена 65 к.

Ленинградское отделение ордена Трудового Красного Знамени издательства «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191186, Ленинград, Д-186, Невский пр., 28.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

**В 1983 году
в Ленинградском отделении
издательства «Просвещение»
выходит книга**

**Бондалетов В. Д., Вартапетова С. С., Кушли-
на Э. Н. Сборник упражнений по стилистике рус-
ского языка. Учебное пособие для студентов на-
циональных отделений педагогических институтов
союзных республик. Под редакцией Н. М. Шан-
ского.**

**Сборник упражнений составлен в соответствии
с программой курса национальных отделений пе-
дагогических институтов как вторая, практиче-
ская, часть комплекса учебных пособий по сти-
листике русского языка. Упражнения, данные в
пособии, направлены на усвоение студентами ос-
новных понятий стилистики: стилистическая
структура языка, функциональный стиль, стиле-
вые черты; на усвоение способов и приемов
стилистического анализа; на ознакомление с ти-
пическими ошибками нерусских учащихся; на
уяснение различий между стилистическим и лите-
ратуроведческим анализом текста.**

**Материал для упражнений взят из научной и
художественной литературы, публицистики и ли-
тературы официально-деловых жанров.**